

Российская академия наук
Уральское отделение
Коми научный центр
Институт языка, литературы и истории
Министерство национальной политики Республики Коми

**ВОПРОСЫ ПЕРМСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ
И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ:
ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Сборник научных статей

Сыктывкар 2013

УДК 811.511.13
ББК 81.2(=660/=665)

Вопросы пермской диалектологии и полевые исследования: традиции и перспективы: Сборник научных статей международной научной конференции / Отв. ред. к. филол. н. А.Г. Мусанов. Сыктывкар, 2013. 224 с.

Сборник посвящен известным коми диалектологам, внесшим огромный вклад в коми языкознание, составлен на основе докладов, прочитанных на Международной научной конференции «Вопросы диалектологии и полевые исследования: традиции и перспективы» (19-20 сентября 2013).

Предназначается для научных работников, аспирантов, преподавателей и студентов вузов, учителей средних школ Коми и Удмуртской республик и Коми-Пермяцкого округа Пермского края, а также для специалистов в области уральской филологии.

The collection is devoted to well known researchers of komi dialects, who has brought the huge contribution to komi linguistics, it is made on the basis of the reports which have been read at the International scientific conference «Questions of dialectology and field research: traditions and prospects» (September, 19-20th, 2013, Syktyvkar).

The collection is intended for researchers, postgraduate students, teachers and students, high school teachers of the Komi and the Udmurt Republics and the Komi-Permic districts of the Perm region, and also for experts in the Ural philology sphere.

Статьи печатаются в авторской редакции.

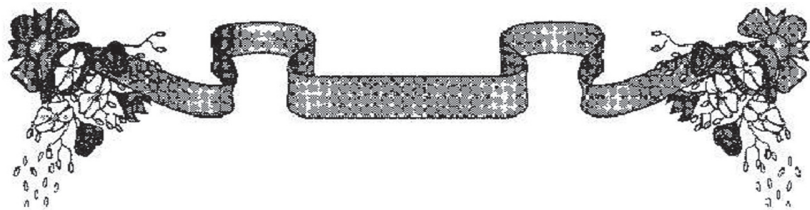
Сборник статей публикуется при финансовой поддержке Министерства национальной политики Республики Коми и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 33 «Традиции и инновации в истории и культуре» (проект № 12-П-6-1008 «Лингвогеографические исследования по коми языкам»).

Редакционная коллегия

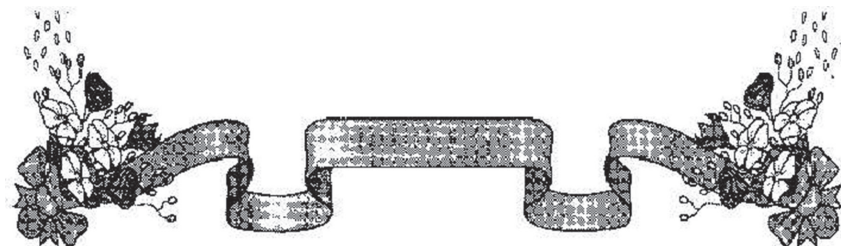
А.Г. Мусанов (отв. редактор), С.А. Сажина, Е.А. Цыпанов

© Коллектив авторов, 2013
© ИЯЛИ КомиНЦ УрО РАН, 2013

ПОСВЯЩАЕТСЯ КОМИ ДИАЛЕКТОЛОГАМ

ЖИЛИНОЙ ТАТЬЯНЕ ИВАНОВНЕ
КОЛЕГОВОЙ НИНЕ АНДРЕЕВНЕ
КОСНЫРЕВОЙ РАИСЕ ИВАНОВНЕ
ЛОСКУТОВОЙ НИНЕ ИЛЬНИЧНЕ
ЛЯШЕВУ ВЛАДИМИРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ
ПАВЛОВОЙ ЭЛЬБЕ КИРИЛЛОВНЕ
САХАРОВОЙ МАРФЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ
СЕЛЬКОВУ НИКОЛАЮ НИКИТИЧУ
СОРВАЧЕВОЙ ВАЛЕНТИНЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

19-20 сентября 2013 г. в Институте языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН состоялась Международная научная конференция «Вопросы диалектологии и полевые исследования: традиции и перспективы», посвященная пионерам коми диалектологии, внесшим значительный вклад в развитие коми языкознания XX столетия, М.А. Сахаровой и Н.А. Колеговой (к 100-летию со дня рождения), Т.И. Жилиной и В.А. Сорвачевой (к 90-летию со дня рождения).

Начатые в конце 20-х гг. прошлого столетия исследования коми диалектов носили фрагментарный характер и лишь в 40-х гг. началось планомерное обследование коми говоров не только в границах Республики Коми, но и за ее пределами. В работе принимали участие А.С. Сидоров, М.А. Сахарова, Н.А. Колегова, Н.Н. Сельков, В.А. Сорвачева, Т.И. Жилина. Впоследствии к исследованиям активно подключились В.И. Лыткин и его ученики Е.С. Гуляев, Г.Г. Бараксанов, В.А. Ляшев. Ими был собран богатейший диалектный материал, представляющий большую научную ценность.

В 1960 – 1990 гг. в научный оборот впервые были введены уникальные диалектные материалы в виде отдельных монографических работ: по верхневьчегодскому (1966, В.А. Сорвачева, М.А. Сахарова, Е.С. Гуляев), присыктывкарскому (1971, Т.И. Жилина, Г.Г. Бараксанов), верхнесыольскому (1975, Т.И. Жилина), ижемскому (1976, М.А. Сахарова, Н.Н. Сельков), печорскому (1976, М.А. Сахарова, Н.Н. Сельков, Н.А. Колегова), нижневьчегодскому (1978, В.А. Сорвачева), среднесыольскому (1980, Н.А. Колегова, Г.Г. Бараксанов), лузско-летскому (1985, Т.И. Жилина), удорскому (1991, В.А. Сорвачева, Л.М. Безносикова) диалектам.

Накопленные в прошлом веке уникальные лингвистические материалы служат прочной основой для продолжения исследований в области не только коми языков, но и финно-угорских, обоснования новых концепций и теорий, исторических реконструкций и т.д.

В настоящее время остаются актуальными сбор и систематизация диалектной лексики, ономастики, фиксации и описания спонтанной диалектной речи.

На международной научной конференции прозвучало более сорока докладов, связанных с вопросами диалектологии пермских и финно-угорских языков, диалектной лексикологии и лексикографии, фонетики, морфологии, истории диалектов, а также с практикой полевых работ, методикой сбора лингвистического материала, подходов к документированию языков, спецификой полевых наблюдений за изменениями языков в контактных зонах, методикой сбора социалингвистических данных, новых технологий в полевой лингвистике и т.д.

В работе международной научной конференции приняли участие ученые и преподаватели вузов Сыктывкара, Ижевска, Перми, Санкт-Петербурга, были представлены доклады иностранных ученых из Финляндии, Германии.

Сборник открывается публикациями о жизни и творчестве юбиляров. В них рассматриваются результаты первоначального накопления и описания полевых материалов. Далее следует ряд публикаций, посвященных проблемам диалектологии, диалектной лексикологии, лингвогеографии. Сборник завершают материалы, посвященные полевым и архивным исследованиям.

О ЮБИЛЯРАХ

У ИСТОКОВ КОМИ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Г.В. Федюнева (Сыктывкар)

Диалектология относится к числу фундаментальных лингвистических дисциплин, без развития которых не могут развиваться и другие. Неслучайно изучение любого языка начинается с описания живой народной речи, выявления ее территориальных особенностей и диалектного варьирования. В этом смысле не является исключением и коми язык, изучение которого началось с фиксации народной речи в полевых записях путешественников XVII–XVIII веков Н. Витзена, Д. Мессершмидта, Ф. Страленберга, Г. Миллера, И. Лепехина, П. Палласа и др. Особенно весомый вклад в изучение коми диалектов внесли А.М. Шёгрэн (1827), М.А. Кастрен (1843), Ю.Й. Вихман (1901–1902), Д.Р. Фокош-Фукс (1911–1913), которые с целью сбора полевого материала совершили специальные экспедиции в Коми край. В результате этих экспедиций были выявлены диалектные особенности некоторых говоров, опубликованы образцы диалектной речи, что стало подготовительным этапом в развитии коми диалектологии.

Началом первого этапа коми диалектографии можно считать создание в 1928 г. при Обществе изучения Коми края «Комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка», которая начала планомерное изучение вариантов коми-зырянской речи. Обращение к социальным функциям языка было характерно для 20–30 гг. Условия, в которых оказалась страна, были совершенно уникальными. Многие народы получили возможность осуществлять свои гражданские права и получать образование на родном языке, а для этого их языки должны быть, как минимум, описаны. Возникла острая необходимость в сборе диалектного материала и его предварительной классификации. Теоретическое советское языкознание строилось на конкретном языковом материале, а изучение диалектов стало, по словам А.С. Сидорова, «важным общественным делом» (Сидоров 1992: 44).

В 1928–1930 гг. Комиссией были организованы многочисленные экспедиции, в результате которых собран значительный диалектный материал и разработаны общие принципы классификации говоров. Несмотря на короткий срок существования Комиссии (до 1931 г.), деятельность ее членов А.С. Сидорова, В.И. Лыткина, Г.А. Нечаева, Е.А. Чеусова, С.А. Попова и Н.А. Шахова составила целый этап в развитии коми диалектологии, положила начало широкому научному исследованию коми диалектов. Особенно велика роль В.И. Лыткина, который, будучи инициатором создания и пред-

седателем Комиссии, составил план изучения коми диалектов, разработал методику сбора и обработки диалектного материала, лично собрал и описал огромный диалектный материал. В «Записках Общества изучения Коми края» была опубликована его основополагающая статья «Краткий обзор диалектов коми языка» (Лыткин 1930). Кроме того, в 1930-1931 гг. вышли два сборника комиссии со статьями, посвященными краткому описанию ижемского, верхнесысольского, среднесысольского, удорского и зюдинского диалектов коми языка.

Второй этап в развитии коми диалектологии – несомненно, наиболее плодотворный и продуктивный – связан с созданием первых научно-исследовательских организаций РК: НИИ при Коми облисполкоме (1934 – 1944 гг.), затем Базы АН СССР в РК (1944-1948 гг.) и Коми филиала АН СССР (1949 г.). У истоков коми академического языкознания тогда стояли А.С. Сидоров, Н.А. Колегова, М.А. Сахарова, А.И. Подорова, перед которыми была поставлена колоссальная задача – начать широкомасштабное научное изучение коми языка и вместе с тем – обеспечить процесс обучения на родном языке, т.е. развернуть подготовку учебной литературы для национальных школ и педучилищ. Однако изучение коми диалектов оставалось приоритетным направлением. В 30-50-е гг. многочисленными диалектологическими экспедициями была охвачена огромная территория от Коми-Пермяцкого округа до Ненецкого АО, бассейна Оби и Кольского полуострова. Несмотря на трудности военного и послевоенного времени полевые исследования проводились регулярно. Сегодня трудно представить, в каких условиях приходилось работать диалектологу тех лет. Бездорожье, отсутствие средств передвижения, полуголодное существование, нехватка материалов для работы, даже бумаги. А моральные трудности, когда каждый информант – деревенская женщина, так и не дождавшаяся кого-нибудь из близких с фронта, и разговоры только о войне.

Наука требовала самоотверженности и огромного трудолюбия. В этот период в научных учреждениях работают энтузиасты, люди, пришедшие в науку исключительно по зову сердца. Сегодня это уже ученые прошлого века. Их судьбы тесно связаны с историей становления коми национальной науки и образования, а жизнь в полной мере отражает путь становления национальной интеллигенции в сложных условиях формирования советского государства.

Наглядным примером могут служить судьбы Марфы Александровны Сахаровой и Нины Андреевны Колеговой, которым в этом году исполнилось бы 100 лет и чей юбилей мы с благодарностью отметим сегодня. Они были в числе первых коми ученых, положивших начало системному описанию коми диалектов. Удивительно похожими оказались их судьбы.

Обе они родились в 1913 г. (Марфа Александровна 6 августа в селе Визинга Сыктывдинского р-на РК, Нина Андреевна – 3 ноября в д. Чит, ныне г. Сыктывкар). Обе родились в крестьянской семье, окончили школу второй ступени и краткосрочные учительские курсы, начали трудовую деятельность сельскими учительницами, затем были заведующими образовательными учреждениями. Позже обе закончили КГПИ (Марфа Александровна училась в 1932-1936 гг., Нина Андреевна – в 1935-1939 гг.), обучались в аспирантуре. Марфа Александровна училась в аспирантуре Коми филиала АН СССР (с 1949 по 1953 гг.), Нина Андреевна в 1939 г. поступила в аспирантуру ЛГУ, однако закончить учебу помешала война. Зимой 1942 г. Н.А. Колегова возвращается из блокадного Ленинграда в Сыктывкар и поступает на работу в Коми научно-исследовательский институт при Наркомпросе Коми АССР, в котором с 1941 г. уже работает М.А. Сахарова. С этого момента вся их жизнь накрепко связана тесной дружбой и совместной научной деятельностью. В 1947 г. в Институте языка и мышления им. Н.Я. Марра АН СССР Н.А. Колегова защищает кандидатскую диссертацию по теме «Наречия в коми языке», в 1954 г. в Москве в Институте языкознания АН СССР диссертацию «Имя прилагательное в коми языке» защищает М.А. Сахарова.

Удивительно плодотворными для них обеих оказались годы их совместной работы в Коми НИИ. Первые научные работы Нины Андреевны и Марфы Александровны были продиктованы, прежде всего, потребностями народного образования. Это были учебники для школ, которые впоследствии неоднократно переиздавались (например, учебник по коми грамматике для 3 класса 1939 г. Н.А. Колеговой переиздавался в 1940, 1941, 1943 и 1947 гг.). В соавторстве с А.С. Сидоровым они издадут «Коми орфографический словарь» (1942), «Коми – русский словарь» (1949), учебники для школ и педучилищ и много другой учебной литературы. М.А. Сахарова является автором единственных пока «Словаря изобразительных слов коми языка» (1946) и «Русско-коми терминологического словаря» (1953). За период своей научной деятельности они внесла также весомый вклад в изучение коми диалектов, которым, как и все исследователи того периода, юбиляры уделяли особое внимание. Они совершили многочисленные экспедиции в Усть-Куломский, Ижемский, Печорский, Ухтинский, Усинский, Удорский, Троицко-Печорский районы Коми республики, которые по тем временам были не только труднодоступными, но и опасными, особенно для совсем еще молодых девушек. Как-то Марфа Александровна рассказывала, как в 1942 г., будучи еще совсем молодыми девушками, они вдвоем с Ниной Андреевной отправились в одну из своих первых диалектологических экспедиций. В самом начале зимы,

погрузив на санки книги, бумагу для записей и хлебный запас, вышли они из Сыктывкара на Мезень и Вашку ... пешком. Где «на своих двоих», где на попутных подводах, нанимаясь ямщиками, где на лодках добирались они до самых отдаленных населенных пунктов, чтобы зафиксировать никем еще не исследованную речь удорских коми.

За многолетний добросовестный труд и большой вклад в развитие науки Нина Андреевна Колегова и Марфа Александровна Сахарова награждены медалями «За доблестный труд в Великой отечественной войне 1941-1945 гг.», Почетными грамотами Президиума АН СССР (1945), Верховного Совета Коми АССР (1961). Н.А. Колегова имеет звание «Заслуженный работник науки и культуры Коми АССР» (1964), М.А. Сахарова – «Заслуженный деятель науки и техники Коми АССР» (1969).

В послевоенный период научная деятельность по системному изучению коми диалектов значительно активизировалась. В конце 1944 г., когда НИИ языка и письменности народа коми вошел в состав вновь созданной Коми Базы АН СССР, в нем работало всего шесть человек, в том числе пять лингвистов: А.С. Сидоров, Н.А. Колегова, М.А. Сахарова, А.И. Подорова и Д.А. Тимушев. Однако вскоре отдел пополнился новыми специалистами. В конце 1945 г. на работу была принята В.А. Сорвачева, а в 1946 – еще трое: Н.Н. Сельков, Т.И. Жилина, Г.А. Нечаев. Это позволило расширить тематику исследований, но главным направлением научной работы оставался сбор полевого материала, систематизация и монографическое описание диалектов. Особенно большой вклад в развитие коми диалектологии внесли В.А. Сорвачева и Т.И. Жилина, которые с энтузиазмом приступили к работе, перенимая опыт работы в полевых условиях, добросовестность и ответственность старшего поколения.

Отмечая роль предыдущих поколений исследователей в развитие коми диалектологии и в целом лингвистической науки, нельзя не отметить большой вклад, связанный с именем канд. филол. наук Валентины Александровны Сорвачевой (1923-1977 гг.), которой в этом году исполнилось бы 90 лет. Родилась Валентина Александровна 23 февраля 1923 г. в г. Сыктывкаре, окончила КГПИ (1939-1942 гг.), преподавала в школах республики. В 1945 г. она поступила на работу на Базу АН СССР в республике Коми, прошла курс аспирантуры. В 1951 г. в Институте языкознания АН СССР защитила диссертацию «Морфологические особенности верхневашского говора языка коми» (науч. рук. чл.-кор. Д.В. Бубрих и д.филол.н. А.С. Сидоров). После защиты Валентина Александровна возглавила коллектив языковедов, работавших над многолетней плановой темой «Изучение и монографическое описание диалектов коми языка». Ею был составлен перспективный план исследований коми-зырянских диалектов,

создана карта диалектов коми-зырянского языка для «Атласа Коми АССР» (М., 1964). Она совершила много экспедиций в различные районы республики, собрала и обработала полевой материал верхневьчегодского (экспедиции 1954 г.), нижневьчегодского (1952, 1966-1968 гг.), удорского (1948-1949, 1951, 1968-1971 гг.) диалектов коми языка. Валентина Александровна является одним из основных авторов серии монографий по диалектам коми языка, автором и соавтором словарей диалектной лексики, статей и разделов в коллективных монографиях по коми диалектам.

Огромный вклад в дело изучения коми языка внесла известный лингвист, крупнейший коми диалектолог Татьяна Ивановна Жилина, юбилей которой мы также будем отмечать в этом году. Татьяна Ивановна родилась 14 декабря 1923 г. в д. Тентюково (ныне г. Сыктывкар), в 1940 г. окончила сыктывкарскую среднюю школу, затем КГПИ (1944). Еще будучи студенткой, Т.И. Жилина обнаружила способности к научно-исследовательской работе, принимала участие в сборе диалектного материала, работала в составе лингвистических и фольклорных экспедиций студентов и преподавателей Карело-финского государственного университета, в годы войны эвакуированного в Сыктывкар. После окончания института работала учителем в с. Усть-Цильма, затем в 1946 г. поступила в аспирантуру Базы АН СССР в Коми АССР. Под руководством Д.В. Бубриха, а после его смерти – А.С. Сидорова подготовила и защитила в Институте языкознания АН СССР диссертацию на тему «Именные категории верхневьческих говоров северного диалекта коми языка» (1951) и с этого момента до выхода на пенсию работала в этом научном учреждении (с 1971 г. – ученым секретарем ИЯЛИ КФАН АН СССР).

За период своей научной деятельности она совершила много экспедиций в бассейны Выми, Вычегды, Сысолы, Лузы и Летки, побывала в Зауралье и Прикамье. Собранные ею полевые материалы составляют богатейший диалектологический фонд Научного архива Коми научного центра УрО РАН. На основе этих материалов Т.И. Жилина описала фонетический и морфологический строй присыктывкарского, верхнесысольского, лузско-летского, вымского диалектов, составила словари диалектной лексики, образцы диалектной речи. Необыкновенное трудолюбие, языковая интуиция и стремление к фактографической точности, свойственные исследовательской манере Татьяны Ивановны, позволили ей не только ввести в научный оборот огромный диалектный материал, но и выявить многие фонетические и морфологические закономерности, по-новому освещающие некоторые вопросы исторической грамматики пермских языков. Т.И. Жилина известна и как лексикограф, один из авторов диалектных и нормативных словарей коми языка, а также учебников для вузов.

Татьяна Ивановна имеет медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной Войне 1941-1945 гг.». За большие заслуги в научной и научно-организационной деятельности на посту ученого секретаря института она награждена Почетными грамотами Президиума АН СССР и Правительства Республики Коми. В 1973 г. ей было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Коми АССР».

Работа диалектолога никогда не была легкой, но в начальный период, когда только вырабатывались теоретические основы диалектологии как науки, она требовала особого внимания и ответственности. «Каждому, кто когда-либо занимался изучением диалектов, – писала в своем индивидуальном отчете Валентина Александровна Сорвачева – известно, каких значительных затрат человеческого труда требуется, чтобы составить монографию о диалекте. Сбор материала на местах в течение нескольких месяцев, разнесение на карточки, систематизация и осмысление материала, установление общих и частных закономерностей, перевод на русский язык иллюстративного материала, текста словаря и образцов диалектной речи, написание основных разделов и, наконец, подготовка к изданию – все это весьма и весьма трудоемкие процессы, требующие длительной, кропотливой работы, усердного и добросовестного труда» (Сорвачева В.А.: 62).

Незаменимыми помощниками, участниками многих диалектологических экспедиций, техническими редакторами научных отчетов и монографий были ветераны отдела Эльба Кирилловна Павлова, Нина Ильинична Лоскутова и Раиса Ивановна Коснырева. Они пришли в отдел языка и литературы в конце 50-60-х гг., когда отделом заведовала Н.А. Колегова: Н.И. Лоскутова – в 1958 г., Э.К. Павлова – в 1961 г., Р.И. Коснырева – в 1967 г. Позже, в 1978 г., на должность старшего лаборанта была принята Валентина Константиновна Хабарова, также включившаяся в работу по обработке языкового материала. Каждая из них внесла неоценимый вклад в становление и развитие коми филологической науки и, прежде всего, коми диалектологии. Практически все монографии, словари, сборники статей, научные отчеты и т.д., подготовленные сотрудниками отдела языка в 1960 – 1980-е гг., прошли через их руки. Сбор материала, расшифровка, картографирование и систематизация, техническое редактирование и корректура рукописей – вот та невидимая на первый взгляд, но очень трудоемкая и необходимая работа, без которой в то время невозможно было провести полноценное лингвистическое исследование.

Сегодня есть повод сказать слова благодарности также этим неутомимым труженицам, большую часть своей жизни отдавшим науке. 29 июня исполнилось 80 лет Эльбе Кирилловне Павловой, уроженке д. Латьюга Удорского района РК. Эльба Кирилловна окончила КГПИ, работала

в школе, а затем с 1961 г. до выхода на пенсию (1989) – в ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. За это время она проделала огромную работу по расшифровке диалектных записей, работала с материалами известных ученых-фольклористов Ф.В. Плесовского, А.К. Микушева, П.И. Чисталева, участвовала в сборе и систематизации материала для «Краткого этимологического словаря коми языка» В.И. Лыткина и Е.С. Гуляева.

Следующий год является юбилейным также для Нины Ильиничны Лоскутовой, которая родилась 30 сентября 1934 г. в с. Ыб Сыктывдинского района. В 1956 г. она закончила КГПИ, работала корреспондентом республиканского радио (1956-1957 гг.), затем в усть-куломской школе. С 1958 г. до выхода на пенсию (1991 г.) она была одним из основных технических исполнителей шести монографий по диалектам коми языка: верхневычегодскому, присыктывкарскому, верхнесысольскому, среднесысольскому, печорскому и лузско-летскому.

Во многом сходной оказалась судьба Раисы Ивановны Косныревой, которая родилась 18 июня 1935 г., как и Нина Ильинична, в с. Ыб Сыктывдинского района Коми АССР. В 1958 г. окончила историко-филологический факультет Коми государственного педагогического института, девять лет работала в школах республики. В 1967 г. была принята на работу в отдел языка и литературы Коми филиала АН СССР и до последнего времени активно занималась подготовкой словарей коми языка, в том числе, она является одним из соавторов последних фундаментальных словарей коми языка (КРС, РКС), а также только что вышедшего в свет «Словаря диалектов коми языка» (СДКЯ).

Высокий профессионализм, добросовестное отношение к своим обязанностям, которые всегда были присущи этим великим труженицам, не может не вызывать восхищения и служить примером. Вместе с известными коми диалектологами Н.А. Колеговой, М.А. Сахаровой, Т.И. Жилиной, В.А. Сорвачевой, Г.Г. Бараксановым, В.А. Ляшевым и др. исследователями они совершили каждая более полутора десятков экспедиций и самым тщательным образом обработали его. Благодаря этому многотомные отчеты диалектологических экспедиций тех лет, хранящиеся в научном архиве Коми НЦ УрО РАН, и сегодня представляют исключительную ценность.

За многолетний добросовестный труд, большие заслуги в развитии коми языкознания они награждены медалями «За трудовое отличие», «Ветеран труда», Почетными грамотами Президиума Академии наук СССР в связи с 250-летием АН СССР, Президиума Коми филиала АН СССР, Президиума Академии наук СССР в связи с 275-летием АН СССР, Президиума Коми филиала АН СССР. Раиса Ивановна Коснырева является Лауреатом государственной премии Республики Коми в области науки (2000, 2003).

Трудно переоценить тот вклад, который внесли лингвисты 1940 – 1970-х гг. в изучение коми диалектов. В результате их трудоемкой и кропотливой работы вышли в свет фундаментальные словари и монографии, до сих пор не утратившие своей научной и общекультурной значимости. Благодаря их многолетней работе сегодня финно-угристика имеет такие уникальные издания, как «Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов» (1961), «Образцы коми-зырянской речи» (1971), серию монографий по всем диалектам коми языка: В.И. Лыткин «Коми-язьвинский диалект» (1961), В.А. Сорвачева, М.А. Сахарова, Е.С. Гуляев «Верхневычегодский диалект коми языка» (1966), Т.И. Жилина, Г.Г. Бараксанов «Присыктывкарский диалект и коми литературный язык» (1971), затем монографии по всем остальным диалектам: Т.И. Жилина «Верхнесысольский диалект коми языка» (1975), М.А. Сахарова., Н.Н. Сельков «Ижемский диалект коми языка» (1976), М.А. Сахарова., Н.Н. Сельков, Н.А. Колегова «Печорский диалект коми языка» (1976), В.А. Сорвачева «Нижневычегодский диалект коми языка» (1978), Н.А. Колегова, Г.Г. Бараксанов «Среднесысольский диалект коми языка» (1980), Т.И. Жилина «Лузско-летский диалект коми языка» (1985), В.А. Сорвачева, Л.М. Безносилова «Удорский диалект коми языка» (1990), Т.И. Жилина «Вымский диалект коми языка» (1998).

Публикация этих материалов завершила период становления коми диалектологии. Дальнейшее развитие коми диалектологии должно выйти на качественно новый уровень исследований с применением современных методов и технологий. Однако всем нам, а особенно, молодым диалектологам, следует помнить, что без того фундамента, который был создан предыдущими поколениями исследователей, не возможны были бы и современные исследования.

Литература и источники

- Сидоров А.С.* Избранные статьи по коми языку. Сыктывкар, 1992.
- Лыткин В.И.* Краткий обзор диалектов коми языка // Записки Общества изучения Коми края. Вып. V. Сыктывкар, 1930. С. 31-40.
- Сорвачева В.А.* – Личное дело В. А. Сорвачевой. // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. №1, оп.19, ед.хр. 862.
- СДКЯ* – Словарь диалектов коми языка. В 2 т. Сыктывкар, 2012. Т.1.
- КРС* – Коми-русский словарь / Л.М. Безносилова, Е.А. Айбабина, Р.И. Коснырева / Отв. ред. Л.М. Безносилова / Сыктывкар, 2000.
- РКС* – Русско-коми словарь / Л.М. Безносилова, Н.К. Забоева, Р.И. Коснырева / Отв. ред. Л.М. Безносилова / Сыктывкар, 2003.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИНГВИСТА Т.И. ЖИЛИНОЙ

В.М. Кудряшева (Сыктывкар)

Коллектив сектора языка, письменности, литературы и истории, организованный в конце 1944 – начале 1945 гг., состоял всего из шести сотрудников: лингвистов А.И. Подороваой, Н.А. Колеговой, М.А. Сахаровой, А.С. Сидорова, Д.А. Тимушева и историка В.М. Подорова. Они стали основой будущего отдела, а затем и Института языка, литературы и истории. В конце 1945 г. в сектор пришли литературовед А.А. Вежев, лингвисты В.А. Сорвачева, в 1946 г. – Т.И. Жилина. К настоящему времени среди нас только Т.И. Жилина.

Это было замечательное поколение ученых-лингвистов, которое с большим энтузиазмом и желанием принялось за изучение коми языка, грамматики, диалектологии, лексикологии. К сожалению, в тот период не было ни архива, ни материала для исследований, а надо было писать статьи, защищать диссертации, готовить монографии. Приходилось сразу же отправляться за сбором материала в различные районы республики, чтобы формировать научный фонд. То, что собрано лингвистами в те годы, имеет большую научную ценность, так как, кроме языковедческого материала, представлено много редких, оригинальных текстов этнографического, фольклорного характера.

Первые научные экспедиции совпали с тяжелыми военными и послевоенными годами. Н.А. Колегова, М.А. Сахарова, В.А. Сорвачева и Т.И. Жилина шаг за шагом героически изучали коми язык, его особенности в деревнях и селах Республики Коми. Так как транспорта не было никакого, то приходилось передвигаться пешком, таща на санках или на себе тяжелый экспедиционный груз, иногда даже плыть на плотках. Пешком доходили до Удоры. Находясь длительное время в стационарных условиях, им удалось получить ценные практические результаты.

Во время учебной практики в пединституте Т.И. Жилина, в составе эвакуированного в Сыктывкар карело-финского университета, совместно со студентами под руководством В.Г. Базанова и И.А. Василенко собирали материал по диалектологии и фольклору. После окончания Коми государственного пединститута два года работала учителем русского языка и литературы в устьцилемской средней школе, а затем сразу же поступила в аспирантуру, успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Именные категории верхневымских говоров северного диалекта коми языка». Она тщательно изучала особенности коми языка бассейнов рек Вымы, Вычегды, Сысолы, Лузы, Летки, Камы, а также исследовала языковые особенности коми переселенцев в Зауралье.

Т.И. Жилина на основе собранного и изученного ею материала написала много работ, в том числе монографии: «Присыктывкарский диалект и коми литературный язык» (М., 1971, в соавторстве), «Верхнесысольский диалект коми языка» (М., 1975), «Лузско-летский диалект коми языка» (М., 1985), «Вымский диалект коми языка» (Сыктывкар, 1998), «Образцы коми зырянской речи» (Сыктывкар, 1971, в соавторстве) и другие. Участвовала в создании учебников для вузов «Современный коми язык», ч. 1. Фонетика. Лексика. Морфология; «Современный коми язык», ч. 2. Синтаксис» (Сыктывкар, 1955, 1967 гг.). Была автором-составителем и редактором «Русско-коми словаря» (Сыктывкар, 1966), «Сравнительного словаря коми-зырянских диалектов» (Сыктывкар, 1961). Безусловно, ею внесен значительный вклад в развитии науки.

Мне посчастливилось побывать в экспедиции с Т.И. Жилиной, опытейшим полевиком-исследователем, в Койгородском районе. Её работу можно назвать эталоном научной добросовестности. Вызывало восхищение ее трудолюбие, деловитость, стремление сделать все добросовестно и основательно. Работая с информаторами, она не просто проверяла лексику, значение того или иного слова, но старалась узнать, в каких вариантах и значениях его употребляют, как применяется в образных выражениях и словосочетаниях. И так с раннего утра и до позднего вечера с небольшим перерывом на обед. Это – тяжелейший труд. Если у человека нет глубокой заинтересованности в работе, он просто не выдержит такой нагрузки. Лишь вечером она могла позволить себе сменить один вид деятельности на другой – приглашала на посиделки информаторов и записывала от них фольклорные произведения.

Т.И. Жилина прекрасно понимала, что фольклор, как и язык, важнейший элемент национального самосознания народа, память о традиционных корнях предков. Безусловно, она относилась к нему как к важнейшей культурной ценности и проявляла к нему живой интерес. Во время полевой научно-исследовательской работы она находила опытных информаторов, умела их заинтересовать, что бы те так же сидели с ней целыми часами, делясь своими знаниями. Она умела быть «своим» человеком.

Благодаря умению благосклонно относиться к людям Т.И. Жилина пользовалась авторитетом, уважением и глубокой симпатией. Обладая даром юмориста, она могла рассказать обычный бытовой случай, который рассмешит любого. Она вспоминает такой случай. Жила у них в доме после войны русская квартирантка. Она удивленно спрашивала, почему они, когда садятся пить чай, всегда ругаются, упоминая слово «сука». Если в русском языке «сука» может употребляться как бранное слово, то в переводе с коми «сук» крепкий густой напиток чая, поэтому говорили: «Эн сука

кисьт». («Не наливай густо»). В качестве шутки она приводила примеры лексического многозначия слова с оттенком юмора. Казалось бы, простое слово «пукала», в переводе с коми «сижу», в русском языке имеет совсем другой смысл. Т.И. Жилина знала также множество народных песен и частушек и с удовольствием их пела на коллективных мероприятиях.

Среди записанных ею фольклорных произведений встречаются самые различные жанры. Это пословицы и поговорки, загадки, приметы, детский фольклор, обрядовые произведения, бытовые рассказы, эпизоды отечественной войны, охотничьи рассказы, множество частушек и другие. Т.И. Жилиной было выявлено немало оригинальных вариантов коми волшебных и бытовых сказок, которые жили еще в то время полноценной жизнью в репертуаре подлинных мастеров слова. Благодаря ей, ее интересу к народному творчеству до нас дошли редкие тексты сказок, которые были записаны впервые в Усть-Вымском, Железнодорожном, Сысольском, Летском районах. Это такие сказки, как «Самой верной друг», «Гозья» (Муж с женой), «Иван-царевич», «Рак» и многие-многие другие. Следует заметить, что фольклористам не удалось повторно записать варианты этих сказок, кроме отдельных текстов.

Редкой находкой является сказка об Илье Муромце, зафиксированная Т.И. Жилиной в 1945 г. в д. Шошка Железнодорожного района Республики Коми, хранящаяся в архиве КНИЦ УрО РАН. Она интересна тем, что записана не в контактной с русскими зоне и указывает на глубинное проникновение былинных сюжетов в различные районы республики в репертуар коми сказочников. Значимость данной коми сказки заключается в сохранении былинной фразеологии и эпических мотивов.

Рассказал сказку А.Г. Козлов (73 года). Она состоит из сюжета о чудесном исцелении Ильи, его встречи с Соловьем-разбойником и Святогором. Упоминается и о хвастовстве богатырей на пиру у князя Владимира, а также приводится фрагмент борьбы богатырей с татарами из былинного сюжета «Камское побоище». Заканчивается сказка окаменением как Ильи Муромца, так и других былинных богатырей.

Исключительно замечательный, редкий вариант богатырской сказки «Шомвуква» Т.И. Жилина записала в 1948 г. в с. Онежье от 60-летнего Д.Ф. Щанова, очень талантливого информатора, великолепно знающего свой родной язык, а также народное творчество. Он умело находил образные выражения в ходе разговорной речи. Татьяна Ивановна не случайно обращала внимание на фольклор, на различные его жанры. Как опытный лингвист она понимала, что самые лучшие, живые примеры речи, правильные образные выражения можно найти именно в таких текстах, поэтому и находила среди сельчан разговорчивых, понимающих людей, от

которых можно было получить ценную информацию, с которыми было легко и интересно работать.

Данный тип сказки – о богатырях-охотниках – характерен для фольклора народов севера и Сибири. Варианты этой коми сказки были записаны только у вымских, ижемских и удорских коми. В восточно-славянском сказочном репертуаре аналогичный сюжет не зафиксирован. Исполнялась она в песенной и прозаической форме. Основная версия сюжета заключается в следующем. Отец с одиннадцатью сыновьями, снарядив три лодки, насушив сухарей, заготовив дробь – порох, отправляется на охоту. Прибыв на речку Шомвуква, они строят лесную избушку. Отец, придерживаясь старых примет и знамений, имевших особое значение в язычестве, просит рассказать сыновьям сон, приснившийся им в новом доме. Одному из сыновей снится, что они поделились на две партии, одна из которой пошла в лес на охоту. Навстречу им попался большой медведь (вõрса ыджыд ош) и проглотил их. Другие пошли ловить рыбу, им встретился большой водяной глот (васа ыджыд глõt) и также разом их всех проглотил. Образы данных врагов – поглотителей связаны с древними языческими взглядами коми о мифических существах, обитавших в лесах и на реках. Далее в сказке развивается типичный для севернокоми эпоса мотив мести юноши за смерть отца и братьев. В их отсутствие у матери рождается сын, младший брат, который буквально с первых дней проявляет богатырские качества. Только что родившийся ребенок через час становится похожим на годовалого, через два часа – на двухлетнего, через три – трехлетнего. Сразу же у него проявляется богатырская сила. В первый же день, кинув в своих обидчиков мячом, он ломает кому-то палец, кому-то калечит ноги. На другой день он вынужден показать свою силу против пятнадцатилетних обидчиков. Брошенный в них мяч летит, как пуля, и обрывает у них руки и ноги. На третий день он ранит двадцатипятилетних обидчиков. Родители покалеченных детей начинают упрекать его погибшими братьями и отцом. Юный богатырь, узнав от матери об истинной трагедии, произошедшей с его отцом и братьями, мастерит лодку и отправляется в Шомвукву. За один день он делает лесную избушку, в которой впоследствии находит девушку, представительницу рода его врагов, и женится на ней.

Существовало, очевидно, несколько версий сюжета данной сказки. В одних вариантах наиболее подробно описывается его детство, чудесный рост и возмужание, в других – особое внимание уделяется его героическим подвигам. Герой сказки становится удачливым охотником, отцом чудесных детей, которых он временно теряет из-за нарушения запрета не рассказывать односельчанам о своей жизни в Шомвукве, а затем вновь обретает их. (Рочев 1991: 17-22) Сказка сохранила сказочные формулы и общие места

с троекратным упоминанием некоторых эпизодов. Его состязания с разновозрастными детьми, возможно, является реликтом древней инициации юноши, вступающего во взрослую жизнь. Оказавшись сильнее всех, он легко побеждает обидчиков.

Т.И. Жилиной удалось встретиться с замечательными сказочницами, среди которых была и Сокерина Домна Ефимовна, родом из Онежья, выросшая в большой нужде в бедной крестьянской семье. Не повезло ей и с мужем. Тиран и пьяница, он перебил ей обухом топора ключицу. И несмотря на это, она оставалась живой, бойкой женщиной. В д. Шёр Кони, где она проживала в замужестве, пользовалась уважением как умелая сказочница бытовых, волшебных и новеллистических сказок. Она знала и умело пользовалась присказками, заимствованными из репертуара русских сказочников. Т.И. Жилина записала от нее сказку «Рак», известный сюжет, который оригинально переделан на свой лад используя сказочные присказки и формулы.

Отдельным томом хранится в Научном архиве УрО РАН фольклорный материал, собранный Т.И. Жилиной в 1945 г. в д. Куратово, содержащий восемь сказок от колхозницы П.В. Митюниной. Это «Шут Николай», «Крестьяниньяс» (Крестьяне), «Микола Дуплянский», «Иван-царевич», «Царь», «Поп», «Манак», «Гильди купец». Ей первой удалось зафиксировать эти полноценные тексты сказок в Сысольском районе.

Записи, сделанные ею в с. Турья Железнодорожного района, свидетельствуют о глубоком проникновении русского фольклора в репертуар коми сельчан. Е.Н. Мингалева исполнила ей около 200 частушек с различной тематикой преимущественно военной, послевоенной и любовной тематики. Песни пели исключительно русские. Такие как «Полно, братцы», «На широкую долину», «Во саду ли в огороде», «Пойду с горя», «Мамашенька бранила», «Потеряла я колечко», «Гуляла в саду девонька», «Горе горькое», «Сижу в неволе», «Кого-то нет», «Поле чистое», «Ты, березонька», «Полно, братцы», «На широкую долину» и другие. Сделанные фольклористами записи таких песен в последующие годы в других районах Республике Коми говорят о том, что они пользовались широкой популярностью среди коми певцов почти повсеместно.

Т.И. Жилиной удалось записать немало сказок, среди которых редкие и весьма оригинальные. Многие собранные ею тексты печатались в качестве приложения в диалектологических изданиях, однако они составляют незначительную часть собранного ею материала. В связи с быстрым процессом христианизации, включением Коми края в состав древнерусского государства, коми фольклор испытал мощное воздействие русского народного творчества. Жанр богатырской сказки оказался как бы законсервиро-

ванным, на смену ему пришли сказки волшебные, бытовые со сходными русскими сюжетами.

Сказалось это и в лексике. Так, красивых девушек стали сравнивать с русской куклой (роч акань кодь), сукно – это «роч ной», праздничные сани – «роч додь», белый гриб – «роч гоб» и т.д. Самое красивое и лучшее подчеркивали словом «роч» (русский).

Т.И. Жилина совместно с лингвистами Н.А. Колеговой, М.А. Сахаровой, В.А. Сорвачевой проложили путь к полевым лингвистическим и фольклорным материалам. Они записали оригинальный фольклор, интересные сведения этнографического характера, которые хранятся в Научном архиве УрО РАН. Начиная с военного и послевоенного времени, ими был собран значительный объем материала не только для собственных исследований, но и будущих поколений.

Литература

Рочев Ю.Г. Коми мойдьяс (Коми сказки). Сыктывкар, 1991. С. 17-23.

М.А. САХАРОВА И Н.А. КОЛЕГОВА: НАЧАЛО ПУТИ В НАУКУ

Т.А. Малкова (Сыктывкар)

Встреча Марфы Александровны Сахаровой и Нины Андреевны Колеговой (Мальцевой) произошла в стенах Коми государственного педагогического института.

М.А. Сахарова поступила на филологический (общественно-литературный) факультет КГПИ в 1932 г. 1936 г. стал знаменательным для Коми педагогического института: он выпустил своих первых питомцев – 26 человек, среди них – Марфа Александровна. Преподавателями коми языка, из воспоминаний Марфы Александровны были В.И. Лыткин, А.С. Сидоров, литературы – И.И. Оботуров, русского языка – С.Н. Коновалов, специальные предметы вели Г.А. Нечаев, Г.А. Старцев, В.М. Подоров. Марфа Александровна отмечает, что именно «...они привили нам интерес к научной работе». После окончания пединститута М.А. Сахарова работала учителем коми языка и литературы сначала в с. Помоздино, затем в Усть-Куломе. Переехав в 1941 г. в Сыктывкар и отправив мужа на фронт, 31 июля 1941 г. министром просвещения Коми АССР А.И. Подоровой была направлена в Коми научно-исследовательский институт (КНИИ) научным сотрудником по коми фольклору (Коми пединститут 2007: 302; Ученые института 200: 85-86, 155-156; НА 1:8 об.).

Н.А. Колегова (Мальцева) после окончания учительских курсов в 1930 г. работала в Керчомской школе Усть-Куломского района, затем директором детских домов в с. Керчомье и поселке спецпереселенцев Зимстан. В 1934-1939 гг. она обучалась на литературном факультете Коми пединститута. Летом 1939 г. Нина Андреевна участвовала в экспедиции, организованной Коми пединститутом и Коми научно-исследовательским институтом в Сыктывдинский и Сысольский районы по изучению диалектов коми языка и сбору фольклора. Изучение диалектов членами экспедиции велось в целях: а) обогащения литературного языка новыми словами и формами, б) выяснения территории распространения того или иного языкового явления, в) изучение влияния русского языка и новых терминов на коми язык. Материалы экспедиции были сданы в архив КНИИ. После окончания института Нина Андреевна поступила в аспирантуру при Ленинградском Государственном университете. Из ее воспоминаний следует, что ко второму году учебы была готова и отдана научному руководителю диссертация, которая затем пропала вместе с ним в первый блокадный год. В 1942 г. ей удалось с большим трудом выехать из Ленинграда и добраться до Сыктывкара. 25 марта 1942 г. Нина Андреевна была направлена в Коми НИИ. Здесь и произошла вторая

встреча будущих ученых – языковедов, определившая весь их дальнейший долгий научный путь (Смертина 2003:4; НА 2: 1-12; НА 1:20).

Автором статьи выявлены и проанализированы документы Научного архива Коми НЦ УрО РАН о работе Коми НИИ в период Великой Отечественной войны, связанные с фиксацией фамилий исследуемых ученых. Н.А. Колегова проходит в документах под фамилией Мальцева.

После реорганизации в 1940 г. Коми научно-исследовательского института решением Коми обкома ВКП(б) и Совнаркома Коми АССР были созданы три сектора: языка, литературы и фольклора, истории. Из-за отсутствия научных кадров функционировал лишь сектор языка. С началом Великой Отечественной войны в кадровом составе института и его деятельности произошли существенные изменения, связанные, прежде всего, с эвакуацией учебных и научных учреждений Северо-Запада в Сыктывкар. В институте стали работать Д.В. Бубрих – основатель советского финно-угроведения, В.Г. Базанов – фольклорист, заведующий кафедрой литературы Карело-Финского университета, А.С. Сидоров – языковед, этнограф, археолог. В окружении этих высококвалифицированных специалистов начинали свою научную деятельность Марфа Александровна и Нина Андреевна. В связи с мобилизацией сотрудников на фронт кадровый состав института в этот период очень часто менялся. В штате института на постоянной основе или по совместительству работали А.А. Вежев, С.В. Оверин, М.А. Налимов, Г.И. Шурганов, А.И. Заславский, В.М. Подоров, А.И. Подорова, К.В. Сивков, А.О. Третьякова, Д.А. Тимушев (Малкова 2001:121-123; Малкова 2005: 123-131).

С 21 октября 1941 г. Д.В. Бубрих исполнял обязанности ученого секретаря института и осуществлял научное руководство исследовательскими работами по языкознанию. В 1942 г. Д.В. Бубрих возглавил работу по плановой теме института «Научная грамматика современного коми языка». Была проделана большая работа по усовершенствованию и изданию учебника грамматики коми языка для средней школы в двух частях: «Фонетика и морфология», «Синтаксис коми языка», в которой непосредственное участие принимала М.А. Сахарова. Также она участвовала в составлении нового «Орфографического словаря коми языка» (1942 г. М.А. Сахарова, Д.С. Оверин, М.А. Налимов) (НА 3:1, 26-30; НА 1:14).

В плане работы КНИИ на 1943 г. значились следующие направления исследований: разработка проблем научной коми грамматики; составление коми-русского словаря; терминологическая работа; диалектологическая работа; изучение коми фольклора; изучение коми литературы; изучение коми истории. В раздел «Разработка проблем научной грамматики» впервые вносятся две темы исследований молодых ученых: «Наречие в коми

языке» Н.А. Мальцевой, работа над которой являлась диссертационным исследованием; «Отношения между существительными и прилагательными в коми языке» М.А. Сахаровой. В отчете за 1943 г. отмечается, что Н.А. Мальцевой собран значительный материал на карточках и написан черновой вариант диссертационной работы, а М.А. Сахарова написала работу «Существительное и прилагательное в коми языке» объемом 2 а. л. (НА 4: 1-3, 28-33).

В 1942 г. исследование диалектов началось с обработки материалов экспедиции 1939 г., составления «Диалектологической карты Коми АССР» для Республиканского музея, переработки и издания Д.В. Бубрихом диалектологического вопросника по изучению диалектов для составления диалектологического атласа коми языка. Вопросником (большим и малым) пользовались как сотрудники института, так и привлекаемая к сбору диалектологического материала общественность. В 1942 г. на средства КНИИ и КГПИ Н.А. Мальцевой и М.А. Сахаровой была совершена экспедиционная поездка в Удорский район, где заполнялись диалектологические вопросники и записан ряд образцов местной речи. В план работы 1943 г. было внесено составление «Краткого диалектологического атласа коми языка».

В 1943 – 1944 гг. от информантов через вопросники были получены данные речи 21 селения разных районов Коми АССР. В эти годы состоялись экспедиции М.А. Сахаровой и Н.А. Мальцевой по сбору диалектных материалов и фольклора в Сторожевский, Сысольский, Железнодорожный районы и районы Печорского бассейна. К 1944 г. данные частично были обработаны проф. Д.В. Бубрихом, который сделал вывод, что «собранный материал еще не обеспечивает составление диалектологического атласа коми языка, однако он обеспечивает составление описания коми диалектов» (НА 4:3 об., 28-33; НА 1: 28 об.).

4 марта 1942 г. была одобрена Инструкция по составлению «Коми-русского словаря», второй темы института, и принято решение приступить к работе с составлением словника. В выполнении темы были заняты Д.В. Бубрих, А.Д. Оверин, А.С. Сидоров, А.И. Подорова, Н.А. Мальцева, М.А. Сахарова. Всему коллективу сотрудников рекомендовалось уделять 8-10 часов в неделю на разработку коми-русского словаря. В ходе работы над словарем были проведены десятки рабочих совещаний с отчетами сотрудников о проделанной работе и консультациями по проблемным вопросам. Так, в отчете за 1 квартал 1943 г. указывается, что М.А. Сахаровой и Н.А. Мальцевой сделана выборка из произведений В. Юхнина, Я. Рочева, А. Федорова, С. Ермолина, Н. Дьяконова, Краткого курса истории партии, выполнена группировка карточек. Словарь считался

законченным в конце 1943 г., но работа не была принята и продолжилась в последующие годы (НА 3: 11; НА 4: 16, 28-33; НА 1: 35).

С января 1942 г. для выполнения плановых тем Д.В. Бубрихом привлекались научные кадры Коми пединститута, Института усовершенствования учителей, учителя школ и средних специальных учреждений. На совместных заседаниях заслушивались научные доклады Д.В. Бубриха, других специалистов и обсуждались научные вопросы. Так, 28 февраля 1942 г. на объединенное заседание КНИИ и кафедры коми языка КГПИ при обсуждении вопросов синтаксиса коми языка был заслушан доклад М.А. Сахаровой, где она выдвигала для разрешения некоторые спорные вопросы коми синтаксиса, возникшие в связи с переработкой 2-го раздела учебника «Синтаксис для полной и неполной средней школы». На совещании 26 мая 1942 г. по вопросу организации экспедиций для изучения диалектов коми языка и фольклора рассматривались вопросы организации совместных экспедиций КНИИ с КГПИ и Карело-Финским университетом. Было принято решение составить план экспедиций и командировок, объединив усилия всех заинтересованных учреждений и сотрудников, а также организовать при КНИИ фольклорный фонд (НА 3: 9, 14, 34).

В 1943 г. для повышения квалификационного уровня сотрудников института и преподавателей Коми пединститута Д.В. Бубрих провел 11 семинаров по вопросам коми грамматики, являясь основным докладчиком. В 1944 г. докладчиками на семинарах также были А.И. Кипрушева, А.С. Сидоров, В.Г. Базанов, Н.А. Мальцева. В 1943 г. Д.В. Бубрих начал проведение семинара по вопросам общего и коми языкознания (в связи с удмуртским языкознанием). Все семинары имели характер обсуждений грамматических и других проблем. На основе прочитанных докладов и были высоко оценены молодыми сотрудниками институтов. Так, преподаватель КГПИ А.И. Кипрушева в 1944 г. отмечала: «Работа института резко повысилась. В этом много помог Д.В. Бубрих. Научные доклады помогли молодым работникам». 23 апреля 1944 г. М.А. Сахарова временно была переведена на работу по совместительству в связи с поступлением в аспирантуру. В 1945 г. она закончила подготовку диссертационной работы: «Изобразительное слово в коми языке», впоследствии поменяв тему исследований (НА 4: 12, 15, 17-19, 21-25, 35, 39-41; НА 1: 46).

Помимо основной научной работы сотрудники института привлекались на городские и районные конференции учителей, выезжали с проверками преподавания коми языка и литературы в школы республики, участвовали в сплавных и сельскохозяйственных работах.

Таким образом, увеличение научного потенциала в годы войны за счет эвакуированных ученых и молодых специалистов дало новый импульс

развитию института. Военный период был для языковедов Коми НИИ плодотворным. Большой вклад в исследования института внесло и молодое поколение – М.А. Сахарова и Н.А. Колегова. В 1947 г. Колегова Нина Андреевна защитила диссертацию «Наречия в коми языке» в Институте языка и мышления АН СССР, а в 1954 г. – Сахарова Марфа Александровна защитила диссертацию «Имя прилагательное в коми языке» в Институте языкознания АН СССР. Основы диссертационных исследований этих ученых были заложены в период работы в Коми научно-исследовательском институте (НА 5: 3).

Литература и источники

Коми пединститут: становление и развитие (1932-1941): документы, материалы, воспоминания. Сыктывкар, 2007. С. 302.

Малкова Т.А. Коми научно-исследовательский институт в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война в документах и материалах. Сыктывкар, 2001. С. 121-123.

Малкова Т.А. Научная деятельность Д.В. Бубриха в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // Европейский Север СССР в стратегии второй мировой войны (на материалах Коми АССР). Сыктывкар, 2005. С.123-131.

НА 1 – Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 18. Д. 8 (2). Л. 8 об.; 20; 14; 28 об.; 35; 46.

НА 2 – Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 11. Д. 35. Л.1-12.

НА 3 – Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 66. Л. 1, 26-30; 11; 9, 14, 34.

НА 4 – Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 74. Л. 1-3, 28-33; 3 об, 28-33; 16, 28-33; 9; 12, 15, 17-19, 21-25, 35, 39-41.

НА 5 – Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 86. Л. 3.

Смертина О. Без черновиков, вранья и выгод // Республика. 2003. 1 июня.

Ученые Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН. Биографический справочник. Сыктывкар, 2000. С. 85-86, 155-156.

ВОПРОСЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

КОРОМЫСЛО, ВЕСЫ, ПОСОХ, ПУП НЕБА: О НЕКОТОРЫХ НАИМЕНОВАНИЯХ КОСМИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ В КОМИ И ДРУГИХ ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ

Е.А. Айбабина, Л.М. Безносикова (Сыктывкар)

Космонимы (названия зон космического пространства) и астрономы (названия отдельных небесных тел) – это особый разряд собственных имен, возникших в древности и отражающих своеобразие восприятия носителями какого-либо языка объектов звездного неба, а также несущих на себе следы контактов народов и языков.

Наблюдения за небесными объектами в отдаленные времена преследовали главным образом практические цели, часто были связаны с прогнозированием погоды, с определением времени. Об этом свидетельствуют народные приметы, например: *көдздөддөм водзын кодзулыс гежөд* ‘перед похолоданием звезды редуют’, *выль төлысьлөн кө ныр бөжыс ёсь, сэк шоныд лоё* ‘если у молодого месяца кончик острый, будет тепло’ (Приметы: 107, 108); *Вой Кодзулыс чатырчема нин – времяяыс нин сёр иж.* (Салехард) ‘Большая Медведица запрокинулась – уже поздно’ (ОКЗР: 291). Однако некоторые явления считались несчастливыми предзнаменованиями: *бөжа кодзулыс лювнитис-уси – неслучай лове* вв. (Керчомъя) ‘упала комета, оставляя за собой след, – будет несчастье’ (КСК: 684); *пöрысь йöз шулисны, война водзад пö Асья кыа кодзулыд дзикöдз бырлис* ‘старые люди говорили, что перед войной Венера совсем пропадала’ (Приметы: 140).

Изучению космонимов и астрономов коми языка до последнего времени не уделялось достаточного внимания. Отдельные упоминания лексических единиц коми языка, номинирующих космические объекты, встречаются в работах В.А. Никонова, Ю.Е. Березкина, Л.Е. Кирилловой, J. Erdödi.

Между тем в диалектах коми языка зафиксированы наименования целого ряда объектов звездного неба. В данной статье рассматриваются названия Пояса Ориона, Венеры, Полярной звезды, кометы в сопоставлении с лексическими эквивалентами в удмуртском, марийских, мордовских, эстонском и венгерском языках с учетом того, что группировка звезд в созвездиях может не совпадать в разных культурах, как не совпадает и с современными представлениями о созвездиях. В работе используется термин астеризм, обозначающий группу звезд, входящую в созвездие, но имеющую отдельное от названия созвездия наименование (Крысин: 87).

Материал для исследования почерпнут из словарей коми языка и других финно-угорских языков, а также из публикаций на интернет-портале Венгерского Астрономического Общества.

Пояс Ориона – астеризм в созвездии Ориона, состоящий из трех звезд одинаковой яркости, равномерно отстоящих одна от другой. Большое число народных названий относится именно к этой части созвездия.

В семи диалектах коми языка (верхне – и нижневычегодском, вымском, печорском, присыктывкарском, среднесыольском и удорском) название астеризма отражает количество звезд, входящих в группу: *Куйима кодзив* нв., *Куйима кодзув* вв. (Деревянск) скр. уд., *Куйима кодзул* вв. (Керчомъя) печ. сс., *Куйима кодзуу* вв. (Богородск) вым. (Синдор) ‘состоящий из трёх звёзд’, *Куйим ортча кодзул* сс. (Пажга) ‘три соседних звезды’. Зафиксированы и ассоциативные названия: в ижемском диалекте – *Ушат сёр* ‘коромысло, рычаг для ношения ушата’, *Ушат сёр кодзуу*, *Ушат сёръя кодзуу* ‘созвездие в виде коромысла для ношения ушата’, в верхневычегодском – *Безьмена кодзув* (Руч) ‘звезда в виде безмена’. Эти названия Пояса Ориона соотносимы с марийскими и удмуртскими наименованиями. Марийское название Ориона *Вудваращудыр* (*Вёдвэрэшёдыр* мрГ.) букв. ‘коромысло-звезда’, в удмуртском – *Каразикизили* (*Таразикизили*) букв. ‘веса-звезда’. В.А. Никонов отмечал, что наименования Пояса Ориона со значением ‘коромысло’ имеются и в мордовских языках (Никонов 1973: 377).

В верхневычегодском диалекте коми языка зафиксировано также название рассматриваемого астеризма *Кореся кодзув* (Руч) ‘звезда в виде веника’.

В лузско-летском диалекте Пояс Ориона номинируется загадочным словом *Тичиги*. По всей вероятности, оно представляет собой лексическую единицу, заимствованную из русского языка, поскольку в различных регионах России (в Сибири, на Урале, на территории бывших Вятской и Архангельской губерний) Пояс Ориона или «пятизвездие, образующее пояс и меч его» называют Кичигами (Святский: 122, Даль: 112). В словаре В.И. Даля *кичига* описывается как «молотило, заменяющее цеп: выгнутая сручная палка с плосковатым концом» (Даль: 112). Можно отметить, что одно из народных названий Ориона в эстонском языке – *Koot ja Reha* ‘Цеп и Грабли’, а Пояс Ориона – зубья граблей (Прюллер: 159).

У венгров зафиксировано множество народных названий Пояса Ориона. Это и *Háromkirály csillagai* (букв. звезды трех королей), *Egészkenyér* (букв. целый хлеб), *Kaszáscsillag* (букв. с косой /косарь звезда), *Kaszások* ‘косари’ *Kaszahúgy* ‘коса звезда’ *Koldusbot* ‘нищенский посох’, *Püspök pálca* ‘посох епископа’, *Juhászbót* ‘посох чабана’, *Pásztorbot* ‘палка пастуха’, *Péter pálca* ‘посох Петра’, *Szent Ilona pálcája* ‘посох Святой Илоны’ и мн. др.

Венера – вторая по расстоянию от Солнца и ближайшая к Земле планета Солнечной системы, наиболее яркое (после Солнца и Луны) светило земного неба.

Поскольку у Венеры есть периоды утренней и вечерней видимости, закономерно, что ее называют Утренней и / или Вечерней звездой. Так, в «Коми-русском словаре» 1961 года зафиксировано название Венеры *Асья кодзув* ‘утренняя звезда’ (КРС 1961: 28).

В среднесыольском диалекте коми языка Венера называется *Асья кыа кодзул* ‘звезда утренней зари’. Так же называют Венеру в удмуртском и в мордовских языках: *Зардонкизили*, *Сактонкизили удм.*, *Валскень зоря теште* эрз., *Шобдавань тяште* мокш. У марийцев также есть название Венеры *Эр ўжара шўдыр* ‘звезда утренней зари’, однако в марийском языке это еще и ‘звезда вечерней зари’: *Водо ўжара шўдыр*, *Кас ўжара шўдыр*, а также ‘яркая, сияющая звезда’: *Чолгаишўдыр* (*Цолгаишўдыр* мрГ.). В марийском языке используется и заимствованное из тюркских языков название планеты: *Чолпан*, в удмуртском – *Чулпон*. Удмуртский язык также сохранил различные названия для Венеры в ее утреннем и вечернем появлении: *Жыткизили* ‘вечерняя звезда’, *Жытчулпон* ‘вечерняя Венера’, *Чукначулпон* ‘утренняя Венера’, *Чуккизили* ‘утренняя звезда’. В материалах по коми языку также имеются названия со значениями ‘звезда вечерней зари’, ‘вечерняя звезда’: *рытья кыа кодзув* скр., *рытья кыва кодзув* вв. (Сторожевск), *рытья кыва кодзул* вв. (Керчомья), *рытья кыа кодзуу* вым., *рытья кодзул* печ., *рытья кодзив* нв., *рыття кодзуу* иж. Несмотря на то, что они не представлены как наименования конкретной звезды, видимо, все-таки номинируют Венеру в ее вечернем появлении.

В эстонском языке Венера также называется Утренней и Вечерней звездой, Звездой утренней и вечерней зари: *Hommikutäht*, *Õhtutäht*, *Kojdutäht*, *Ehatäht* (Прюллер: 161-162).

Народные названия Венеры в венгерском языке очень многочисленны и разнообразны. Венгры также различали Венеру вечернюю и утреннюю: *Hajnalcsillag* ‘звезда утренней зари, рассветная звезда’, *Esthajnalcsillag* ‘звезда вечерней зари’, *Vacsorakoricsillag* ‘звезда времени ужина’. Но это также и *Beteggyógyító* ‘излечивающая больных’, *Pásztor* ‘пастух’, *Szezelemcsillag* ‘звезда любви’ и другие.

Полярная звезда – звезда, расположенная вблизи от Северного полюса мира. Как неподвижный центр, вокруг которого вращаются звездные табуны, она у скотоводческих народов вызывала образ кола с привязанными к нему лошадьми (Никонов 1973: 377). В эстонском языке Полярная звезда имеет одно из названий *Põhjanaan* (букв. северный гвоздь).

В верхневычегодском, лузско-летском диалектах коми языка – это ‘звезда, находящаяся над головой’: *Юрвыы кодзуу* вв. (Богородск), *Юрийыл кодзыл* лл. (Ношуль). Соотносимое удмуртское наименование – *Йырйылкизили*. Отметим, что и в коми, и в удмуртском языках лексические

единицы со значением ‘звезда, находящаяся над головой’ номинируют и созвездие Большой Медведицы. В удмуртском, венгерском и финском языках Полярная звезда называется северной звездой (*Vi kizили* удм., *Északi csillag* венг., *Pohjantähti* ф.). В своей работе «Космонимия Поволжья» В.А. Никонов указал, что с тем же значением данный космоним существует и в коми языке, правда, не привел в подтверждение своих слов соответствующую лексическую единицу коми языка (Никонов 1973: 377). В диалектных материалах по коми языку зафиксированы названия некой ‘северной звезды’: *Вой кодзув* уд. (Гл.), *Вой кодзуу* вым. иж., *Вой кодзла* уд. (Гл.). По-видимому, эти лексические единицы номинируют все-таки Полярную звезду. Кроме того, они также служат наименованиями Большой Медведицы.

Светлой звездой Полярная звезда называется в эрзя-мордовском (*Валго теште*) и в саамском (*Чуввесь тӓссът*) языках, полночной звездой – в эрзя-мордовском, в удмуртском языках (*Пелевень теште* эрз., *Уйшоркизили* удм.). В словаре удмуртского языка Т.К. Борисова зафиксировано ее название *Инкизили* ‘небесная звезда’.

В марийском языке Полярная звезда – *Шордышӱдыр*, *Шардышӱдӱр* мрГ. (букв. лось-звезда).

Среди многочисленных названий Полярной звезды в венгерском языке отметим следующие: *Ég Köldöke* ‘пуп неба’, *Szent Péter agára* ‘борзая Святого Петра’, *Bába Matullája* ‘мотовило повитухи’, *Boldogasszony Matullája* ‘мотовило Богородицы’.

В названиях кометы в коми и во многих финно-угорских языках отражена основная особенность этого небесного тела, имеющего «вид туманного пятна с ярким ядром посередине и светящимся хвостом, направленным от Солнца» (СРЯ: 82): *бӧжа кодзив* нв., *бӧжа кодзув* вв. (Сторожевск) скр. уд., *бӧжа кодзул* печ., *бӧжа кодзуу* вв. (Усть-Кулом), *быжо кизили* удм., *пула маркта тяште* мокш., *почанишӱдыр* мр., *sabatäht* эст., *Farkas csillag* венг. ‘букв. звезда с хвостом, хвостатая звезда’. У венгров имеются еще и следующие наименования: *Hajas csillag* ‘звезда с волосами’, *Szakállas csillag* ‘звезда с бородой’, а также *üstökös*, *üstököcsillag* (*üstök* ‘вихор, чуб, хохол’, в астрономии – ‘кома’).

В заключение можно сделать некоторые выводы.

Мотивационными признаками, лежащими в основе номинации рассмотренных космических объектов в коми языке, являются: количество звезд в выделяемой части созвездия; форма созвездия или его частей; часть суток, когда можно наблюдать небесное тело; расположение космического объекта на небосклоне.

Метафорические космонимы по признаку формы отождествляют наблюдаемые объекты звездного неба с предметами быта.

Как уже отмечалось применительно к удмуртскому языку (Кириллова: 231), в собственных названиях созвездий в рассмотренных финно-угорских языках в значении 'созвездие' используется слово звезда (*кодзув* к., *кизили* удм., *тяште* мокш., *шӯдыр* мр., *шӣдӣбр* мрГ., *húgy*, *csillag* венг.).

Сокращения:

финно-угорские языки: венг. – венгерский, мрГ. – горномарийский, мр. – лугово-восточный марийский, мокш. – мокша-мордовский, эрз. – эрзя-мордовский, удм. – удмуртский, ф. – финский, эст. – эстонский.

диалекты коми языка: вв. – верхневычегодский, вс. – верхнесысольский, вым. – вымский, иж. – ижемский, лл. – лузско-летский, нв. – нижневычегодский, печ. – печорский, скр. – присыктывкарский, сс. – среднесысольский, уд. – удорский.

Литература и источники

Березкин Ю.Е. Плеяды – отверстие, Млечный Путь как дорога птиц, девочка на Луне: североевразийские этнокультурные связи в зеркале космоимии // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2009. Т. 39. №4. С.100-113.

Борисов Т.К. Удмурт кыллюкам. (Памятники культуры Удмуртии. Лингвистическое наследие) Ижевск, 1991. 384 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. М., 1979. Т.2.

Елисеев Ю.С. Карманный финско-русский словарь. 2-е изд. М., 1970.

Кириллова Л.Е. Удмуртская космоимия // Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum. Piliscsaba, 9-14. VIII. 2010. Dissertationes sectionum: Linguistica. Piliscsaba, 2011. С. 230-236.

КРС 1961 – Коми-русский словарь / Д.А. Тимушев, Н.А. Колегова. М., 1961.

Крысин Л.П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов. М., 2010.

КСК – Безносикова Л.М., Айбабина Е.А., Забоева Н.К., Коснырева Р.И. Коми сёрнисикас кывчукёр. Словарь диалектов коми языка: в 2-х томах. Сыктывкар, 2012. Т.1: А–О.

Никонов В.А. Космоимия Поволжья // Ономастика Поволжья 3. Материалы III конференции по ономастике Поволжья. Уфа, 1973.

Никонов В.А. География названий Млечного Пути // Ономастика Востока. М., 1980.

Приметы – Коми народные приметы / Сост. В.М. Кудряшова. Сыктывкар, 1993.

Прюллер П.К. Эстонская народная астрономия // Историко-астрономические исследования. М., 1966. Вып. 9. С. 145-169.

РКС – Русско-коми словарь / Безносикова Л.М., Забоева Н.К., Коснырева Р.И. Сыктывкар, 2003.

Русско-марийский словарь. М., 1966.

Саамско-русский словарь / Афанасьева Н.Е., Куруч Р.Д., Мечкина Е.И. и др. М., 1985.

Святский Д.О. Очерки истории астрономии в Древней Руси. Ч.1 // Историко-астрономические исследования. М., 1961. Вып. VII. С. 73-128.

Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Жилина Т.И., Сахарова М.А., Сорвачева В.А. Сыктывкар, 1961.

СРЯ – Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. М., 1986. Т. 2.

Удмурт-зуч кыллюкам / Душенкова Т.Р., Егоров А.В., Ившин Л.М., Карпова Л.Л. и др.; Отв. ред. Л.Е. Кириллова. Ижевск, 2008.

Электронный словарь мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Саранск, 2008.

Eesti-Vene sõnaraamat / J.Tamm. Viies trükk. Tallinn, 1981.

Erdődi József. Uráli csillagnevek és mitológiai magyarázatuk / A Magyar Nyelvtudományi Társaság Kiadványai. 124. sz. Bp., 1970.

Magyar-orosz szótár / Gáldi László, Uszonyi Pál. Bp.: Akadémiai Kiadó, 2000. 948 old.

Népi csillagnevek: A Nagy- és Kis Göncöl és a Sarkcsillag; Az ősmagyarok csillagos ege // csillagaszattortenet.csillagaszat.hu (az MCSE csillagaszattörténeti portálja).

Vene-estni sõnaraamat / Leemets H., Saari H. I. Tallinn, 1984.

КАЧЕСТВЕННАЯ РАСШИФРОВКА ДИАЛЕКТНЫХ ЗАПИСЕЙ КАК УСЛОВИЕ ВЫЯВЛЕНИЯ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ВЛИЯНИЯ НА РУССКУЮ РЕЧЬ ПЕРМСКОГО КРАЯ*

И.И. Бакланова (Пермь)

В арсенале пермских диалектологов накоплен большой фактический материал в виде аудиозаписей, расшифрованных записей диалектной речи. И ежегодно база данных увеличивается, так как продолжаются экспедиции, цель которых – сбор диалектного материала. Вероятно, пришло время опубликовать имеющиеся тексты. На кафедре русского языка Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета совместно с представителями других кафедр планируется издание «Хрестоматии русской речи Коми-Пермяцкого округа»**. Мы видим свою задачу в том, чтобы в текстах, которые мы планируем поместить в Хрестоматии, была отражена специфика данной территории, а именно черты, указывающие на взаимовлияние коми-пермяцкой и русской речи.

Приступив к выбору текстов для Хрестоматии, мы столкнулись с несколькими проблемами. Во-первых, проблемой качества текстов. Известно, что первостепенной задачей диалектологов является получение новых лексем для пополнения картотек уже имеющихся диалектных словарей или для написания новых словарей. Выполняя эту задачу, диалектолог часто не заботится о получении связных текстов. В этом случае записи речи представляют собой диалог, в котором чередуются вопросы диалектологов и ответы информантов. Подобные тексты вряд ли могут быть помещены в Хрестоматии (разве что они будут интересны с точки зрения фонетики или грамматики). Мы считаем, что в Хрестоматии должны быть представлены в большинстве случаев связные тексты, чтобы при ее использовании можно было решать все учебные задачи.

Во-вторых, недостаточно качественной является и расшифровка имеющихся текстов: часть материалов представлена в упрощенной транскрипции с применением традиционных знаков препинания. В-третьих, в транскрипции, выполненной диалектологами или студентами, не всегда учитывалась специфика говоров интересующей нас территории.

Цель данной статьи – показать, что коми-пермяцкое влияние на русскую речь нередко определяется качеством расшифровки записей, учетом

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ №13-14-59008 «Русские говоры Коми-Пермяцкого округа: особенности функционирования и развития».

** Далее вместо названия «Хрестоматия русской речи Коми-Пермяцкого округа» будет использоваться слово «Хрестоматия».

всех малозначительных, на первый взгляд, деталей. И покажем мы это на примере одной грамматической особенности, а именно функционирования служебного слова **дак**.

Многолетние наблюдения за русской речью Пермского края, на территории которого активно представлена и коми-пермяцкая речь, позволяют все более детально подходить к изучению процессов в живой речи. Проанализировав русские диалектные материалы, научную литературу по пермским языкам*, мы пришли к выводу, что **дак**, интонационно закреплённое за предикативной единицей в абсолютном ее конце, в русских пермских говорах объясняется влиянием пермских языков, куда явление проникло посредством коми-пермяцкой речи (Вяткина 1999: 118-124). В последующие годы нами было опубликовано несколько статей, в которых на обширном материале подтверждалось коми-пермяцкое влияние на русские говоры.**

Слово **дак** в пермских говорах внутри сложного предложения может употребляться в трех позициях: во-первых, выполнять функцию коррелята:

1) *йёсл'и град б'уд'ет л'ётот/ **дак** тогд'а брос'айут на ул'ицу;*

2) *он хват'илса/ у йёв'о д'оск'и-м'е изр'езал'и/ вот м'еб'ё и фс'о// а прож'ыл дол'гон'ко/ **дак** и н'е пон'адоб'ил'ис' и д'оск'и// руг'ал/ руг'ал/ а ч'о с нам'и зд'елаиш/ дурн'ийе был'и;*

3) *а посл'е м'ен'а ши'о нар'ен' рож'алса/ **дак** нар'ен'-от ум'ер).*

Во-вторых, выполнять функцию союза, интонационно закрепляясь в середине предложения перед паузой:

1) *Ков'ор л'ежал фс'у з'иму **дак**/ он'и (половики) н'ыл'ныйе тол'ко;*

2) *Нога бол'ид **дак**/ н'икуда н'е хожу;*

3) *чулк'и/ кот'орыйе уз'орами **дак**/ баск'ийе так'ийе/ так'ийе в'аз'ал'и с цв'ет'оч'кам'и/ с'ак'ийе уз'оры.*

В-третьих, выполнять функцию союза, интонационно закрепляясь в абсолютном конце предложения:

---

* Бубрих Д.В. Грамматика литературного коми языка. Л., 1949; Лыткин В.И. Коми-язьвинский диалект. М., 1961; 8. Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. М., 1969 и др.

** Вяткина (Бакланова) И.И. К вопросу о синтаксической роли слова **дак** в конце сложного предложения // Славянский мир: история и современность: Материалы второй Международной научной конференции. – Пермь, 1997. С.112-116; Бакланова И.И., Русинова И.И. Об одной общей синтаксической конструкции в пермских русских говорах и коми-пермяцкой речи // Пермистика XI: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: материалы XI Международного симпозиума (30-31 марта 2006г., Пермь). Пермь, 2006. С.161-165 и др.

1) (Охотились ли у Вас?) ой/ как окóт'ил'ис'а/ у нас т'át'a тóжо окóт'илса **дак**// ой зáйцы-т'е с'о бýл'и/ рас по н'íат'/ когдá бóл'ше зáйцей пр'ин'ес'óт т'át'a;

2) ну от нач'ина́цца йáгода-та дз'ор/ дз'ор/ дз'ор назывáцца// он с'о вýсокло// у м'ен'á он в оград'е рост'óт э́то/ кроп'íва и мал'íна/ **дак** нын-ч'е крупнóй дз'ор-от йес'/ нав'ёрно посп'íют// тут с'ó-дак'и за в'ётром **дак**;

3) об'óртывайут носкáм'и/ з'имóй носкáм'и/ а л'ётom нав'ёрно порт'áнк'и одн'é/ ч'о жáрко **дак**;

4) а С'ер'га н'е мыл ишо/ а заставл'у тожсо/ пус' мойет/ ч'о н'е могу **дак**.

В позиции коррелята слово **дак** соответствует русской частице **так**, следовательно, по данным высказываниям нельзя уловить коми-пермяцкое влияние на русские говоры. Специфику говоров данной территории показывают предложения с **дак**, интонационно прикрепленным к концу предикативной единицы, т.е. 2 и 3 группы примеров.

Приступив к работе над Хрестоматией, мы изучили уже имеющиеся подобные работы. Сегодня тексты русских говоров, испытывавших влияние коми-пермяцкого и коми-зырянского языков, отражены в двух хрестоматиях. Проанализируем предложенные в хрестоматиях фрагменты со служебным словом **дак**.

В «Хрестоматии говоров Пермской области» А.Н. Борисовой, Л.А. Грузберг, А.П. Шварц (1976 г.) мы встретили текст №27, записанный в Юрлинском районе в 1975 г. Проанализируем способы подачи высказываний с **дак**:

Замуш возм'ош, **дак** отп'еру.

Д'ефка сказала: « Н'е пр'ид'ош, **дак** умр'ош».

Жон'их и говор'ит: «Вот у друг'их **дак** т'ошшы йес', а у м'ен'а н'ету» (Борисова 1976: 25).

Г.Г. Мельниченко в «Хрестоматии по русской диалектологии» (1985 г.) предлагает записи русских говоров с. Среднее Бугаево Коми АССР (1964 г.):

1) йа стара стала **дак** мн'е шыис'ат тр'ет'ой гот...

2) Эттака ишч'о на кос'илк'и кос'ила, **дак** опр'истала, в л'есу да ч'о да над'ер'галас'.

3) Пр'ишла, **дак** йедва и корову подошла, рука бол'ид да...

4) Т'етам годы, **дак** каждой гот фс'о роб'ила, д'ен' ото дн'и, гот од году, фс'о постарше ставаш **дак**...

5) Молода была, **дак** ход'ил'и же, богаты был'и жен'их'и, **дак** отдавал'и родны род'ит'ел'и...

6) Дóброй пар'ен' да дóбро жыт'йо **дак**... (Мельниченко 1985: 133).

Как видим, предложения с **дак** – типичная особенность названных говоров. Обращает на себя внимание и однообразная подача этих предложений. В обеих хрестоматиях отмечены случаи с **дак**, которое выступает в функции коррелята, то есть ведет себя как русская частица **так**. Как мы уже сказали, это не показывает специфику русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Однако в случае с **дак**, стоящим внутри высказывания, составители хрестоматий оставили **дак** интонационно не закрепленным ни за какой частью: *Вот у друг'их дак т'ошшы йес', а у м'ен'а н'ету* (Борисова 1976: 25]; *йа стара стала дак мн'е шыис'ат тр'ем'ой гот...* (Мельниченко 1985: 133).

Полагаем, что подобный подход связан с тем, что диалектные тексты, скорее всего, адаптированы для хрестоматии, тем более что подаются они с пунктуационными знаками. В русском языке запятая может находиться до союза, но никак не наоборот, тогда как материалы анализируемых говоров требуют иного подхода (Успею дак, приду).

Мы абсолютно убеждены в том, что принятые в русской пунктуации знаки препинания (точка, запятая, тире и прочее) не могут быть использованы при передаче диалектной (или вообще любой звучащей) речи. Наиболее уместно применять знак / для короткой паузы и знак // для долгой паузы, что мы и собираемся сделать в Хрестоматии. Мы понимаем, что короткая пауза может в некоторых случаях совпадать с запятой, а долгая – с точкой, однако прерывистость речи, ее непосредственность и неподготовленность предполагают разрывы в потоке речи, перескакивание с одной темы на другую, и в этом случае расстановка знаков препинания затруднительна.

Считаем, что, используя принятую в фонетике систему транскрипционных знаков, мы наиболее качественно отобразим звучащую речь и, что самое главное, покажем влияние коми-пермяцкой речи на русские пермские говоры. Речь, в первую очередь, идет о высказываниях типа *Могла дак/ все помогала; За грибами кодила/ могла дак*.

Представим один из текстов будущей Хрестоматии: *кокóшн'ик'и стар'инныйо у нас д'ер'еун'е нос'ил'и/ йа от бабушку помн'у/ мы д'ер'еун'е/ д'ер'евушк'е жыл'и н'ебол'шой дак/ она фс'о с наб'егушкой с лыка такайа шыыта наб'егушкой ход'ила/ травы соб'ирала/ она л'еч'илас'а в'ид'имо/ л'еч'ила л'уд'ам помогала// от она/ у ийо был кокóшн'ич'ок/ йа с'еч'ас как в'ижу/ от од'ин-от кон'ец выше/ другой н'йже/ наискосок/ от ид'от// она косо нак'идала/ на голову-ту набок как-то нак'идала/ платок св'ер'ху-ту был//*

збóрн'ик'и нос'ил'и тóже бабы котóрыйе/ стары-т'е/ кокóшн'ик н'е знайу ис ч'евó/ он под'и куп'ленной кокóшн'ик-от был да// у нас дому он н'е

*был/ мѧт'ер' у м'ен'ѧ н'е нос'ѧла/ ѣто стѧршойо покол'ѣн'ийо нос'ѧл'и//
за гр'ибѧм'и код'ѧла/ моглѧ **дак**/ погѧнк'и-т'е полно ѧес'/ **дак** ѧа н'е
знѧйу/ какѧй он/ м'едв'ѣжй-от гр'ип// погѧнк'и-т'е ѧес'/ бывѧл'и/ мухомѧры
ѧес'/ ѧес' и б'ѣльийо/ ѧес' и краснѧийо// мухомѧры с'ѧк'ийе ростут// а с'ѧгоды
говор'ѧт н'ич'ѧ н'ѣту//* (Записано от Н.М. Колеговой, 1925 г.р., д. Светлица
Косинского р-на Коми-Пермяцкого округа).

Мы надеемся, что тексты «Хрестоматии русской речи Коми-Пермяцкого округа» будут интересны для изучения фонетики, грамматики и лексики названных говоров.

Литература

Бакланова И.И., Русинова И.И. Об одной общей синтаксической конструкции в пермских русских говорах и коми-пермяцкой речи // Пермистика XI: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: материалы XI Международного симпозиума (30-31 марта 2006г., Пермь). Пермь, 2006.

Борисова А.Н., Грузберг Л.А., Шварц А.П. Хрестоматия говоров Пермской области. Пособие по курсу русской диалектологии для студентов-заочников. Пермь, 1976. 93 с.

Бубрих Д.В. Грамматика литературного коми языка. Л., 1949;

Вяткина (Бакланова) И.И. Каузальные сложные предложения в пермских говорах: Дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1999.

Лыткин В.И. Коми-язьвинский диалект. М., 1961.

Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. М., 1969.

Мельниченко Г.Г. Хрестоматия по русской диалектологии. М., 1985.

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ И АРЕАЛЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
НАИМЕНОВАНИЙ ПЛАТКА (ГОЛОВНОГО)
В УДМУРТСКИХ ДИАЛЕКТАХ***

Л.В. Бусыгина (Ижевск)

1.1.1. кышэт

кышэт 6–11, 18–24, 27, 32–34, 37–44, 51–65, 72–80, 83, 84,
87–118, 120–127, 129, 131, 133, 134, 136, 138–141, 147;
кӱшэт 24, 31, 119, 132;
кӱшэт 25, 26, 28–30, 35, 36, 45–50, 113, 128, 130, 135, 137,
142–146, 148, 149

2.1.1. чӱчкӧн 1–3

3.1.1. басма 12–14, 66–71, 81, 82, 85, 86

4. ӧалык ~ д'алык

4.1.1. з'алык 156

4.1.2. ӱз'алык 153, 155

4.1.3. д'алык 153, 155

4.1.4. д'алык ~ д'ӱалык 151, 152, 174

4.1.5. д'ӱалык 154, 170

4.1.6. ӱалык 157, 158, 162, 171, 166, 168; ӱалык 159, 163–
165, 173; ӱалык 160, 161, 164, 169

4.1.7. д'ӱалык 175

4.1.8. ӱаӱалык 167, 172

Платок – предмет одежды: кусок ткани или вязаное изделие, обычно квадратной формы, свёртываемое по диагонали и надеваемое на голову или набрасываемое на плечи [БТСРЯ 2003: 839]. С давних времён в разных культурах женский платок был не просто головным убором, украшением народной одежды, по качеству платка и по тому, как он повязан, можно было узнать о положении, возрасте и состоятельности его хозяйки, а также платок нёс сакральную функцию и роль оберега. Он оберегал от жары и холода, от болезней и сглаза. Во время войны платок, подаренный любимым человеком, ушедшим на войну, тоже превращался в оберег, в символ Веры, Надежды и Любви – вспомним песню «Синий платочек», ставшую памятником платку. Или вспомним известное стихотворение удмуртского поэта Кузубая Герда «Чагыр кышет» («Голубой платок»), в котором он платок сравнивает с любовью:

---

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 09–06–00–304а.

Та яратон – чагыр кышет,	Эта любовь – голубой платок,
Соин ик эн бкрды, эше!	Поэтому, не плачь, мой друг!
Дырыз вуэ ке, со кышет	Если приходит время, этот платок
Куддыр бездэ, куддыр ыше!	Иногда выцветает, иногда теряется!

Названия платка в удмуртских диалектах не отличаются особым разнообразием: *кышэт*, *чучкон*, *басма*, *зэлык*, но интересны ареалом своего распространения.

Название *кышэт* распространено практически по всей территории Удмуртии, за исключением большей части средне-западного диалекта. В юкаменском и глазовском говоре среднечепецкого диалекта, в бесермянском диалекте, в кырыкмасском и алнашском говорах центрально-южного диалекта, а также в кукморском говоре периферийно-южного диалекта встречается вариант с неогублённым гласным средне-заднего ряда среднего (средне-нижнего) подъёма *ь* – *кьшэт* 'платок'. При этом в опорных пунктах 24 (д. Золотарёво Глазовского района), 31 (д. Пусошур Глазовского района), 132 (л. Лолошур-Возжи Граховского района) и 119 (с. Нынек Можгинского района) отмечена форма с неогублённым гласным средне-заднего ряда верхне-среднего подъёма, промежуточным между *ы* и *ь* – *кышэт* 'платок'. В последнем опорном пункте параллельно зафиксирован вариант без гласного в первом слоге: *кшэт* 'платок'. Он отмечен и в населённых пунктах косинского говора (оп. 8, 9). Но, заметим, данная форма или формы с краткими гласными (*к^{bi}шэт*, *к^{bi}шэт*, *к^vшэт*) могут бытовать во многих местах, чаще всего они могут использоваться в потоке речи, при быстром произношении.

Широкое распространение отмеченного названия обусловило и большое количество фиксаций в письменных источниках. Первую фиксацию можно обнаружить уже в материалах Д. Г. Мессершмидта: *кышет* 'покрывало на волосы у девушек' [Напольских 2001: 98]. Далее – в «Сочинениях, принадлежащих к грамматике вотского языка» (1775) и в словаре Дамаскина (1785) – *Кышетъ* [Тепляшина 1966: 173], *Кышэт* I, *Кышет* II 'Платокъ'; (1892; после 1918) [ВерещСл, 145], *kišät*, *Kaz. kěšät*, *kšät* 'платок' [Munk., 156]; *кышет* 'платок, косынка' [УРС 1948: 168]; *кышет* 'платок, косынка' [УРС 1983: 248]; *кышет* 'платок, косынка' [УРС 2008: 383].

Авторы Краткого этимологического словаря коми языка удм. *кышет* 'платок, косынка' сопоставляют с к. *кышны* 'обить, обшить' (произв. *кышöд* 'верхняя одежда', *кышавны* 'напяливать, нацепить (надеть что-л. чужое или неподходящее)', диал. 'надеть'; *кышасьны* 'взбираться, лезть', диал. 'одеваться') и выделяют общепермскую основу **küš-* или **küš-*

’обить, обшить’, ’надеть (верхнюю одежду)’ [КЭСК, 155]. В Уральском этимологическом словаре возводят к уральской основе *këçz-* [UEW, 680].

Жители д. Пусошур Глазовского района (31) при назывании платка уточняют: головной платок – *йьркъйшэт* (*йьр* ’голова’ + *къйшэт* ’платок’), хотя это наименование могло также иметь большее распространение, но на данный момент, вероятно, в связи с отсутствием необходимости противопоставлять названия головного платка названиям носового платка (*ныркышет*) и скатерти (*жйökkышет*), оно потеряло свою актуальность. Судя и по данным письменных источников, выделенная форма действительно имела широкий ареал распространения: *jir kîsat*, Kaz. *d'êr kêsat* ’головной платок’ [Munk., 156]; *Жыр кышет – подурга* с. ’чепец’ [Яковлев 1919: 14]; *Йьр кышет* ’косынка, головной платок’ [Крылов 1919: 44].

Введённое в свой словарь Г. Е. Верещагиным название *Нуллон кышэт* I (головной платок) (1892; после 1918) [ВерещСл, 145] в ходе полевых экспедиций не было зафиксировано.

В средне-западном диалекте за исключением сурвайско-поломского и зятцинского говоров распространено название *басма* ’платок’, которое в литературном языке используется для обозначения ситца; ткани, материи [УРС 2008: 59]. Письменные источники в большинстве случаев отмечают это слово также в значении ’ситец’: *Басма* I, II ’Ситець’ [ВерещСл., 24]; *basma* (*basna Wied.) ’кагтунь, ситець’ [Munk., 607]. Но в словарях Т. Борисова и в удмуртско-русском словаре 1948 г. у слова *басма* указаны оба значения – ’ситец’ и ’платок’ [Борисов 1932: 25; УРС 1948: 23]. В УРС 2008 г. также отмечено значение ’головной платок’ с пометой диал. [УРС 2008: 59].

Согласно И. В. Тараканову слово *басма* заимствовано из татарского языка [Тараканов 1993: 41]: удм. *басма* < тат. *басма* ’пасмо (вид намотки ниток); единица измерения количества ниток (*шестьдесят ниток в срезе семишерикового пасма или сорок две нитки в срезе девятишерикового пасма*); уст. единица измерения отрезков холста по количеству ниток основы (*широкие отрезки были короткими, а узкие – длинными*)’ [ТРС 2007II: 203]. М. Фасмер также определяет тюркское происхождение русс. *басма* «1. «изображение древних татарских ханов» 2. «послание с ханской печатью» 3. «оправа икон» 4. «тур. войлок». 1 и 2 знач. встречаются в Каз. Летописце. Остальные знач. становятся понятными при сравнении с укр. *басма* «чёрный шёлковый платок», болг. *басма* «набивное полотно», сербохорв. *басма* – то же. Заимствовано из тур., туркм., тат., хивинск., узб. *basma* «набивной холст», алт., тел. *pasma* «набивные ткани из Средней Азии», сюда же тюрк. *basmak* «давить, печатать» [Фасмер 1964: 131].

В слободском говоре нижнечепецкого диалекта в качестве названия головного платка используется слово *чүйкөн*, которое в удмуртском

литературном языке (*чушкон*) имеет значение 'полотенце'. В письменных источниках также зафиксировано это значение: *ѳиѳкон* 'полотенце, ткань для вытирания' [Munk., 296]; *чушкон* II 'полотенце' [ВерещСл., 252]; *чуѳкон* ср., *чушишькон* юж. 'тж' [Борисов 1932: 335]. При этом авторы словарей отдельно дают и сочетания *ѳиѳкон кішät* 'полотенце, ткань для вытирания' [Munk., 296]; *Чушкон кышет* II 'тоже, что чушкон' [ВерещСл., 252]; *чушконкышет* 'носовой платок' [УРС 2008: 753].

Вероятно, у слободских удмуртов значение 'платок' лексемы *чуѳкон* развито под влиянием соседей – коми, поскольку в коми языке используется слово *чышгян* 'платок', производное от слова *чышкыны* 'утереть, вытереть, обтереть', 'мести, вымести, подмести'; *чышкөд* 'предмет, служащий для вытирания, обтирания'. – Общеп. **чиш-* 'утирать, вытирать, выметать'; = Доперм. **чъсэз-* [КЭСК, 314–315]. Косинские удмурты до настоящего времени голову обвязывают вафельным полотенцем.

Кстати, в удмуртско-русских словарях 1983 г. и 2008 г. в значении 'полотенце' с пометой *диал.* представлено слово *кышет* 'платок'.

В говорах периферийно-южного диалекта преимущественно распространено тюркское заимствованное название *зäлык* ~ *д'äлык* 'платок' и его фонетические варианты: *з'äлык* (156), *зä'äлык* (153, 155), *д'äлык* (153, 155), *д'ä'äлык* (~ *д^вä'äлык*) (174), *д^вä'äлык* (154, 170), *нäлык* (157, 158, 162, 171, 166, 168), *зäлык* (159, 163–165), 173; *зä'äлык* (160, 161, 164, 169). Жители с. Юва Красноуфимского района Свердловской области (175) данное слово производят с альвеолярным (полумягким, среднеевропейским) *л* – *зäлук* 'платок'. В дд. Давлеканово Бураевского района и Ташкичи Илишевского района Башкортостана (167, 172) бытует наименование *зä'улък* 'платок', в котором помимо альвеолярного *л*, в позиции перед неслоговым *у* произносится огублённый *а^о* и в конце слова – увулярный (глубокозаднеязычный) *к*.

Учёные отмечают тюркское происхождение исследуемого наименования: *д'äлык* бавл., *зäлык* бг. 'платок, старинный головной убор' < тат. *яулык*, башк. *яулык* [Räsänen 1969: 176; Тараканов 1993: 55], которые, в свою очередь, связаны с чув. *сулак* 'платок, надеваемый на спину женихом во время свадьбы' (Фасмер ЭСРЯш, 801) [Федотов 1996II:133]. Исследователи сходятся во мнении, что данное слово из чувашского языка перенято и русским языком: *с'улык*, *с'у'улык* 'головной убор в виде платка с бахромой, свадебное покрывало' < чув. *сулак*, *солäk* (> русск. *сулок* или *сулог* 'кусок сшитой ткани, которою убран архиерейский посох') [Тараканов 1993: 119] (см. также: Фасмер 1971: 801; Федотов 1996II:133). М. Р. Федотов уточняет: мар. *солык* 'полотенце, платок' / удм. *сюлык* 'головной убор в виде платка с бахромой' / коми *сулак* 'полотенце' (< чув.) Ср. рус. *сулок* и *сулог* 'кусок шитой ткани, которою убран архиерейский посох' || Влгд. небольшая

ширинка, маленькое полотенце, тряпичка (Даль IV, 359). Рассматривается как заимствованное из чув. *сулак* «ткань», которое связано с *йаһлык*, тат., башк. *йаулык* (Фасмер ЭСРЯ III, 801) [Федотов 1996II:133]. Но поскольку чув. *с* в пермских языках не может передаваться велярным *с*, то коми *сулак* должно быть заимствовано из русского языка.

Удмуртское название *сюлык* зафиксировано в следующих письменных источниках: в материалах Д. Г. Мессершмидта: *schulysk*; *сюлык* 'вышитый белый покров на АШКОН, подобный французскому КАУФФЮРУ, опускаемый на лицо или поднимаемый по желанию; одна шт., пришитый вокруг шеи носят они зимой шарф; так же ли летом – не знаю' [Напольских 2001: 40, 86]; *śulik* 'шелковый платок, которым прикрывают лицо невесты, и который набрасывают поверх айшона' [Munk., 472], *Сюлык I, II* 'Чадра, четырехугольный съ кистями платокъ, надвѣаемый на молодушку и на айшон' [ВерещСл, 220], *сюлык* 'род платка на старинном вотском женском головном уборе – айшон. *Сюлык* прикрывает снизу до-верху айшон' [Борисов 1932: 273], *сюлык* 'старинный женский головной убор' [УРС 1948: 284]; *сюлык* 'сюлык (старинный женский головной убор в виде платка с бахромой); покрывало на айшон' [УРС 1983: 406]; *сюлык* 'этн. сюлык (старинный женский головной убор в виде платка с бахромой); покрывало на айшон' [УРС 2008: 627].

В закамских говорах лексема *кышет* ~ *кышт* бытует в значении 'лоскут'.

Интересно остановиться на многочисленных названиях платков и производных со словом *кышет* 'платок', представленных в словаре Б. Мункачи: *až-kîšät* 'передник', *urdäs – kěšät* (Kaz.) '? нагрудник', *kîšno kîšät* 'женский платок', *čučkon kîšät* 'полотенце', *žok-kîšät* 'скатерть', *čërte-kěšät* (Kaz.) 'шейный платок', *šal'-kîšät* 'шаль', *něr-kěšät* 'носовой платок', *pel'-kîšät* 'широкая головная повязка', **podruga-kîšät* || *poštäm kěšät* (Kaz.) 'лоскуты', *badžim kîšät* 'большой зимний платок', *bañ-kěšät* (Kaz.) 'косынка' [Munk., 156–157; 158]. Особый интерес вызывает сочетание **podruga-kîšät*, зафиксированное в единственной справочной литературе – в словаре Б. Мункачи. В первой части названия произошла метатеза: подурга – этн. старинный головной убор замужних женщин-удмурток, надеваемый под платок [УРС 2008: 534]. Данное слово подурга представлено в значении 'чепец' с пометой *с.* (срединные) как синоним названию *Лыр кышет* в работе И. В. Яковлева «Удмуртьэслэсь ог-огзылэсь мукет сямен вераськон кылъёссэс *валэктӱсь* книга» [Яковлев 1919: 14]. Таким образом, **podruga-kîšät* – это платок, надеваемый на головной убор подурга. К сожалению, многие названия платков, указанные Б. Мункачи, уже не фиксирует современная справочная литература, поэтому на сегодняшний

день есть необходимость исследовать данные наименования на предмет их бытования и распространения.

Литература и источники

Борисов Т.К. Удмурт кыллокам. Толковый удмуртско-русский словарь: Ок. 15000 слов. Ижевск, 1991.

БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А.Кузнецов. СПб., 2003.

ВерещСл. – Верещагин Г.Е. Собрание сочинений: В 6 т. / Г.Е. Верещагин; Под ред. В. М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 2: Вотско-русский словарь [= Удмуртско-русский словарь] / Отв. за выпуск и авт. предисл., комментариев Л.М. Ившин; РАН. УрО. УИИЯЛ. Ижевск, 2006.

Кротов З. Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ. 1785 года. 285 с. / З. Кротов [В кн.: Кротов З. Удмуртско-русский словарь / З. Кротов; РАН. УрО. УИИЯЛ. Ижевск, 1995].

Крылов – Вотско-русский словарь глазовского наречия вотяков, составленный преподавателем вотского языка при Глазовской учительской семинарии В.Д. Крыловым. Вятка, 1919.

Напольских В.В. Удмуртские материалы Д.Г. Мессершмидта / В. В. Напольских. Ижевск, 2001.

Тараканов И.В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи: Теория и словарь / И.В. Тараканов. Ижевск, 1993.

ТРС 2007 – Татарско-русский словарь: В 2-х т. Т. 2. (М–Я). Казань, 2007.

Тепляшина Т.И. Памятники удмуртской письменности XVIII века. Вып. I / Т.И. Тепляшина / АН СССР. Ин-т языкознания. М., 1966.

УРС 1948 – Удмуртско-русский словарь: Ок. 15000 слов / В. М. Вахрушев, К.А. Корепанова, Е.Н. Ложкина и др. М., 1948.

УРС 1983 – Удмуртско-русский словарь: Ок. 35000 слов / А.С. Белов, В.М. Вахрушев, Н.А. Скобелев, Т.И. Тепляшина; Под ред. В.М. Вахрушева. М., 1983.

УРС 2008 – Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов / Сост. Т.Р. Душенкова, А.В. Егоров, Л.М. Ившин и др.; Отв. ред. Л.Е. Кириллова. Ижевск, 2008.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / М. Фасмер; Перевод с немецк. и доп. О.Н. Трубачева; Под ред. Б.А. Ларина. М. Т. III: Муза–Сят. 1971.

Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: В 2 т. / М.Р. Федотов. Т. 2. С–Я. Чебоксары, 1996.

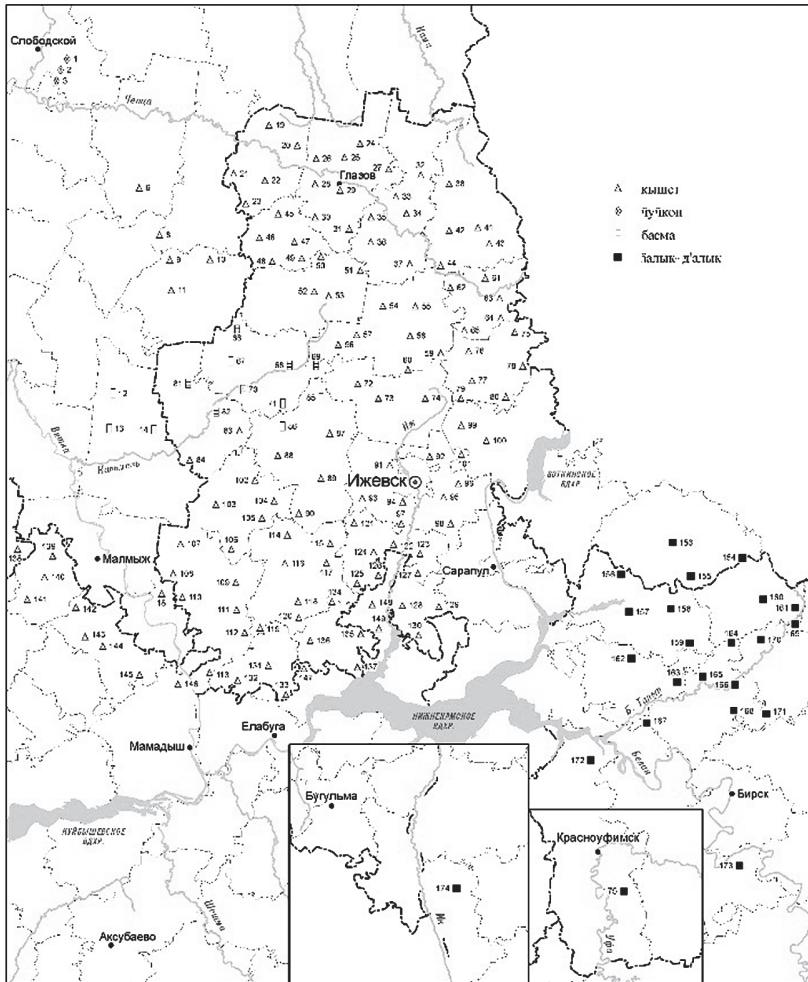
Яковлев И.В. Удмуртгӛслэсь ог-огзылэсь мукет сямен вераськон кылгӛссӛэ валэктӛсь книга / И. В. Яковлев. Казань, 1919.

Munk. – Munkácsi B. A votják nyelv szótára / B. Munkacsi. Budapest, 1896. XVI + 836 l. 2-е изд.: Pécs, 1990.

Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen / M. Räsänen. FU XVII, 1. Helsinki, 1969. XVI + 533 S.; 2: Wortregister, 1971.

UEW – Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. B. I–III / K. Redei. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986–1991.

ПЛАТОК

М 1:2 000 000
(в 1 см 20 км)

**ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
В ДИАЛЕКТАХ КОМИ ЯЗЫКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ВЕРХНЕВЫЧЕГОДСКОГО ДИАЛЕКТА)**

Н.И. Гуляева (Сыктывкар)

В синтаксическом отношении говоры коми языка практически не изучены. Имеется лишь несколько работ, посвященных диалектному синтаксису. Это «Краткий грамматический справочник по диалектам коми-зырянского языка», содержащийся в «Сравнительном словаре коми-зырянских диалектов» (1961). Автор издания В.А. Сорвачева описывает некоторые особенности, отличающие говоры от литературного языка (ССКЗД 1961). В 1973 г. публикуется статья исследователя финно-угорских языков Р.Р. Бартенс «Zur Syntax der Nominalsätze und der «sein»-Sätze syrjänischer Mundarten» (О синтаксисе именных предложений и «быть»-предложений в зырянских диалектах), в которой автор рассматривает предложения со вспомогательным глаголом (Bartens 1973). В качестве примера также можно привести статью В. М. Лудыковой «Синтаксические способы выражения степеней качества прилагательного в диалектах коми языка» (Лудыкова, 2001).

В данном исследовании нами предпринята попытка проанализировать и описать специфику употребления вопросительных предложений в верхневычегодском диалекте. Примеры для анализа взяты из работы «Syrjänische texte» финского ученого Тойво Уотилы. Исследователь в 1942-1943 гг. в Финляндии записал большое количество коми диалектных текстов у военнопленных пермяков и зырян. Сам ученый не успел подготовить к печати этот языковой материал. Впоследствии собранные им диалектные тексты были подготовлены П. Кокконен и изданы Финно-угорским обществом Финляндии в 1985-1995 гг. (ST I, ST II, ST III, ST IV, ST V).

Верхневычегодский диалект локализован на территории бассейна р. Вычегда с притоками, начиная с поселения Визябож и кончая верховьями вышеназванной реки. «Верхневычегодский диалект является одним из новых диалектов, сформировавшихся на указанной территории за последние два-три столетия на базе различных коми диалектов, носители которых заселяли верхнюю Вычегду с разных сторон: Сысолы, Лузы, нижней Вычегды (с территории ниже Сыктывкара, Выми и Удоры – с тех земель, на которых коми народ обитал с давних пор» (ВВД 1966: 5).

В данном диалекте коми языка употребляются как собственно-вопросительные, так и несобственно-вопросительные предложения. Отметим, что собственно-вопросительные предложения выполняют первичную функцию вопросительных конструкций, а именно служат для запроса

информации. Наиболее распространенным типом в исследуемом нами диалекте являются специальные вопросительные предложения. Они, как известно, выражают запрос, направленный на получение информации совершенно определенного свойства. Адресант употребляет специальные вопросительные предложения для выяснения места, причины, времени, действия и так далее. Данный вид вопросов обычно требует развернутого ответа, в которых должны содержаться новые сведения о запрашиваемых предметах, фактах, признаках, обстоятельствах. Средствами выражения вопроса в таких случаях обычно служат местоимения:

Кутшэм мस्ताин тэ вёркеркаад узян? (ST V 2006:42) «Где ты спишь в лесной избушке?»;

Коді тая ыллаас вурзалэ? (ST V 2006: 94) «Кто это на улице воет?»;

Но, кытчи мёддочин, Иван Саревич? (ST V 2006: 128) «Ну, куда направился, Иван Царевич?»

Кыдзэ тэнэ ме бурдэда? (ST V 2006: 116) «Как же я тебя вылечу?»;

Мый тэ татись сёян? (ST V 2006: 226) «Что ты здесь будешь есть?»;

Кёні каменнэй керкайд? (ST V 2006: 238) «Где твоя каменная изба?»;

Көкдй, көкдй, кымин во же ме ола? (ST V 2006: 490) «Кукушка, кукушка, сколько же лет я проживу?»

Встречаются в данном диалекте специальные вопросительные предложения и с двумя вопросительными словами:

Ныльяс мунасні Иван Саревич дінэ да кутасні ювалні сілісь: «Но, кавалерэ, кытчи тэ, кутшэм морт, мунан?» (ST V 2006: 132) «Девушки подойдут к Ивану Царевичу и начнут спрашивать: Ну, кавалер, куда ты идешь, что за человек?»

Широко распространены в верхневыхегодском диалекте альтернативные вопросительные предложения, в которых адресант предлагает возможность адресату выбрать ответ из двух или более вариантов, определив, которое из них является верным.

Кутас шыр думайтні: Ме кулэма али долъя? (ST V 2006: 248) «Будетмышь думать: Я умер или живой?»

Наиболее употребительными являются конструкции, в которых вторая часть альтернативного вопроса, обозначающая собственно выбор (альтернативу), имеет усеченную форму, а разделительные союзы отсутствуют. Отсутствие в вопросительных предложениях данного типа разделительных союзов является особенностью коми языка. Это исконная форма вопросов данного типа:

Тэ, нылэ, ме сайэ мунан, он? (ST V 2006: 92) «Ты, девушка, за меня замуж выйдешь, нет?»;

Тэ менчим семьяэс аддзилін, эн? (ST V 2006: 232) «Ты мою семью, видел, нет?»

Верификативные предложения менее распространены в рассматриваемом нами диалекте. Целью данного вида вопросительных предложений является получение спрашивающим от слушающего подтверждения или отрицания истинности высказанной в вопросе какой-либо мысли, достоверности в правильности информации. Как правило, это касается реальности / ирреальности того или иного события, явления, признака, объекта, субъекта и т.д. Данный вид вопросительных предложений чаще всего используется в диалогах, отсюда обращенность ко второму лицу:

Тэ, Василей, верман вайны меным баба вылэ шонді-мам нылэс? (ST V 2006: 78) «Ты, Василий, можешь мне в жены дочь солнца привести?»

Редко встречаются в верхневычегодском диалекте несобственно-вопросительные предложения. Они, как известно, не направлены на поиск информации, несмотря на то, что имеют формальную организацию вопросительного предложения. Несобственно-вопросительные предложения реализуют вторичную функцию, невопросительную: побуждение к совершению какого-либо действия, выражение эмоционального состояния. Данная группа вопросительных предложений в верхневычегодском диалекте представлена встречными вопросами и контактоустанавливающими предложениями. Встречные вопросы – это вопросы, употребляемые вместо ответа, демонстрирующие не прямо, а имплицитно возражение или подтверждение тому, что выражено в вопросе собеседника. Не имея сильной экспрессивности, они чаще всего служат для выражения отрицательных оценок и суждений, направленных адресату:

– *Кодкэ воліс, эз тэ дінэ?*

– ***Коднэ волас войнад?*** (ST V 2006: 30) «Кто-то приходил, нет к тебе? – Кто же ночью придет?»

Не распространены в данном диалекте и контактоустанавливающие вопросительные предложения, основной функцией которых является инициирование ответной реакции адресата для вовлечения его в контакт с целью последующего общения, какая-либо информация коммуниканта не интересует. Вопросительные предложения данного вида часто употребляются либо вместе с приветствием, либо в качестве приветствия, на них не требуется подробного ответа на поставленный вопрос, так как основной функцией конструкций данного вида является побуждение адресата к контакту:

Кэрказ пырас Василей-саревич. Сэтэни пукалэ эл мича ныл. Ныл кутас шуні: О, кыське кыпэдчэма ылісь муись Василей, крестьянской сын, Василей саревич? (ST V 2006: 106) «Войдет в дом Василий Царевич. Там сидит очень красивая девушка. Будет девушка говорить: «О, откуда-то из дальних земель прибыл (поднялся) Василий, крестьянский сын, Василий Царевич?»

Анализ вопросительных предложений верхневычегодского диалекта коми языка показал наличие следующих структурных типов.

Широко распространены в исследуемом нами диалекте простые вопросительные предложения: *Кыдзнэ тиянэс ме дорйа?* (ST V 2006:118) «Как же я вас защищать буду?»; *Мый тэ лэбалам кузь пельнад да кузь гэлэснад буксан?* (ST V 2006: 270) «Что ты летаешь с длинными ушами и реवेशь громким голосом?»

Очень редко употребляются сложные вопросительные предложения, обычно это БСВП: *Крестьянин сілі шувэ: Вузала, уна сетан дон?* (ST V 2006:34). «Крестьянин ему говорит: Продам, какую цену назовешь?»

Более употребительны цепочки вопросительных предложений:

Кутшэм колэ тэнід невеста? Мый лове невестаис? (ST V 2006: 92) «Какая тебе нужна невеста? Что такое невеста?»; *Ювалэ ныл: кутшэм морт тэ? Кытісь локтін?* (ST V 2006: 136). «Спрашивает девушка: Что за ты человек? Откуда пришел?»

Таким образом, на основе анализа текстов, собранных Т. Уотиллой, можно сделать следующие выводы: в верневычегодском диалекте широко употребляются собственно-вопросительные предложения, среди них наиболее распространены специальные и альтернативные вопросительные предложения, несколько реже встречаются верификативные вопросы. Практически не употребляются несобственно-вопросительные предложения, нами зафиксированы одиночные контактоустанавливающие вопросительные предложения с приветственной семантикой и встречные вопросы.

Среди структурных типов наиболее распространены простые вопросительные предложения, реже встречаются цепочки вопросительных предложений и сложные вопросительные предложения.

Литература и источники

Лудыкова В. М. Синтаксические способы выражения степеней качества прилагательного в диалектах коми языка // Пермистика-8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Сб. статей. Сыктывкар, 2001. С. 159-170.

ССКЗД 1961 – Краткий грамматический справочник по диалектам коми-зырянского языка // Жилина Т.И., Сахарова М.А., Сорвачева В.А. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Под ред. В.А. Сорвачевой. Сыктывкар, 1961.

ВВД 1966 – Сорвачева В.А., Сахарова М.А., Гуляев Е. С. Верхневычегодский диалект коми языка. Сыктывкар, 1966.

Bartens R. Zur Syntax der Nominalsätze und der «sein»-Sätze syrjänischer Mundarten // Commentationes Fenno-Ugricae in honorem Erkki Itkonen/ Helsinki, 1973. S. 36-43.

ST I – Syrjänische Texte. Band I. Komi-permjakisch. Gesammelt von T. E. Uotila. Helsinki, 1985.

ST II – Syrjänische Texte . Band II. Komi-Syrjänisch: Ižma-, Pečora- und Vym-Dialekte. Gesammelt von T. E. Uotila. Helsinki, 1986.

ST III – Syrjänische Texte . Band III. Komi-Syrjänisch: Luza-Letka, Ober-Sysola-, Mittel-Sysola-, Prisyktyvkar-, Unter-Vyčegda- und Udora-Dialekte. Gesammelt von T. E. Uotila. Helsinki, 1989.

ST IV – Syrjänische Texte. Band IV. Komi-Syrjänisch: Ober-Vyčegda-Dialekt. Gesammelt von T. E. Uotila. Helsinki, 1995.

ST V – Syrjänische Texte. Band V. Komi-Syrjänisch: Ober-Vyčegda-Dialekt. M. Žikins Texte. Gesammelt von T.E. Uotila. Helsinki, 2006.

СОМАТИЗМЫ «ГОЛОВА И ЕЕ ЧАСТИ» В ПРЕДСТАВЛЕНИИ КОМИ-ПЕРМЯКОВ И РУССКИХ*

Т. Доценко, В. Нечаева (Пермь)

Сегодня обращение к человеку не может быть плодотворным без анализа и понимания той лексики, которая порождена познанием человека самого себя. Осознание себя среди окружающей действительности человек начинает с ощущений, поступающих через органы чувств от разных частей собственного тела. Поэтому человеческое тело оказалось одним из самых доступных для наблюдения и изучения объектом, а слова, обозначающие части тела человека, принадлежат к древнейшему пласту лексического состава любого языка. С помощью тела и языка человек стал ориентироваться в пространстве и во времени, выражать свое отношение к миру (Белявский, 1997; Богус, 2006).

Термин «соматизм», «соматический» первоначально использовался в биологии и медицине в значении *«связанный с телом человека, телесный»* и противопоставлялся понятию «психический». Впервые в лингвистический обиход **термин «соматический»** был введен в финно-угроведении Ф. Вакком, который, исследуя фразеологизмы эстонского языка с названиями частей человеческого тела, назвал их соматическими (Вакк, 1968). Со второй половины XX века это терминологическое понятие начинает активно функционировать в исследованиях, направленных на изучение семантики всего того, что относится к сфере телесности.

В лингвистике термин «соматический» имеет два значения: 1) это набор языковых средств, которые обозначают явления, относящиеся к сфере телесности; 2) один из невербальных языков, а именно соматический язык, который включает жесты, мимику, позы, выражения лиц и разнообразные симптомы душевных движений и состояний (Сайфи 2008, 7).

В своем исследовании мы придерживаемся определения соматизмов как лексической группы слов, обозначающих части тела человека.

В современной лингвистике существует разнообразные классификации соматизмов. Большинство из них строятся с учетом противопоставления частей тела по признакам: «внешнее-внутреннее», «верх-низ». Таким образом, облик человеческого тела складывается из четырех составляющих:

1. Голова и ее части;
2. Туловище (тело);

---

* Исследование поддержано проектом № 008-П программы стратегического развития ПГПУ «Языковой быт современного прикамского села (социолингвистическое исследование)».

3. Верхние и нижние конечности;
4. Внутренние органы и части тела (сердце, мозг и т.д.)

В качестве **предмета** нашего исследования выступает лексико-тематическая группа: «голова и ее части», которая характеризуется, во-первых, как внешняя, наружная составляющая часть тела и, во-вторых, соотносится с верхней точкой пространства тела.

Цель исследования – выявить сходство и различие в представлениях коми-пермяков и русских о голове как части тела человека.

В качестве **метода** исследования используется ассоциативный эксперимент, который может трактоваться как один из специальных методов извлечения информации, использующийся в полевой лингвистике. С помощью ассоциативного эксперимента происходит обращение к языковой компетенции носителей языка, которая в свою очередь обеспечивает доступ к языку и картине мира носителей языка.

Ассоциативный эксперимент проводился среди коми-пермяков и русских в возрасте от 16 до 30 лет. В эксперименте приняло участие 93 человека, из которых 52 человека были коми-пермяками, 41 человек – русскими. В результате эксперимента был получен 1321 ответ.

В экспериментальный список слов-стимулов были включены номинации-соматизмы: *синнэз / глаза, ныр / нос, тырпнез / губы, юрси / волосы, ём / рот, пель / ухо, юр / голова, ки / рука, кок / нога, съёлём / сердце, вывтыр / тело, чужём / лицо, чуннез / пальцы, голя / шея, рожбан / щека, кымёс / лоб, кыв / язык, пиннез / зубы, гыж / ноготь, кулак / кулак, юрбёр / затылок, пидзёс / колено, кырым / ладонь, ан / челюсть, лы / кость, мус/печень, пель/ухо, кокпята/пятка*. Для коми-пермяков стимулы предъявлялись на коми-пермяцком языке, а для русских – на русском языке. В результате эксперимента было получено 27 коррелирующих ассоциативных полей.

Для данного исследования из экспериментального материала было отобрано 13 ассоциативных полей на коми-пермяцком и русском языке со стимулами, входящими в лексико-тематическую группу «голова и ее части»: *голова* (часть тела), *лицо* (часть головы), *лоб* (верхняя лицевая часть черепа), *затылок* (задняя часть черепа, головы), *ухо* (орган слуха), *глаза* (орган зрения), *нос* (орган обоняния), *щека* (часть лица), *рот* (полость между челюстями), *губы* (подвижная кожно-мышечная складка, образующаяся у края рта), *зубы* (костное образование), *язык* (подвижный мышечный орган в полости рта), *челюсть* (костная основа центрального и нижнего отделов лица у человека).

Для того чтобы выявить степень сходства ассоциативных полей коми-пермяков и русских, нами был вычислен коэффициент близости

ассоциативных полей (W) по методике, предложенной А.А. Григорьевым, М.С. Кленской (Григорьев, Кленская, 2000). W вычислялся по формуле:

$$W = \sum_{i=1}^K \frac{f_{i1} + f_{i2} - |f_{i1} - f_{i2}|}{2}, \quad (1)$$

где

W = показатель близости ассоциативных полей между 1-й и 2-й группами испытуемых;

K = общее число различных ассоциаций в обеих группах;

f_{i1}, f_{i2} = частоты общих ассоциаций в первой и второй группах.

Коэффициент сходства ассоциативных полей коми-пермяков и русских представлен на рис. 1.

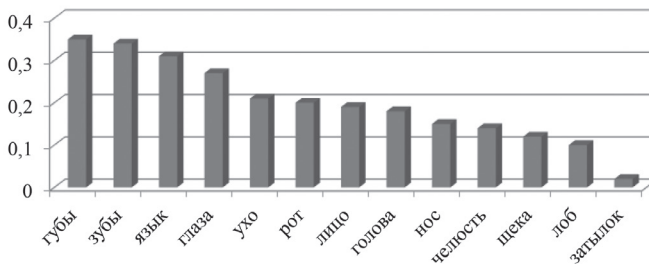

Рис. 1. Коэффициент сходства ассоциативных полей коми-пермяков и русских.

Как видно по рисунку, наибольшим сходством (с учетом прямых, принадлежащих к данной части тела – голове, и сопутствующих ассоциаций) обладают ассоциативные поля, связанные между собой общим пространством рта: губы, зубы, язык. Общие ассоциации у коми-пермяков и русских: **зубы** (W 0,35) – рот, зубы; **зубы** (W 0,34) – челюсть; **язык** (W 0,31). Именно эти части головы имеют наибольшую функциональную нагрузку в жизнедеятельности любого человека. Наименьшим сходством обладают: **лоб** (W 0,1) – верхняя передняя часть головы и **затылок** (W 0,02) – верхняя задняя часть головы. Таким образом, сходные представления о голове и ее частях у коми-пермяков и русских связаны с нижней частью головы, а различия – с верхней частью головы.

Специфические реакции в ассоциативных полях зачастую являются единичными, или низкочастотными. Однако одна и та же индивидуальная реакция может повторяться в ассоциативных полях, принадлежащим к разным стимулам одной и той же лексико-тематической группы. Например, у коми-пермяков на разные стимулы *ныр* (нос) и *юр* (голова) появляется одна и та же реакция *синнэз* (глаза). Эта же самая реакция глаза появляется у русских, но уже на стимулы *ухо* и *лицо*.

Мы предполагаем, что общие реакции на разные стимулы маркируют актуальные, наиболее значимые точки головы и лица в представлениях разных этнических групп. Для коми-пермяков такими реакциями стали *глаза 2, лоб 2, нос 2*; для русских – *лицо 4, голова 3, глаза 2*.

На основании этих данных можно предполагать, что коми-пермяки в процессе восприятия сосредоточивают свое внимание на верхней части лица, пространство которой охватывает глаза, лоб, нос и организовано по типу гештальта как целостного не сводимого к сумме частей образования. (рис.2). Русские же воспринимают лицо в целом, на фоне которого выделяются глаза как составная часть лица и головы (рис.3)

Рис.2. Восприятие лица коми-пермяками

Рис.3. Восприятие лица русскими

Итак, анализ ассоциативных полей группы соматизмов «голова и ее части» показал, что коми-пермяки и русские обнаруживают сходство в своих представлениях по отношению к нижней части лица, а именно к пространству рта. Различия в их представлениях связаны с верхней частью лица: коми-пермяки акцентируют свое внимание на целостном пространстве верхней части лица: «лоб-глаза-нос». Русские в отличие от коми-пермяков на общем фоне лица выделяют глаза как его важнейшую составляющую.

Литература и источники

Белявский С.Н. Фразеологизмы говорят о много (текст]. Минск, 1997.

Богус З.А. Соматизмы в разносистемных языках: семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты (на материале русского, адыгейского и английского языков). Автореф. дис.... канд. филол. наук. Майкоп, 2006.

Вакк Ф. О соматической фразеологии эстонского языка // Вопросы фразеологии и составления фразеологических словарей: Материалы IX Всесоюзного координационного совещания. – Баку, 1968.

Григорьев А.А., Кленская М.С. Проблемы количественного анализа в сопоставительных исследованиях ассоциативных полей // Языковое сознание и образ мира. – М., 2000. С. 301-306.

Сайфи Л. А. Концептуализация соматического образа человека в языке и дискурсивных практиках (на материале современного английского языка). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2008.

О СОЦИАЛЬНОМ СТАТУСЕ СОВРЕМЕННЫХ ПЕРМСКИХ ДИАЛЕКТОВ

С.В. Едыгарова (Хельсинки)

1. Введение

Интеллигенция пермских народов современные диалекты зачастую воспринимает только как объект научного, довольно консервативного метода изучения языка. Поэтому в центре изучения, как правило, находятся только образцы речи старшего немобильного поколения, которое проживает в сельской местности и наиболее хорошо сохранило диалектные черты. При этом диалектная речь молодого поколения, детей, жителей городов и сел остается в стороне от научных исследований.

Недавнее исследование языковых разновидностей удмуртского языка показало, что основой живого удмуртского языка является речь, основанная на диалектах, в то время как литературная (или стандартная) форма языка имеет искусственный характер и существует в основном в письме. При этом говорящие, а в особенности удмуртская интеллигенция и языковые активисты, литературную форму языка ставят в привилегированное положение (например, в деятельности сохранения и развития языка все силы направляют только на литературный язык), а диалекты рассматриваются только лишь как научный предмет, а в официальной сфере их использование не приветствуется, например, на диалектах не приветствуются публикации в официальных изданиях, лекции в университете и т.д. (Едыгарова 2013, Edygarova 2013a, Edygarova 2013b).

В настоящей статье дается краткое описание некоторых лингвистических и функциональных особенностей современных диалектов пермских языков, а также отношение говорящих к этой форме языка и социальной значимости диалектов. Доклад основан на материале социолингвистических экспедиций автора, состоявшихся в 2011-2013 гг. в Республике Удмуртия, Коми и Коми-Пермяцком Округе. Исследование демонстрирует, что языковая ситуация и отношение языковых активистов к разным формам языка среди удмуртов, коми и коми-пермяков очень похожа, поэтому большинство наблюдений и выводов исследования одинаково касается всех пермских языков.

2. Лингвистические и функциональные особенности современных пермских диалектов

Особенность живой или разговорной* формы пермских языков заключаются в том, что они основаны на диалектах, а также в том, что эта

* Социолингвистический термин *разговорный язык* (ср. англ. *vernacular, colloquial language*) здесь обозначает язык, который употребляется в качестве естественного (чаще всего устного) средства коммуникации. Необходимо иметь в виду, что филологическая традиция настоящий термин интерпретирует более узко и, как правило, этим термином обозначает просторечие.

форма позволяет свободное заимствование русских слов (ср. англ. *borrowing*), а также переход на русский (ср. англ. *code-switching*) и смешение кодов (ср. англ. *code-mixing*). Дialectы пермских языков представляют огромное варьирование форм, например, в разных диалектах и локальных говорах удмуртского языка употребляется 124 слова для обозначения понятия «*божья коровка*» (Диалектологический атлас удмуртского языка 2009: 205). Дialectы имеют огромное варьирование лексем, фонем, морфем, синтаксических конструкций, например: удм. южн. *укс'о*, сев. *кон'дон* 'деньги'; коми верхс. и луз.-лет. *кас'* и другие диал. *кан'* 'кошка'. Показатель множественного accusativa (винительного падежа) в удм. южн. *-ыз* и сев. *-ты*; показатель illativa (вступительного падежа) *-э* в верх. выч. и ижем. диалектах коми языка, и *-ö* в других диалектах; чередование *-л- ~ -в-* конца основы слова в сев. и южн. диалектах коми-пермяцкого языка и т.д.

Важно отметить, что диалекты постоянно находятся под влиянием как стандартной формы языков, так и русского языка, и уже не представляют «чисто» диалектные черты, по крайней мере, в речи молодежи и образованного взрослого сельского населения. Например, диалектной зоне д. Порозово Шарканского района (срединный диалект удмуртского языка) типично использовать дополнительные аффрикаты в середине и конце слова, ср. *žазэг* вместо лит. и некоторых южн. *žаз'эг* 'гусь'. Однако под влиянием стандартного языка молодежь, а также более взрослое поколение деревни, произносит настоящее слово без дополнительных аффрикат. Аффрикатизация спорадически сохранилась в говоре самого старшего поколения. В этой же деревне среди молодежи можно наблюдать и такое явление: удмуртский вариант *кыл* 'язык' употребляется для обозначения части тела, а русское *язык* – для обозначения абстрактного понятия, в то время как в стандартной форме и в речи старшего поколения того же диалекта оба понятия выражаются словом *кыл*, ср. (1).

французский йязыкэн вэрас'кис'код-а?

Говоришь по-французски? (Пример из личного опыта)

Типичная характерная черта пермских диалектов – обильное переключение и смешение национального языка с русским, например (2). Настоящий текст – фрагмент беседы автора статьи (В) с коми-пермяцким информантом, мужчиной 59 лет, проживающим в сельской местности Коми-Пермяцкого округа (А).

(2) А. а мэ комисö н'э изучал. мэ русскöй школаын училса*.

* Транскрипция текста приближена к традиционной пермской транскрипции, в том числе и переходы на русский язык. Однако в некоторых случаях употреблены нетрадиционные символы, например *щ* вместо традиционного *с'*, что указывает на особенность произношения русского слова, а именно влияние коми произношения на русский.

‘А я коми **не изучал. Я учился** в русской школе.’

В. *вообщэ эз вöв, да?*

‘Вообще не было [предмета по коми языку], да?’

А. *эз вöв. мэ в русской школ'э... мийан с'иктын школа вöли в коцэ. öтикöс вöли до вощмово класса, сэтын изучал'и коми. а ми кыдз в цэнтрэ коцэ жил'и дак, мийаныс пэрэброшил'и в рускуйу школу.*

‘Не было. Я в русской школе [учился]. В нашем селе школа была в Косе. Одна была до **восьмого класса**, там **изучали коми**. А мы посколь-ку в центре Косы жили дак, нас **перебросили в русскую школу**.’

В. *а тэ чужин косаас, да?*

‘А ты родился в Косе?’

А. *самöй косаас.*

‘В самой Косе.’

В. *и тийан цэмйа вöли коми цэмйа, да?*

‘А ваша семья была коми?’

А. *да, коми-пэрм'аки. чистый коми-пэрм'аки.*

‘Да, **коми-пермяки**. Чистые **коми-пермяки**.’

В. *а цэмйаын ти баититö комиöн, да?*

‘А в семье вы говорили по-коми?’

А. *да, цэмйаас, значит, ми баитимö комиöн. но н'э чистöй комиöн ужэ...ужэ при мн'э, значит, вэлöччимö ... дажэ начинайа с пэрвово класса в цэмйах-то н'экоторых ужэ пэрспэкт'ивэ, видно, думал'и своих д'эт'эй направит' куда-то дал'ишэ от косы. так нийан, значит, дома н'экторыйэ пыталици говорит' по-русски и ужэ, начит, направл'эн'ийэ мунис.*

‘Да, в семье, значит, мы говорили по-коми. Но уже не на чистом коми. Уже при мне, значит, [когда мы] учились ... даже начиная с первого класса в семьях-то некоторых уже в перспективе, видно, думали своих детей направить куда-то дальше от Косы. Так у них, значит, дома некоторые пытались говорить по-русски и уже, значит, шло [такое] направление.’

В. *сийö* вöли коми род'ит'эл'л'эз ... ?*

‘Это были коми родители ... ?’

А. *хот'а род'ит'эл'л'эз комиöс' вöлисö, а с д'эт'ми дома почащэ говорил'и по-русски.*

‘Хотя это были коми родители, а с детьми дома почаще говорили по-русски’.

---

*В оригинальной речи интервьюера, автора настоящей статьи, встречаются ошибки.

Речь мужчины в настоящем фрагменте представляет обильное переключение и смешение коми языка с русским (в тексте отмечено жирным курсивом). В некоторых случаях сложно определить, на каком языке говорит информант: на коми языке с переключениями на русский или наоборот. В предпоследнем фрагменте, например, идет непрерывная речь на русском языке, однако появляются две ставки на коми-пермяцком, ср. *нийан* 'у них' и *мунис* 'шло'. Можно подумать, что основной текст здесь на русском, однако вступление на коми языке, а также коми произношение, ср. коми *щ* и русское *с'*, говорят скорее об обратном. Кроме того, настоящему стилю характерно употреблять типичные диалектные формы, например, мужчина употребляет форму *нийан* 'у них' (ср. лит. *ныльӧн*) и т.д.

Настоящий стиль речи может показаться идеальным примером «нечистого» или «некачественного» языка. Такой язык воспринимается негативно и может быть осмеян как комиязычными, так и русскоязычными. Однако необходимо отметить, что фрагментно переключаясь на русский язык, говорящий таким образом избегает калькирования с русского языка, что типично стандартному языку, в особенности языку средств массовой информации (например, в текстах средств массовой информации типично употреблять неологизмы или национальный вариант слов, однако зачастую структура предложений, фраз, а также метафорические обороты заимствованы из русского языка). Поэтому влияние русского здесь касается, в основном, поверхностной структуры коми-пермяцкого языка.

Диалекты осваиваются в качестве родного языка в семье, передаются из поколения в поколение и представляют живой язык общения. Благодаря этому они имеют особую эмоциональную связь с говорящими и могут сохраниться в интимном регистре, например, в общении с семьей, ребенком. Практически любой говорящий на пермских языках имеет диалектную базу, которую он освоил первым от родителей или от других говорящих, которые сыграли важную роль в освоении языка. Например, человек с хорошим знанием литературного языка может употреблять несколько вариантов лексемы, например, удм. южн. *укс'о*, сев. *кон'дон* 'деньги' или морфемы, например, разные формы множественного accusativa в удмуртском языке. Однако на неподсознательном уровне или в ситуации автоматического употребления языка формы родного диалекта будут преобладать. Даже те, которые выучили язык уже в зрелом возрасте, могут давать предпочтения формам определенного диалекта в зависимости от диалекта учителя.

3. Социальный статус пермских диалектов

«Чистая» диалектная речь сохранилась только у некоторых предста-

вителей наиболее старшего поколения*. Диалектная речь большинства говорящих на пермских языках людей подвержена влиянию русского языка, как было показано на примере (2). Многие думают, что такой разговорный стиль засоряет язык. Однако, как было отмечено в разделе 2, в смешанном языке вмешательство русского языка зачастую касается только поверхностной структуры языка. В то время как вмешательство русского языка в стандартной форме изменяет глубинную структуру. Влияние русского языка неизбежно на всех уровнях. Национальная общественность и интеллигенция демонстративно игнорирует этот стиль. Кроме того, даже «чистая» диалектная речь может допускаться к использованию только в сельской местности или непрофессиональной языковой среде, в то время как официальная печать, общественная или публичная речь профессионалов, речь дикторов и ведущих на телевидении или радио на диалектах недопустима.

В противовес диалектам и «смешанной» речи ставится литературный или «чистый» язык, на котором публикуются национальные газеты и журналы, выступают теле – и радиоведущие, читаются лекции в университете и т.д. Как показывает опыт, одним из основных стратегий современных пермских стандартных языков является пурификация языка или избегание обильных заимствований из русского языка. Настоящая стратегия способствует введению множества неологизмов, что в свою очередь повышает слишком искусственный характер стандартного языка. В то же время образовательная система, а также ограниченные каналы трансляции стандартного языка (например, через СМИ) не успевают распространять и внедрять новые формы; говорящие не осваивают эти формы. Вследствие этого, как показывает исследование знания стандартной разновидности удмуртского языка (Едыгарова 2013), литературную форму знают от силы 7 % удмуртов. В основном, только те люди, которые занимаются языком профессионально каждый день, например, писатели, журналисты, ученые, преподаватели, могут воспроизвести литературные нормы. Остальные говорящие (ок. 93 %), по-видимому, в своем языковом репертуаре в качестве основного языка имеют диалекты. При этом в деятельности сохранения и развития языка учитывается, в основном, только стандартный язык, а диалекты, как правило, не берутся во внимание. На наш взгляд, при таких обстоятельствах существует значительная опасность исчезновения диалектов (что составляет примерно 93 % языкового знания), что может привести к мертвому состоянию пермских языков.

Заключение

В настоящей статье мы кратко описали и продемонстрировали язы-

---

* Например, автор статьи в 2001 году записала интервью с 70-летней информанткой из южной Удмуртии, которая владела только удмуртским языком.

ковые особенности современных пермских диалектов, а именно показали, что диалекты постоянно находятся в процессе изменения под влиянием русского языка, а также стандартной формы национальных языков. Кроме того, мы указали некоторые особенности социального положения современных диалектов: современные говорящие на пермских языках, в основном, используют в качестве средства коммуникации диалекты, большинство практически не знают стандартной формы языка. При этом использование диалектов в официальной сфере не допускается.

Безусловно, литературная разновидность пермских языков имеет очень важную роль в сохранении и развитии языков. Литературный язык необходимо развивать, в особенности каналы трансляции этой разновидности, в том числе систему преподавания языка. Но в то же время не менее важным является также развитие и сохранение диалектов, диалектных идентитетов, например, путем организации учебного процесса на диалектах, или, по крайней мере, введения учебных тем о диалектах, печатания литературы на диалектах и т.д. Сохраняя и развивая одновременно диалекты и литературный язык у нас больше шансов спасти наши языки от исчезновения.

Литература и источники

- Баталова Р.М.* Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975.
- Едыгарова С.В.* Об основных разновидностях удмуртского языка. // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск, 2013.
- Диалектологический атлас удмуртского языка. / Сост. Р.Ш. Насибуллин и др. Ижевск, 2009. Вып. 1.
- Коми-пермяцко-русской словарь. / Сост. Р.М. Баталова, А.С. Кривошекова-Гантман. М., 1985.
- Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. / Сост. Т.И. Жилина, М.А. Сахарова, В.А. Сорвачева. Сыктывкар, 1961.
- Edygarova S.* The varieties of the Modern Udmurt Language. Ижевск, 2013a.
- Edygarova S.* Dominant and minority language ideologies: the case of the Permian languages. Presentation on the XIV International Conference on Minority Languages, Graz (Austria), 12th September 2013b.

НАПИСАНИЕ СЛОЖНЫХ СЛОВ В ПАМЯТНИКАХ УДМУРТСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Л.М. Ившин (Ижевск)

Орфография (греч. *orthographia*, от *orthos* 'правильный', *grapho* 'пишу') – система общепринятых правил, регулирующих одинаковое, нормативное написание слов и морфем. В буквальном смысле слово *орфография* означает 'правописание', т.е. правильное (соответствующее нормам) написание. Орфография включает правила передачи буквами фонемного состава слова, правила о слитном, раздельном и дефисном написаниях, об употреблении прописных и строчных букв, о переносе слов и графических сокращениях (Стариченок 2008: 398).

Вопросы изучения правописания в ранних письменных памятниках удмуртского языка были в некоторой степени освещены в работах языковедов: В.И. Алатырева (1956: 58–62), А.С. Бабинцева (1937: 3–4), В.М. Вахрушева и В.Н. Денисова (1992: 114–119), Г.И. Лаврентьева (1971: 50–53) и др. Но надо сказать, что исследователи в них большее внимание всегда обращали на графические и отчасти фонетические и лексические особенности того или иного памятника письменности, чем на орфографические. Некоторые нюансы правописания ранних письменных памятников удмуртского языка нашли отражение в нашей монографии «Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII – первой половине XIX века» (Ившин, 2010). В ней были отмечены правила передачи фонемного состава удмуртских слов, единообразие в написании отдельных падежных морфем, принципы передачи мягких и твердых согласных, непоследовательность дефисного, раздельного или слитного оформления слов с притяжательными и падежными суффиксами, послелогоми и т.д. Однако вопрос о правописании сложных слов в памятниках письменности еще не был объектом специального исследования ученых. В данной работе мы бы хотели рассмотреть способы написания некоторых сложных слов в памятниках письменности XVIII – первой половины XIX века.

Орфография (а точнее, элементы удмуртской орфографии*), заложенная в первых стихотворениях, написанных кириллической графикой, была, можно сказать, «утверждена» в книге «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» 1775 г. В ней орфографические правила не были сформулированы, но были предложены образцы начертания слов и отдельных морфем. Это написание сохраняется и в последующих изданиях или рукописных работах на удмуртском языке вплоть до середины (даже до конца 60-х гг.) XIX века, с одной стороны, приближаясь к современной орфографии, с другой, наоборот – отдаляясь.

В первой грамматике удмуртского языка нами рассмотрено порядка 150 сложных слов, образованных путем механического сочетания двух основ. В их написании единообразия пока не просматривается.

1. В названиях деревьев или кустарников компонент **пу** в одних случаях пишется слитно, например: *письпу* (*pispu*) 'древо' (Соч. 24), *сирпу* (*s'irpu*) 'вязь', *паиьпу* (*pašpu*) 'орѣшникъ', *батиьпу* (*bad'pu*) 'ива', *лемпу* (*l'empu ~ l'empi*) 'черемуховое древо', *палезьпу* (*palez'pu*) 'рябина' (там же: 25) и т.д., в других – раздельно: *гуземь пу* (*guzet pu*) 'жимолость', *ульмо пу* (*ulmo pu*) 'яблонь', *шу пу* (*šu pu*) 'калиновое древо' (там же: 25).

2. Неупорядоченное написание имеют сложные слова со вторым компонентом **пи**: *ширьпи* (*š'irpi*) 'мышенокъ' (Соч. 26), *курекьпи* (*kurekpi*) 'цыпленокъ' (там же: 28), *куцяпи* (*kučari*) 'щенокъ' (там же: 29), но здесь же *ишь пи* (*iž pi*) 'ягенокъ', *парсь пи* (*pars' pi*) 'поросенокъ' (там же).

3. Сложные слова, обозначающие названия грибов, растений (овощей), также одни пишутся слитно: *зюцьгуби* (*žučgubi*) 'грибъ' (Соч. 21), другие – раздельно: *гортъ кушманъ* (*gord kušman*) 'свекла', *цюжьъ кушманъ* (*čuiž kušman*) 'морковь', *немьць кежи* (*n'emič keži*) 'бобъ', *ягъ мули* (*jag mul'i*) 'брусника' (там же: 23), *пэсь турунь* (*peš' turun*) 'перець' (там же: 24).

4. Сложные слова, обозначающие части человеческого тела, написаны по-разному:

---

* Отдельные специалисты по истории языков сомневаются в наличии орфографии в ранних письменных памятниках. Так, Л.Р. Зиндер и Т.В. Строева (1965: 26], исследуя древненемецкие памятники, отмечают: «Орфография неммыслима без единообразного написания слов и морфем, принятого если не всеми, то многими авторами и писцами. Мы не найдем в древненемецких памятниках не только общей для всего языка орфографии, но даже и обязательного и единообразного написания тех или иных слов или морфем в одном памятнике, у одного писца». Таким образом, орфографии, в строгом понимании этого термина, в древненемецком языке не было. Не было ее, возможно, и в раннеудмуртских памятниках. Но, несмотря на это, определенная система написания слов и некоторых морфем уже была налична, а значит, имеются несформулированные элементы (правила) орфографии.

а) слитно: *пельдынь* (*pel'djɨn'*) 'високъ', *синдоръ* (*s'indor*) 'бровь, ресница', *синънуны* (*s'innun2*) 'озорочко', *имдоръ* (*imdor*) 'губа' (Соч. 18), *пельпумъ* (*pel'pum*) 'плечо', *гыръпумъ* (*gɨrɨpum*) 'локоть' (там же: 19), *пыд-мышь* (*pɨttɨš*) 'пята' (там же: 20);

б) через дефис: *йуръ-серъ* (*jɨr-s'er*) 'затылокъ', *синъ-кели* (*s'in-kel'i*) 'яблочко', *синъ-тоди* (*s'in-ted'i*) 'бѣлокъ', *йуръ-вимъ* (*jɨr-vim*) 'мозгъ' (Соч. 18);

в) раздельно: *ныръ пысы* (*nɨr pɨsɨ*) 'ноздри' (Соч. 18), *кетъ урдесъ* (*ket urdes*) 'бокъ' (там же: 19), *пыдъ купыры* (*pɨd kupɨrɨ*) 'подколѣнко', *пыдъ кетъ* (*pɨd ket*) 'голень', *кызъ нуи* (*kɨz' nuɨ*) 'пузырь (точнее: мочевой пузырь – Л. И.)' (там же: 20).

5. Отсутствие единой орфографической системы наблюдается в написании сложных слов, обозначающих названия птиц: лексемы *гуртъ дыдыкъ* (*gurt dɨdɨk*) 'голубь', *дзюць вордосъ* (*žɨć vordos*) 'щегленокъ' имеют раздельное написание, и здесь же *ваюбыжъ* (*vajobɨž*) или *вожпооски* (*vožoros'ki*) 'ласточка', *вожджюзю* (*vož žuz'u*) 'чижъ', *уртъкышь* (*urtkɨš*) 'нетопырь, мышь летучая', *седькыръ* (*s'edkɨr*) 'дятель черный' (Соч. 27) написаны слитно.

6. Одинакового написания не прослеживается и в других сложных образованиях: *ужъпунъ* (*užɨpɨn*) 'дѣло', *лумшуръ* (*lumšur*) 'полдни', *улонъ-дунье* (*ulondun'n'e*) 'вѣкъ', *чукналь* (*čuknal*) 'востокъ', *уйналь* (*ujnal*) 'запад (точнее: север – Л. И.)' (Соч. 14), *тыль кели* (*tɨl kel'i*) 'кремень', *уръ кыремъ* (*ur kɨrem*) 'ровъ', *лызьдари* (*lɨzdari*) 'купоросъ' (там же: 21), *седьсуръ* (*s'edsur*) 'сивуха, вино', *мусуръ* (*musur*) 'медъ' (там же: 24), *чогокый* (*čogokɨj*) 'ужъ' (там же: 26), *лудкець* (*ludkeć*) 'заецъ', *седьбыжъ* (*s'edbɨž*) 'горноста́й' (там же: 28), *ижгонъ* (*ižgon*) 'шерсть', *кець така* (*keć taka*) 'козель', *аипарсъ* (*aj pars*) 'боровъ' (там же: 29), *коргидъ* (*korgid*) 'конюшня', *мумыкоръ* (*tumɨkor*) 'матица', *сараџiazъ* (*saračiaz*) 'крылецъ' (там же: 30), *синъутень* (*s'inut'on*) 'зеркало', *нуныкэки* (*nunɨkeki*) 'колыбель, зыбка', *пыдъкутъ* (*pɨdkut*) 'пантуфли', *серегъ пунъ* (*sereg puɨ*) 'головня', *сюсь тыль* (*s'us'tɨl*) 'свѣча восковая', *гуръомыръ* (*gur omɨr*) 'чело' (там же: 31) и др.

Как видно из перечисленных примеров, сложные слова в книге «Сочинения принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» не имеют однообразного унифицированного написания. Это, как нам кажется, можно объяснить тем, что русская графическая и орфографическая системы (нормы) были приспособлены к нуждам удмуртского языка стихийно.

В последующих письменных памятниках удмуртского языка, как рукописных, так и печатных (до середины XIX века), орфография сложных слов несколько изменялась, но единого упорядоченного написания в них

также не наблюдается. Более того, одно и то же слово в одном и том же памятнике письменности может иметь два (или три) варианта написания, например, в переводах Евангелия 1847 г. встречаются следующие примеры:

Словарь З. Кротова	грамматика М. Могилина	Евангелия и азбуки 1847 г.
<i>азвьль вераско</i> 'про- рицаю, пророчествую', <i>азь-въл-адзись</i> 'прозорливый' и <i>азь</i> <i>вьль кылыско</i> 'пред- чувствую' (Крот. 2)		<i>азь-вьль веразь</i> '(он) предсказаль' (Глаз. 27), <i>азьвьль вордскемзэ</i> 'перво-родныхъ' (Сар. 273)
<i>дзець бурь</i> 'благополучіе, благополучный' (Крот. 49)		<i>дзець бурь</i> 'миръ дому' (Глаз. 81), <i>дзець-бурь-ды</i> '(ваше) сокровище' (Сар. 49);
<i>жирьси</i> 'волосы' (Крот. 71)	<i>гирси</i> 'волосы' (Мог. 131)	<i>ирь-си-ды</i> '(ваши) волосы' (Сар. 83)
<i>куськертонь</i> 'препоясаніе, поясъ, кушакъ' (Крот. 105)		<i>кусь кэртоньэзъ</i> '(его, ее) поясъ' (Глаз. 28), <i>кусь</i> <i>кэртоньэзъ</i> 'тж' (Сар. 26)
<i>пинь иръионь</i> 'скрежетаніе, скрежетъ' (Крот. 170)		<i>пинь-иръемь</i> 'скрежетаніе зубовъ' (Глаз. 64), <i>пинь-</i> <i>иръемь</i> 'тж' (Сар. 62)
<i>тылобурдо</i> или <i>тлобурдо</i> 'птица, птичка' (Крот. 225)	<i>тыло-бурдо</i> 'всякое воздушное вообще животное' (Мог. 145)	<i>тылобурдо</i> 'птица' (Сар. 274)
<i>уваньбурь</i> 'имѣніе, казна, богатство, пожитки' (Крот. 233)		<i>увань бурдэсъ</i> 'сокровищъ' (Глаз. 51), <i>увань бурдэсъ</i> 'тж' (Сар. 49)
<i>шумьпотонь</i> 'радость, радостный, радостно' и <i>шумь потысько</i> 'радуюся, веселюся' (Крот. 270)	<i>шумь-потско</i> 'радуюся' (Мог. 181)	<i>шумь потызы</i> 'возрадовались' (Глаз. 24), <i>шумь потызы</i> 'тж' (Сар. 22)
<i>шунды джужань</i> 'востокъ' (Крот. 270)	<i>шунды-джужань</i> 'востокъ' (Мог. 152)	<i>шунды джужань</i> 'вос-токъ' (Глаз. 64), <i>шунды джужань</i> 'востокъ' (Сар. 20)

нѣль-пиосъ и *нѣлпиосъ* (*niłpios*) 'дѣти' (Глаз. 28, 38), *ятъ-муртъиосъ* и *ятъ муртъиосъ* (*jatmurtjos*) 'язычники' (там же: 47, 49); *Инь-дунье* и *инь дунье* 'царствіе небесное' (Сар. 75, 100). Отсутствие единой системы орфографических правил для сложных слов побуждало, по-видимому, автора или авторов принимать свои «индивидуальные» системы правописания.

Для сравнения рассмотрим написание некоторых сложных слов в словаре З. Кротова, грамматике М. Могилина (конец XVIII века) и первых переводах Евангелий и азбуках удмуртского языка (первая половина XIX века):

Таким образом, орфографическая норма для написания сложных образований в XVIII – первой половине XIX века и в более поздний период еще не установилась. В каждом издании составитель или составители нередко были, по большей части, различных взглядов, иногда диаметрально противоположных между собою, что и повлекло за собой неупорядоченность и хаотичность правописания сложных слов.

Литература и источники

Алатырев В.И. Когда возникла удмуртская письменность? // Молот. 1956. № 6. С. 58–62.

Бабинцев А.С. Удмуртская орфография: Тезисы (в порядке обсуждения) // К первой удмуртской языковой конференции. Ижевск, 1937.

Вахрушев В.М., Денисов В. Н. Современный удмуртский язык: Фонетика. Графика и орфография. Орфоэпия. Ижевск, 1992.

Глаз. – Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / Сост. Л.М. Ившин. Ижевск, 2003.

Зиндер Л.Р., Строева Т.В. Историческая фонетика немецкого языка: Пособие для студ. пед. ин-тов. М., Л., 1965.

Ившин Л.М. Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII – первой половине XIX века. Екатеринбург; Ижевск, 2010.

Крот. – Кротов З. Удмуртско-русский словарь / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 1995 (= Краткий Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захарією Кротовымъ, 1785 года). XX.

Лаврентьев Г.И. Удмурт кылын гожьяськынн куд-ог ужпумъс // Молот. 1971. № 9.

Мог. – Могилин М. Краткой отякція Грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики / Отв. ред. Л.Е. Кириллова. Ижевск, 1998.

Сар. – Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие / Сост. Л.М. Ившин. Ижевск, 2003б.

Соч. – Сочинения принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка. Въ Санктпетербурге при Императорской Академіи наукъ 1775 года. // Первая научная грамматика удмуртского языка. Ижевск, 1975.

Стариченко В. Д. Большой лингвистический словарь. Ростов-на-Дону, 2008.

НАРОДНАЯ ЛЕКСИКА ПОДСЕЧНО-ОГНЕВОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В УДМУРТСКОЙ ТОПОНИМИИ*

Л.Е. Кириллова (Ижевск)

Одним из основных занятий удмуртов было земледелие. Освоение земель было трудоемким, тяжелым занятием для крестьян. Для Удмуртии, как и других регионов, было характерно сочетание нескольких систем земледелия: трехполье дополнялось элементами подсеки и перелога. Это было обусловлено необходимостью освоения из-под леса новых площадей и слабым плодородием лесных почв.

Процесс освоения земель из-под леса в зависимости от характера обработки земли шел несколькими способами. Одним из них явилась подсека, когда участок леса очищался от деревьев путем вырубки, деревья подсекались, подрубались снизу, у основания корня. Об этом свидетельствует и известный удмуртский историк М.В. Гришкина: «Большую роль в крестьянском хозяйстве Удмуртии имели элементы подсеки: в упорной, требующей огромных усилий борьбе с лесом крестьянство отвоевывало новые участки пашни и сенокоса. На протяжении всего XVIII в. на таких очищенных от леса участках возникали новые починки и деревни. При подобных переходах, когда крестьянское хозяйство отрывалось от старого селения и старых земель, подсека становилась единственным средством заведения пашни на новом месте» (1974: 203).

Источниками для данной работы послужили преимущественно полевые материалы автора, собранные в районах Удмуртской Республики в разные годы, часть из которых опубликована в отдельных ее монографиях (Кириллова 1992; 2002; ИКЛ), а также материалы, извлеченные из работ Т.И. Тепляшиной и М.А. Самаровой (2010).

Различные явления и процессы, связанные с освоением и обработкой земель, способствовали появлению земледельческой лексики в языке. Это также широко отразилось в топонимии и микротопонимии. Довольно распространенным как в удмуртском литературном языке, так и в микротопонимии, является апеллятив *сайкос* (сущ. от глаг. *сайкыны* 'корчевать, расчищать от пней, деревьев и хвороста') 'росчисть, выкорчеванный, очищенный от пней и хвороста участок земли'. Этот географический термин встречается, как правило, в микротопонимии, например: *вил'/сайкос* пол.**.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН в рамках научно-исследовательского проекта «Этнокультурное пространство Камско-Вятского региона: материалы и источники исследования».

** После топонима или микротопонима в сокращенном виде указан тип географического объекта (см. список сокращений в конце статьи).

лс. (д. Лемы Сюмс.*) (*вил'* 'новый, букв. 'новая рощисть') (Кириллова 2002: 103); *ил'л'а/сайкос* лг. (д. Новая Бия Вав.) (*ил'л'а* – мужское личное имя < рус. Илья, букв. 'рощисть Ильи') (Кириллова 1992: 216); *күйн'/корка/сайкос* лг. (д. Косоєво М.-Пург.) (*күйн'* 'три', корка 'дом, букв. 'рощисть трех домов', т.е. этот участок земли был расчищен жителями трех домов) (ПМА, 1995 г.); *л'акоп/сайкос* п. (д. Варзибаш Алн.) (л'акоп – мужское личное имя < рус. Яков, букв. 'рощисть Якова') (ПМА, 2004 г.) и т.д. Реже встречается другой вариант этого апеллятива – *сайкэм* (субст. прич. от глаг. *сайкыны* 'корчевать, очищать от пней и хвороста'), например: *ст'эн'гурт/сайкэм* лс. (д. Силешур Кез.) (*ст'эн'гурт* – д. Стеньгурт Кез., т. е. 'рощисть жителей д. Стеньгурт') (МРТК I, 1998) и т. д.

Следующий географический термин, также со значением 'расчищенный из-под леса путем высекания участок земли под пашню или покос' – *вёл'ы* (сущ. от глаг. *вёл'ыны* 'очистить дерево от сучьев; очистить лес под пашню или под покос') с его вариантами *вал'ъ, вол', вол'и, вол'ы, вёл', вёл'и, выл', вэл', вэл'ъ*, слово пермского происхождения, ср. к. диал. *воль* 'лесной участок с окорёнными (в комлевой части) деревьями', *вольны* 'окорить, очистить от коры', 'сдирать, отдирать кору (с дерева)' (КРС: 111, 112; СДКЯ I:237), кп. *воль* 'рощисть, участок в лесу, очищенный от деревьев для пашни; участок с окорёнными деревьями', *вольны* 'окорять, окорить, очистить от коры; ободрать, оскоблить' (КПРС: 78, 79), зафиксированный в микротопонимах *Абрам воль, Васька воль, Выч воль, Дим воль* (Аксенова 2008: 32).

Апеллятив *вёл'ыс* его вариантами широко представлен в ойконимии (особенно в народных названиях населенных пунктов) Удмуртии, например: *вол'и* – нар. название с. Волипельга Вав.; *вёл'и ~ вёл'ы* – нар. название д. Латыри Селт.; *дэбэс/вёл'* – д. Марково Деб. (*дэбэс* – с. Дебесы); *шүзэ/вол'* – нар. название д. Кельдыш Шарк. (*шүзэ*- удм. воршудно-родовое имя) и т.д.

Не менее употребителен этот апеллятив и в микротопонимии, например: *ватка/вол'л.*, лг. (д. Башур Зав.) (*ватка* – прозвище человека) (ПМА, 2002 г.); *дарйа/вэл'ъ* лс. (д. Тылыс Юкам.) (*дарйа* – женское личное имя) (Тепляшина 1975: 212); *дэмэн/вёл'ы* пдл. (д. Большая Гурезь-Пудга Вав.) (*дэмэн* 'коллективно, сообща; совместный', *вёл'ы* 'лесная поляна') (Кириллова 1992: 214); *күака/вал'ъ* п. (д. Большая Юнда Балез.) (*күака*-др.-удм. личное имя <күака 'ворона') (Тепляшина 1975: 208); *кочон/вёл'ы* пдл. (д. Лемы Сюмс.) (*кочон* – прозвище человека <*кочон* 'кочерыжка', *вёл'ы* 'подлесок') (Кириллова 2002: 193); *туг/вёл'ып.* (д. Большая Гурезь-

* Список сокращенных названий районов, куда входят указанные населенные пункты, дан в конце статьи.

Пудга Вав.), лг., лс. (д. Чабишур Ув.) (*туг 'хмель'*) (Кириллова 1992: 245); *эмэз'/вёл'ыдл.* (д. Заречная Медла Деб.) (*эмэз' 'малина'*) (Самарова 2010: 245) и т. д.

Большой интерес представляет термин *вал'эс* с тем же значением, что и предыдущий апеллатив (< *вал'саны* 'расчищать от пней и деревьев') с вариантами *вал'ос, вал'со, вол'ос, вол'эс, вол'эз, вёл'эс, вёл'ос, үал'эс* функционирующий, главным образом, в микротопонимии, например: п. *бад'ар/вёл'ос* (д. Гожмувыр Як.-Б.) (*бад'ар* 'клен') (ПМА, 2000 г.); *кочо/вал'эс* п. (д. Силкино Вав.) (*кочо-* др.-удм. личное имя <*кочо* 'сорока') (Кириллова 1992: 222); *ожмэг/вал'эс* (д. Ольховка Ув.) (*ожмэг-* др.-удм. личное имя) (Кириллова 1992: 233); *нэн'/вал'эс* п. (с. Зон Сюмс.) (*нэн''* 'зола') (Кириллова 2002: 301); *с'арччы/вал'эс* п. (д. Липовка Ув.) (*с'арччы* 'репа') (Кириллова 1992: 243); *с'өр/вал'эс* п. (с. Зон Сюмс.) (*с'өр* 'дальний') (Кириллова 2002: 326) и т. д.

Следует отметить, что лексема *вал'эс* в современном удмуртском языке встречается со значением 'постель, матрац', а значение 'росчисть', как правило, выявленное в удмуртских топонимах, уже забыто, даже довольно старые люди его не знают, тем не менее, нам удалось зафиксировать данный апеллатив в нескольких районах Удмуртии (см. карту). Рассматривая этимологию данного слова со значением 'постель, матрац', В.И. Алатырев указывает, что слово *вал'эс* имеет и другой семантический оттенок – результат действия. Как раз сюда и относится апеллатив со значением 'расчищенный из-под леса под пашню или покос участок земли', 'подсека в лесу', 'делянка'.

В удмуртской микротопонимии в большом количестве выявлены русские заимствования: *вы'руб* (< рус. *выруб* (т.е. вырубленное место) <*выру-бать*), *корчо-фка* (< рус. *корчѣвка*), *кул'ига* ~ *къл'ига* (< рус. *кулига*), *потс'ика* ~ *потс'эка* ~ *поччэга* (< рус. *подсека*), *роско-рчофка* (< рус. *раскорчѣвка*), *росчиска* ~ *рос'с'иска* (< рус. *росчитка, росчисть*).

Приведем микротопонимы: *вы'руб* п. (дд. Верхняя Малая Салья, Нижняя Малая Салья Кияс.) (ПМА, 1999); *корчо-фка* п. (д. Бальзяшур Можг.) (ПМА, 2004 г.); *ондрэй/къл'ига* лс. (д. Жувам Юкам.) (*ондрэй* – мужское личное имя < рус. Андрей) (Тепляшина 1975: 214); *кул'ига/н'ук* л. (д. Каравай Як.-Б.) (*н'ук* 'лог, овраг') (Кириллова 2002: 203); *потс'ика* п. (д. Лып-Селяны Шарк.) (Самарова 2010: 69); *потс'ика/луд* п. (д. Лып-Селяны Шарк.) (*луд* 'поле') (Самарова 2010: 69); *потс'эка/н'ук* л. (д. Зюзино Шарк.) (*н'ук* 'лог, овраг') (Самарова 2010: 69); *поччэга/т'ашйа* лс. (д. Жувам Юкам.) (*т'ашйа* 'лес') (Тепляшина 1975: 214); *роско-рчофка* п. (д. Мукабан Шарк.) (Самарова 2010: 69); *росчиска* лс. (д. Такагурт Деб.) (Самарова 2010: 69); *рос'с'иска* п. (д. Уйвай Деб.) (Самарова 2010: 69), а также с. Кулига Кез.

Другой метод освоения земель из-под леса – это выжигание деревьев, леса. Данный вид обработки земли, существовавший длительное время, также способствовал возникновению соответствующей лексики в удмуртском языке. Это, в первую очередь, широко представленный в топонимии Удмуртии географический термин *тыло* (<*тыл* 'огонь' + *-о* – суф. обладания) 'подлесок' (первоначальное значение 'расчищенный из-под леса путем выжигания участок земли'), ср. к. *тыла* 'подсека' < оп. **tùla* 'подлесок', 'молодой лес, удобный для расчистки под пашню' (КЭСК: 292), вернее было бы перевести его на русский язык словом *пожог*, *пожого*.

Удмуртский апеллятив *тыло* очень часто функционирует в ойконимии, как в официальных названиях населенных пунктов, так и в неофициальных, народных названиях селений, например: д. Бертло Кизн. (*бер* 'задний', *тло* <тыло); д. Вукотлово Шарк. (*вуко* 'мельница', *тло* < тыло + *-ово* – суф. рус. языка); с. Тыловой Деб. (*вай* 'исток, рассоха, ветвь'); д. Тыловыл Шарк. (*выл* 'местность; поверхность'), с. Тыловыл-Пельга Вав. (*выл* 'местность; поверхность', Пельга – удм. воршудно-родовое имя); дд. Тылошур Кез., Як.-Б. (*шур* 'река, речка'); д. Чумойтло Можг. (*чумой* – название речки, *тло* < *тыло*). Апеллятив *тыло* используется в качестве удмуртских названий следующих селений: д. Батырево Грах., д. Большая Воложикья Можг., с. Старые Зятцы Як.-Б., д. Сырбезшур М.-Пург., д. Чемошур-Куюк Алн., а также в составных наименованиях: *тыло/йыл* – с. Малая Воложикья Можг. (*йыл* 'вершина, исток, верховье'); *тыло/починка* – д. Лудошур Як.-Б. (*починка* 'починок'); *тыло/шур* – д. Толошур Селт. (*шур* 'река, речка, ручей'); *шэгийн/тыло* – д. Петульки Шарк. (*шэгийн* – возможно, личное имя основателя селения) и т.д. Как видно из примеров, официальные наименования этих селений не совпадают с народными (удмуртскими) названиями.

Широко представлен он и в микротопонимии, например: *варавай/т^мло пдл.* (д. Варавай Красн.) (*варавай* – д. Варавай Красн.) (Кириллова 2002: 98); *с'арччы/тылолиц.* (д. Яголуд Вав.) (*с'арччы* 'репа') (Кириллова 1992: 243); *така/тыло пдл.* (д. Якшур Зав.) (*така* 'баран') (Зверева 1980: 144–145); *тыло/н'ук л.* (д. Малые Сюрзи Ув.) (*н'ук* 'лог') (Кириллова 1992: 246); *эмэс/тыло я. м.* (Старая Салья Кияс.) (*эмэс* '<эмэз' 'малина', *тыло* 'подлесок') (ПМА, 1999 г.); *эмэс/тыло/бам взв.* (д. Нижний Сырьез Алн.) (*эмэс* '<эмэз' 'малина', *бам* 'возвышенность, холм') (ПМА, 2005 г.) и т.д.

Кроме названных апеллятивов, представлены и русские заимствования, такие, как: *пал'ба* (<рус. *палить* 'палить, сжигать'); *пал'ука* (<рус. *палить/палить* 'палить, сжигать'); *пал'н'ук*. Выявлены они в таких наименованиях: *пал'ба* лс. (дд. Легомувыр Деб.), л., лг. (д. Уйвай Деб.)

(Самарова 2010: 69); *пал'ука* л., лг. (д. Селигурт Игр.) (Самарова 2010: 69), *палн'ик* лс. (д. Малый Дасос Юкам.) (Тепляшина 1975: 217), *палн'ик* п. (д. Кокси Юкам.), а также д. Пальники Зав., поч. Пальники Шарк.

Интересным, на наш взгляд, является географический термин *пр'атка*~*пр'атки*, записанный нами пока в трех селениях: *пр'атка* лг. (с. Зон Сюмс.) (Кириллова 2002: 294); *пр'атки* л., лг. (д. Зятцы Сюмс.) (Кириллова 2002: 295), *пр'атки* л., лг. (д. Кумёны Селт.) (Кириллова 2002: 295). Местные старожилы не смогли дать точное определение данному слову, ограничились только лишь следующим объяснением: «это луг такой». Слово *прятка* выявлено и фольклористом С.В. Стародубцевой в русских народных песнях Удмуртии, в частности в с. Карсовой Бalezинского района («А мы прятку прятали, прятали...») и расшифровано, ссылаясь на «Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора» Н.М. Васнецова (1908: 265) как 'неочищенный участок вырубленного леса под пахоту'. Н.М. Васнецовым даны следующие формы: *прятать* 'выжигать лесные остатки (пни, сучья) на росчистях из-под леса под новины'; *прятка* 'полоса из-под вырубленного леса, назначенная для нови, для посева', а выражение *прятать прятки* означает 'выжигать лесные остатки на росчистях'. Таким образом, названия рассматриваемых нами географических объектов под названием *пр'атка* ~*пр'атки* является заимствованием из русского языка и имеет такую же семантику.

Зачастую два способа освоения земли сочетались, т.е. вырубленные на месте посева деревья и кустарники выжигались, что служило своего рода удобрением.

В ряд рассматриваемых нами апеллативов нужно еще включить такие географические термины, как: *куш* ~ *куч* 'лесная поляна'; *кучос* 'лужайка, полянка, покос среди леса'; *кыр* 'поляна', 'безлесное, обычно ровное пространство с травянистой растительностью', зафиксированные в микропонимах: *ачка/кучос* п. (д. Пунем Ув.) (ачка— антропоним) (Кириллова 1992: 202); *пэган/кушл* г. (д. Нов. Вамья Ув.) (*пэган*<*пэганы* 'прятаться, скрываться') (Кириллова 1992: 240); *эпка/кыр* п. (д. Ст. Бия Вав.) (*эпка*— антропоним) (Кириллова 1992: 255).

Дополняют число рассматриваемых нами апеллативов слова, обозначающие вновь освоенные земельные участки: *вил'вы'* (*вил'* 'новый', *вы'* 'поверхность, верх чего-либо') 'новь, целина', например: *вил'выл/бусы* п. (д. Малый Зяглюд Вав.) (*вил'выл* 'новь, целина', *бусы* 'поле') (Кириллова 1992: 209); *вил'выў/воз'* лг. (д. Большие Сибы Можг.) (*вилвыў* 'новь, целина', *воз'* 'луг, покос') (Кириллова 1992: 209) и т.д. В коми языке ему соответствует термин *вилин*, *вильман*, *вильса* со значением 'целина, росчисть, новь, новина' (Аксенова 2008: 32).

Вышеназванные слова не только являются достоянием словарного запаса удмуртского языка и показывают его богатство, но и несут информацию о местах древних вырубок и выжигания деревьев с целью последующего использования их в качестве пашни или покоса, т.е. отражают характер занятий удмуртов земледелием.

Сокращения:

административно-территориальные районы Удмуртии: Алн. – Алнашский; Балез. – Балезинский; Вав. – Вавожский; Грах. – Граховский; Деб. – Дебесский; Зав. – Завьяловский; Игр. – Игринский; Кез. – Кезский; Кизн. – Кизнерский; Кияс. – Киясовский; Красн. – Красногорский; Можг. – Можгинский; М.-Пург. – Малопургинский; Селт. – Селтинский; Сюмс. – Сюмсинский; Ув. – Увинский; Шарк. – Шарканский; Юкам. – Юкаменский; Як.-Б. – Якшур-Бодьинский.

языки: к. – коми (-зырянский); кп. – коми-пермяцкий; оп. – общепермский; рус. – русский; удм. – удмуртский.

географические объекты: д. – деревня; л. – лог; лг. – луг; лс. – лес; п. – поле; пдл. – подлесок; пол. – поляна; поч. – починок; р. – река; рчк. – речка; с. – село; я. м. – ягодное место.

другие сокращения: букв. – буквально; взв. – возвышенность; глаг. – глагол; диал. – диалектный; лщ. – лощина; нар. – народный; ПМА – полевые материалы автора; ср. – сравни; субст. – субстантивированный; сущ. – существительное.

Литература и источники

Алатырев В.И. Образование, значение и история имен с формой – эс. Ижевск, 1962.

Аксенова О.П. Коми-пермяцкие географические термины и их функционирование в топонимии Верхнего Прикамья. Ижевск, 2008.

Гришкина М.В. О состоянии земледелия в Удмуртии во II половине XVIII века // Вопросы истории Удмуртии. Ижевск, 1974. Вып. 2: Крестьянство Удмуртии. С. 197–229.

Зверева Л.Е. Микропонимия деревни Якшур // Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии. Ижевск, 1980. С. 133–150.

ИКЛ – Шутова Н.И., Капитонов В.И., Кириллова Л.Е., Останина Т.И. Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона. Ижевск, 2009. С. 43–54.

Кириллова Л.Е. Микропонимия бассейна Валы // В типологическом освещении. Ижевск, 1992.

Кириллова Л.Е. Микропонимия бассейна Кильмези. Ижевск, 2002.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / Сост. Р.М. Баталова, А.С. Кривошекова-Гантман. М., 1985.

КРС – Безносикова Л.М., Айбабина Е.А., Коснырева Р.И. Коми-русский словарь / Отв. ред. Л.М. Безносикова. Сыктывкар, 2000.

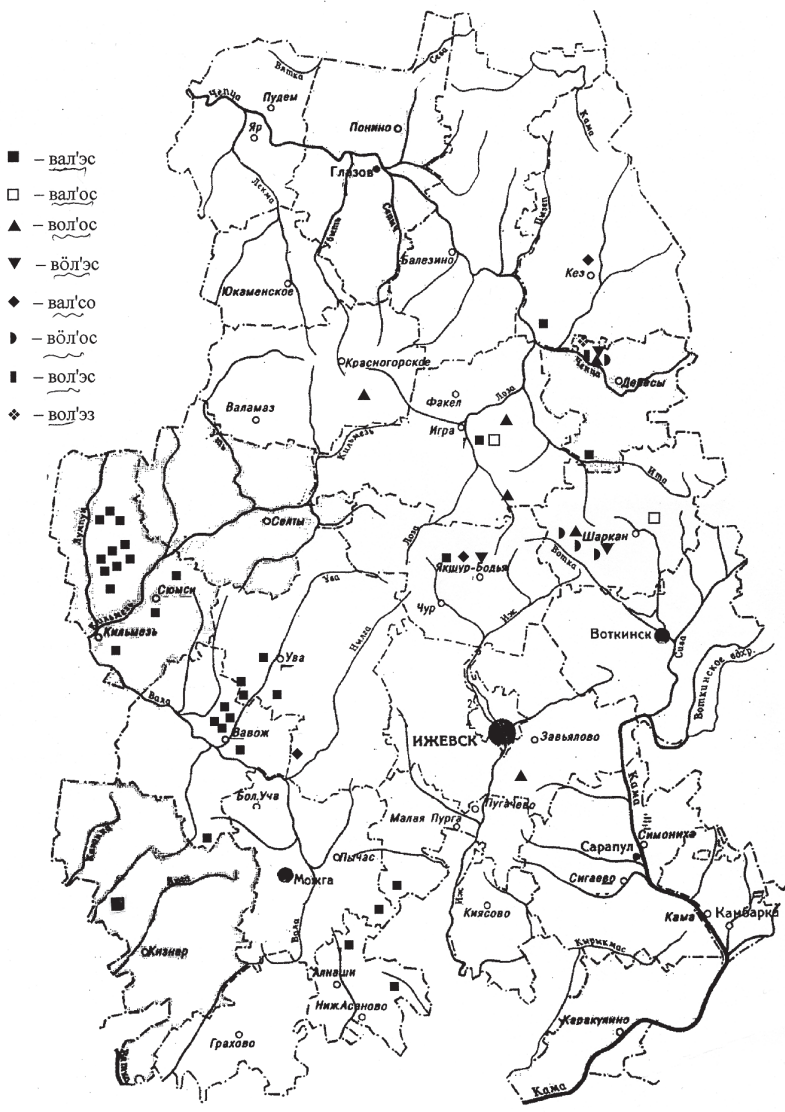
КЭСК – КЭСК – Лыткин В.И., Гуляев Е.И. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

Материалы I республиканского топонимического конкурса. Рукописный фонд научно-отраслевого архива Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН. Ижевск, 1998.

Самарова М.А. Наименования топообъектов Верхней Чепцы. Ижевск, 2010.

СДКЯ – Безносикова Л.М., Айбабина Е.А., Забоева Н.К., Коснырева Р.И. Словарь диалектов коми языка: в 2-х томах / Под ред. Л.М. Безносиковой. Сыктывкар, 2012. Т. 1: А–О.

Тепляшина Т.И. Топонимия, распространенная в районе расселения бесермян // Вопросы удмуртского языкознания. Ижевск, 1975. Вып. 3. С. 203–227.

Карта. Употребление аpellятива *вал'эс* и его вариантов в микропонимах Удмуртии.

НАИМЕНОВАНИЯ ОДЕЖДЫ В ЯЗЫКЕ КОМИ-ПЕРМЯКОВ. АРЕАЛЬНЫЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ*

А.С. Лобанова (Пермь)

В коми-пермяцком языкознании актуальной задачей остается изучение лексико-тематических групп слов, так как к настоящему времени можно назвать лишь несколько работ, посвященных данной проблематике (Меркушева 2003; Лобанова 2008б). Диалектная лексика еще в меньшей степени представлена в научных изысканиях, а имеющиеся диссертационные работы практически недоступны для широкого пользования.

К одной из таких тематических групп, слабо изученной и ограниченно представленной в современных лексикографических источниках, относится терминология одежды и традиционного народного костюма коми-пермяков. В современных условиях, при возрастающем влиянии русского языка на язык коми-пермяков, фиксация и анализ такой лексики становится одной из первоочередных задач.

Эта лексика, несомненно, представляет интерес для исследователей традиционной культуры, историков языка, диалектологов, этимологов. Лексика традиционного костюма дает обширный материал для ареальных исследований диалектной речи, этимологических изысканий, изучения межэтнических контактов народов Урала.

В основе настоящей работы полевые материалы, полученные в ходе диалектологических исследований на территории проживания коми-пермяков.

Особенностью бытования лексики традиционного костюма коми-пермяков является значительный пласт русской, заимствованной лексики. Столь обширные заимствования обусловлены несколькими факторами, прежде всего, активными межэтническими контактами двух народов – русских и коми-пермяков в Прикамье на протяжении более чем 5 столетий, начиная с XV века. Существенные трансформации под влиянием русских традиций, видимо, испытал и традиционный костюм. Сравнение костюмного комплекса коми-пермяков XIX – начала XX века показывает его существенную близость севернорусскому костюмному комплексу, нежели одежде средневекового финно-угорского населения региона (Крыласова 2007: 201). Исторически, видимо, происходило не только заимствование лексики, но и проникали новые предметы одежды вместе с русскими терминами.

Общие наименования одежды и обуви.

Наименования одежды и обуви, содержащие собирательное значение или являющиеся общими наименованиями, в языке коми-пермяков

---

* Работа выполнена в рамках реализации гранта РГНФ № 13-1459008 «Русские говоры Коми-Пермяцкого округа: особенности функционирования и развития».

довольно многочисленны. Большая часть этих лексем является общеупотребительной. Они составляют общенациональный словарный фонд и зафиксированы в лексикографических источниках по исследуемому языку: *паськѡм* в зн. «одежда и обувь», *кѡмкѡт* «обувь», *кышѡт* «одежка», *вывкышѡт* «одежда», *коккышѡт* «обутки», *юркышѡт* «любой головной убор», *выввежѡт* «сменная одежда, чистое бельѣ, праздничная одежда». Часть из них переходит в разряд пассивных слов и пополняет запас архаизмов: *йѡрнѡс-вешьян* «комплект мужской одежды», *йѡрнѡс-дубас* «комплект женской одежды». К числу этих лексем следует отнести слово *непаок* «неудобная одежда или обувь» (Лобанова 2008: 117). Есть лексические варианты, зафиксированные в отдельных говорах или диалектах: кос.-кам. *чак-чури* (ирон.) «обувь», коч. *банпалак* «неудобная, не по размеру подобранная одежда, реже обувь». Общеизвестными, но стилистически окрашенными словами сегодня являются *котѣз*, *чушниѣз*, *отопкиѣз* в значении «изношенная обувь». *Котѣ* «коты» и *чушни* «мягкая самодельная обувь», употребляясь в прямом смысле своего слова, относятся к числу историзмов.

Довольно интересны наименования с компонентом *кышѡт*: в первую очередь само слово *кышѡт* в значении «одежка, не новая одежда», а также сложные слова *вывкышѡт* (досл. выв «внешность, внешний вид», *кышѡт* «одежка»), «одежда», *коккышѡт* (где *кок* «нога») «обутки» и *юркышѡт* (где *юр* «голова») «любой головной убор». В сложных наименованиях прослеживается довольно четкий принцип образования лексем: одежда для конкретной части тела. В них компоненты *выв*, *кок* и *юр* являются словами-определениями, конкретизирующими предназначение одежды.

Сменную одежду, чистое бельѣ или праздничную одежду коми-пермяки называют словом *выввежѡт* (где *вежѡт* < глагола *вежны* «сменить, поменять, изменить»). Принцип образования слова идентичен словам, рассмотренным выше.

Гендерные признаки проявляются в наименованиях *йѡрнѡс-вешьян* «комплект мужской одежды» и *йѡрнѡс-дубас* «комплект женской одежды».

Парное слово *чак-чури*, зафиксированное нами в косинско-камском диалекте (Лобанова 2008: 168), выступая в значении «обувь», содержит стилистическую окраску ироничности. *Чак-чурисѡ нымда магазинас вайѡмась* «Сколько разной обуви в магазин привезли». *Чак-чурисѡ корѡны каша* досл. «Мои обутки просят каши» (Лобанова 2008: 168).

Нательная одежда

Абсолютной синонимичной парой, возникшей на исконном материале, является функционирование лексем *йѡрнѡс* и *дѡрѡм* в значении «рубашка, рубашка». Причем термины используются как для названия женской, так и мужской одежды. Вариант *йѡрнѡс* характерен для речи южных

коми-пермяков и язвинских пермяков (*йёрнёс*). На этой почве возникло выражение *йёрнёс вылын* (досл. «на рубашке») в значении «месячные». Лексема *дёрём* характерна для северных диалектов коми-пермяцкого языка и бытует там наряду с лексическим вариантом *йёрнёс*. Верхнекамские коми-пермяки используют для названия рубахи лексему *дёрём*. Производное слово *дёрём* возникло из дёра «холст, ткань».

Полными синонимами являются слова *вешьян* и *гач* в значении «штаны, брюки». Лексема *гач*, русская по своему происхождению, имеет довольно небольшой ареал распространения – окраинные северные диалекты коми-пермяцкого языка и верхнекамское наречие. Общеупотребительной лексемой является *вешьян* «штаны». Сегодня этим словом могут назвать и гетры, и трико, и детские колготки и др.

В тематической группе сарафаны и юбки используются только русские названия данных предметов одежды – *дубас*, *сушин*, *сарпан*, *юпка*. Любой передник или фартук коми-пермяки называют русским словом *запон*.

Верхняя одежда коми-пермяков за исключением лексемы *нась* «шуба» представлена русскими наименованиями: *поньток*, *шабур*, *зипун*, *гуня*, *купайка* (< фуфайка), которые перешли в разряд историзмов (кроме лексемы *купайка*). В коми-язвинском наречии встретилось выражение *верховой паськем* досл. «верхняя одежда».

Головные уборы

Среди наименований женских головных уборов, функционирующих в современном коми-пермяцком языке или имевших место в исследуемом языке в прошлом, всего три исконных лексемы: *чышьян* «платок», *юркёртёт* (досл. «повязка для головы») «головной платок (у замужней женщины)» и *юркышёт* (досл. «накидка для головы») в зн. «любой головной убор». Все остальные – *шаль*, *косинка*, *поттишалок*, *моршень*, *шамшура*, *кокошник* – русские по своему происхождению.

В сложных лексемах *юркёртёт* и *юркышёт* общий компонент *юр* «голова» выступает в качестве определения-уточнения, а составляющие *кёртёт* «повязка, завязка» и *кышёт* (от кышавны «надевать, обувать, накинуть, вешать») «одежка» являются отлагольными существительными.

Русские наименования женских головных уборов также представляют интерес в плане функциональных и семантических особенностей. Так лексемой *поттишалок* (< рус. подшалок) «полушалок» коми-пермячки называют большой цветастый платок, чаще с кистями или небольшую шаль. При освоении русской лексемы *подшалок* произошел сдвиг семантической составляющей слова.

Функционирующие сегодня в исследуемом языке наименования мужских головных уборов по своему происхождению все русские (кро-

ме собирательного наименования *юркышӧт*, см. выше): *шапка*, *фуражка* (фон. *курашка* или *пурашка*), *шляпа*, *кепка* и др. В известной работе Н.Рогова «Материалы для описания быта пермяков» (1860) при описании мужской одежды отмечено, что «*Колпак* – весьма характерная часть одежды Пермяка; по нему одному Пермяк удобно может быть отличен в тысяче русских мужиков. Кажется, колпак есть остаток старинной одежды Пермяков» (Рогов 2008: 99). В этой же работе приводится описание малахая с переводом «*пеляшапка*». В современном коми-пермяцком языке вариант *пеляшапка* нам не приводилось встречать, а вот русский вариант малахай в художественных текстах, написанных в 70-80-е гг., иногда упоминается. Допускаем, что в XIX-ом столетии в языке пермяков функционировала лексема *пеляшапка* досл. «шапка с ушами», впоследствии вытесненная русским вариантом. Данный способ словообразования характерен исследуемому языку: первый компонент *пеля* «с ушами, ушастая» в очередной раз выполняет функции определения-уточнения: он уточняет, какая характерная особенность присуща данному предмету. Здесь интерес состоит в другом – получается, что и в XIX-ом веке в коми-пермяцком языке не было своего слова, отвечающего за семантику «шапка», оно уже тогда было заимствовано из русского языка, что, казалось бы, противоречит смыслу.

Пояса

Самым многозначным словом в данной подгруппе является лексема *вонь* (к-язьв. *вунь*, к-з. *вӧнь*). Им называют и подвязку, и шерстяной шнур у лаптей, и опояску, и шерстяной шнурок и даже пояс. *Вонь* встречается в составе сложной лексики *червонь* «подвязка для чулок». В отдельных диалектах коми-зырянского языка компонент *чер* известен в значении «голень» (ССКЗД 1961: 408), при дословном переводе получается «подвязка для голени».

На территории мысовского и верх-лупьинского диалектов нами зафиксированы номинации *котвонь* и *коквонь*, обозначающие пояски-завязки на лаптях и котах. На других территориях эти варианты не обнаружены. Та и другая лексема, согласно законам образования сложных слов в коми-пермяцком языке, могут вполне образоваться: *котвонь* в зн. «опояска для кот (коты)»; *коквонь* в зн. «опояска для ноги».

В верх-лупьинском, мысовском диалектах и верхнекамском наречии термин *вонь* может обозначать и женский пояс. Синонимом к слову *вонь* в этом случае выступает русская лексема *пӧкрѳм* (фон. *покрѳм*, *покрѳмка*). В большей же части территории распространения коми-пермяцкого языка за термином *вонь* закрепилось лишь обозначение плетеных шерстяных поясков-завязок для лаптей.

Следующей лексемой, на которую следует обратить внимание, является *гез* «веревка». Этой лексемой коми-пермяки называют толстую веревку, используемую для перевязывания каких-либо предметов в хозяйственных нуждах – дров, сена и др. Функционирование анализируемого слова в интересующей нас лексико-тематической группе несколько необычно. Тем не менее, в Афанасьевском районе Кировской области, в районе распространения верхнекамского наречия коми-пермяцкого языка, для передачи семантики повязка вместе с привычным, общеупотребительным вариантом *вонь* (фон. вариант *вõнь*) употребляется лексема *дез* (мн. *дезъяс*). *Дезъяс* – повязки. *Нимкõмдез. Изо льна. Они белые, лён эдь белый.* Без сомнения фонетический вариант *дез* является вторичным образованием, возникшим от *гез*. Сложное слово *нимкõмдез* в зн. «веревка для лаптей» в данной ситуации вполне ожидаемо: первый компонент *нимкõм* < *нинкõм* «лапоть» в очередной раз выполняет функции определения-уточнения: для какого предмета данная веревка предназначена.

Диалектной лексемой является *тасма* «ремень», встречающаяся в самых окраинных северных диалектах коми-пермяцкого языка. Согласно Краткого этимологического словаря коми языка «Слово «тасма» восходит к общепермскому корню *tasma*, который представляет собой иранское заимствование, ср. таджикское *тасма* «ремень» (КЭСКЯ 1970: 278), во всех остальных диалектах в этом значении употребляется русское слово *ремень*.

К числу русских заимствований в данном тематической группе относятся общеупотребительный сегодня термин *кушак*, обозначающий широкий мужской пояс, *пõкрõм, покрõм*, бытующий повсеместно как название женского пояса, а также *тельник* и *опояска* для обозначения мужских поясов.

Рукавицы

По сравнению с другими лексико-тематическими подгруппами, наименования, связанные с понятием «варежки, рукавицы», одна из немногочисленных. Наиболее известны понятия *испотка* (в диалектах встречается фонетический вариант *испотки*) и *кепись* (диалектный вариант *тепись*). Лексемой *испотка* принято называть связанные вручную или фабричного производства варежку. В качестве материала могут послужить как купленные в магазине нитки, так и нити из домашней шерсти. Слово *кепись* следует понимать как «рукавица, сшитая из какой-либо ткани». До заимствования из русского языка варианта *испотка*, возможно, в коми-пермяцком языке понятия «варежка» и «рукавица» реализовывались одной лексемой *кепись*. После того как *испотка* укрепилась в лексиконе коми-пермяков, произошла семантическая конкретизация и закрепление за каждым понятием определенного слова: за иноязычным словом закрепилось понятие «связанная варежка», а за исконным – «сшитая рукавица». Эпизодически встречается еще одно

выражение *чуня испотка* (досл. «варежка с пальцами») в значении «перчатка». Надо признать, что лексема *перчатка* как лексическая единица сегодня более употребительна, чем полный синоним *чуня испотка*.

В кочевском диалекте коми-пермяцкого языка зафиксирована лексема *паньчошка*. Этим словом носители диалекта называют связанную из овечьей шерсти варежку, не покрытую тканью. *Паньчошкаэзнас ме тӧлькӧ* (лит. *только*) *Кӧчӧ ветла* «В непокрытых тканью варежках я хожу только в Кочеве» (Лобанова 2008: 131). Без сомнения, лексема *паньчошка* русская по своему происхождению, она представлена в русских говорах Пермского Прикамья в этом же значении.

Обувь

Наименования обуви в коми-пермяцком языке представлены довольно разнообразными лексемами, но практически все они являются иноязычными по своему происхождению. К ним относятся: *бродни*, *тюньки*, *чарки*, *бакилы* (рус. *бахилы*), *отопки* (фон. вариант *ӧтӧпки*), *чушни*, *чупошки*, *сапог* (фон. вариант *сапӧг*), *галоша* и др. Исконной лексемой является *нинкӧм* (где *нин* «лыко», *кӧм* «обувь») «лапоть». Хоть лапти давно перестали быть актуальными в повседневной жизни, слово, передающее это значение, остается до сих пор в активном словарном запасе коми-пермяков. По мнению ученых, лексемы *пими* «пимы» и *коти* также следует считать общепермскими по происхождению, попавшими впоследствии в русские говоры из коми языков (Фасмер 1996: 262-263; КЭСНЯ 1970: 143).

Интересная картина наблюдается с валенками и лексемами, эту семантику передающими. На большей части распространения коми-пермяцкого языка в значении «валенок» употребляется слово *пими*: *небны пимиэз* «купить валенки». В коми-пермяцко-русском словаре слову *пими* приводится и другое толкование: войлочная обувь в виде глубоких галош (Баталова, Кривошекова-Гантман 1985: 341). В верх-лупьинском диалекте словом *пими* также называют полуваленки (в том числе с завязками) (Голева 2011: 183). В названном диалекте (в верх-лупьинском) в значении «валенок» функционирует другое, вполне ожидаемое диалектное выражение *гын сапӧг* (Голева 2011: 186). При дословном переводе означает «войлочный сапог». Добавим, что такие наименования как *чупошки*, *отопки* в речи коми-пермяков часто появляются в качестве ругательных слов, они входят в состав устойчивых сравнений с отрицательной коннотацией, напр.: *чупошки ъм* (досл. «рот как чупошка») о большеротом человеке.

Чулки, носки, онучи

Данная подгруппа значительных отличий от других, рассмотренных выше тематических подгрупп, не имеет. В ней также выделяются лексемы, относящиеся уже к пассивной лексике коми-пермяцкого языка (*чӧрӧс*

(фон. *черӧс*), *пагӧль* «паголенок; сшитый из сукна чулок (чаще без следа и высотой чуть ниже колена)), в их числе встречаются как исконные варианты (*нямӧт* «портянка»), так и заимствованные из русского языка слова (*скуты*, *чулки*, *носки*).

Чӧрӧс (фон. *черӧс*) «паголенок» сегодня помнят представители старшего поколения: *Чӧрӧс сия съледтӧм* (лит. *следтӧм*), *кокат нямӧт каттян, а пидзӧсӧдззат – чӧрӧс* «Паголенок-то он без следа, на ногу онучи намотаешь, а до колен – паголенок» (Лобанова 2008: 176). В основе данного слова находится устаревшее слово *чер* «голень», – *ӧс* является застывшим словообразовательным суффиксом, довольно часто встречающимся в составе исконных лексем: *кым-ӧс* «лоб», *пурт-ӧс* «ножны, стручок».

В активном лексиконе пермяков остается слово *нямӧт* (ср. к-язв. *нямӧт*, к-з. *нямӧд*) «портянки, онучи». По мнению авторов Краткого этимологического словаря коми языка, оно является иранским заимствованием (КЭСКЯ 1970: 201). В речи кировских пермяков (Кировская область, Афанасьевский район) данная семантика реализуется лексемой *ӧнучи* (< рус. *онучи*).

Таким образом, наиболее *типичными структурными моделями* названий одежды в коми-пермяцком языке являются словосложение и суффиксация. В сложных словах первый компонент выступает в качестве определения-уточнения. Он указывает либо на материал, из которого выполнено изделие (*нинкӧм* (где *нин* «лыко») «лапоть»), либо называет часть тела, на котором будет носиться изделие (*кепись* (где *ки* «рука») «варежка»). Вторая часть сложных лексем, как правило, является общим наименованием одежды (*червонь* (досл. «подвязка для голени», где *вонь* «подвязка») «подвязка для чулок»). Производные лексем чаще всего содержат застывший или малопродуктивный словообразовательный суффикс (*чӧр-ӧс* «чулок», *дӧр-ӧм* «рубашка»). Исконные производные лексем, пожалуй, сохранились только в составе сложных слов (*нась-кӧм* «одежда», *ке-пись* «варежка») и в названиях некоторых деталей одежды, например, *зеп* «карман», *сос* «рукав», *кизь* «пуговица».

Относительно функциональных особенностей лексем, подвергшихся анализу в данной работе, следует сказать, что значительная часть наименований, отражающих традиционную одежду коми-пермяков, постепенно пополняет пассивный словарный запас. Лексем в силу известных причин становятся историзмами и архаизмами.

Наименований, обозначающих новые предметы одежды, в языке не появляется.

Приведенный в статье лексический материал демонстрирует влияние русской культуры на данный компонент. Иноязычные лексем, под-

чиняясь фонетическим особенностям и закономерностям исследуемого языка, часто меняют свою фонетическую оболочку. Практически все эти звукоизменения ожидаемы и поддаются анализу. Русские по происхождению слова образуют синонимичные пары ко многим исконным наименованиям (*гач* и *вешьян* «штаны», *черӧс* и *пагӧль* «паголенок»). Ряд иноязычных слов воспринимаются носителями коми-пермяцкого языка с измененной семантикой.

Диалектные варианты в данной лексико-тематической группе неоднородны. Имеют место фонетические диалектизмы: *кепись* и *тепись* «варежка», *чӧрӧс* и *черӧс* «паголенок». Диалектизмы, отражающие морфологические особенности, крайне редки. В качестве примера можно назвать употребление вариантов *скуты* и *скутыӓз*. Форма *скуты* уже содержит семантику множественного числа, образуя грамматическую форму *скутыӓз* (где – *ӓз* суффикс множественного числа имени существительного), в диалектах начинает наблюдаться редупликация. В данном случае происходит удвоение формы множественного числа. Исконных диалектных лексем в большом количестве также не удалось выявить. Такими лексемами сегодня выступают чаще русские по происхождению слова. На диалектном уровне наблюдается различная семантическая составляющая одной и той же лексемы. Так слово *тли* в разных территориях имеет различные смысловые оттенки. Это и обычные валенки, и валенки с коротким голенищем, короткие войлочные галоши с опушками.

Литература и источники

Баталова Р.М., Кривоцекова-Гантман А.С. Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985.

Голева Т.Г., Подюков И.А., Пономарева Л.Г., Черных А.В. Лупинцы: история, культура, язык. Этнолингвистический сборник. Труды Института языка и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. 8. Пермь, 2011.

Крыласова Н.Б. История Прикамского костюма: костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь, 2001.

Крыласова Н.Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. Пермь, 2007.

Лобанова 2008а – Лобанова А.С. Коми-пермяцкий этнолингвистический сборник. Материалы и исследования. Пермь, 2008.

Лобанова 2008б – Лобанова А.С. Промысловая лексика в эвфемизмах и табу-словах (на материале коми-пермяцкого языка) // Пермистика XII: диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими диалектами. Ижевск, 2008. С. 179-183.

Лобанова А.С., Кичигина К.С. Русско-коми-язвинский словарь. Пермь, 2012.

Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

Меркушева Т.Н. Лексика флоры и фауны южного наречия коми-пермяцкого языка: Дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2003.

Рогов Н. А. Материалы для описания быта пермяков. Переиздание. Кудымкар, 2008.

ССКЗД – Жилина Т.И., Сахарова М. А., Сорвачева В. А. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Под ред. В. А. Сорвачевой. Сыктывкар, 1961.

**О ВАРИАТИВНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ ПРЕВОСХОДНОЙ
СТЕПЕНИ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО
В СЕПОЛЬСКОМ ГОВОРЕ
КОЧЕВСКОГО ДИАЛЕКТА КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА***

А.С. Лобанова, Н.А. Чугайнова. (Пермь)

К настоящему времени диалекты коми-пермяцкого языка описаны довольно подробно. По всем диалектам северного наречия имеются диссертационные исследования (Лобанова 1993; Дмитриева 1998; Федосеева 2002; Пономарева 2002). По диалектам южного наречия также имеются серьезные научные работы, выполненные А.С. Кривошековой-Гантман (1951) и Р.М. Баталовой (1961, 1975, 1990, 1995). Тем не менее, выявляются новые ареальные особенности на разных языковых уровнях, не нашедшие отражения в предыдущих научных изысканиях.

Предметом нашего внимания стали морфологические и отчасти фонетические диалектные особенности сепольского говора кочевского диалекта коми-пермяцкого языка. Отметим, что в кандидатской диссертации «Кочевский диалект коми-пермяцкого языка» (автор А.С. Лобанова) сепольский ареал включен в состав большекочинского говора (Лобанова 1993: 16). Собранный нами диалектный материал содержит большое разнообразие специфических явлений, характерных лишь сепольскому ареалу, следовательно, есть повод говорить о выделении если не в самостоятельный сепольский говор, то хотя бы подговор большекочинского говора.

По нашим наблюдениям, в сепольский говор можно включить представителей следующих населенных пунктов: д. Сеполь, д. Слепоево, д. Сюльково, д. Кукушка, д. Васькино, д. Сальниково, д. Уржа. Причиной возможного выделения сепольского говора в отдельный послужили как фонетические, так и некоторые морфологические особенности, функционирующие на данной территории. Рассмотрим некоторые явления, отражающие специфические особенности говора.

В исследуемом говоре наблюдается активный переход заднеязычных согласных (Г) и (К) в (Д') и (Т') при последующем гласном переднего ряда верхнего подъема (И) не только в положении начала слова, но и в положении середины слова. Данный звукопереход наблюдается как в составе исконных лексем, так и в иноязычных словах. Приведем некоторые примеры, отражающие данную фонетическую особенность: *тин* вм. *кин* «кто», *терны* вм. *керны* «делать», *тенак* вм. *кенак* «сноха», *терку* вм. *керку* «дом» и т.д. В составе заимствованных лексем она также встречается,

---

* Работа выполнена в рамках реализации гранта РГНФ № 13-1459008 «Русские говоры Коми-Пермяцкого округа: особенности функционирования и развития».

например: *тино* в м. *кино*, *тилька* в м. *килька*, *тит* в м. *кит*, *типятӧк* в м. *кипяток*, *тишкаэз* в м. *кишкаэз* «кишки», *модильник* (*могильник*) «кладбище». Данное фонетическое явление в сепольском ареале встречается значительно чаще, чем в других говорах диалекта. Так сепольскому фонетическому варианту *тинкӧ* в пельмском говоре соответствует *кинкӧ* «кто-то», сепольскому *терны* – в юкеевском *керны* «делать, сделать», соответственно, сепольское *тенак* – юкеевское *кенак* «невестка, жена брата» и т.д.

В исследуемом говоре чаще, чем в иных говорах кочёвского диалекта подвергаются выпадению переднеязычные зубнодorzальные звуки (Д), (Н), (Л). Например: *тӧан* (юкс. *тӧдан*) «знаешь», *меам* (б-к. *менам*) «моё», *коас* (юкс. *колас*) «понадобится», *меым* (коч. *меным*) «мне».

Значительные особенности наблюдаются при образовании превосходной степени имен прилагательных, что стало предметом нашего более детального анализа.

Напомним, что для диалектов северного наречия коми-пермяцкого языка в отличие от диалектов южного наречия при образовании формы превосходной степени в большей мере характерен аналитический способ, чем синтетический, который встречается в южном наречии. В качестве вспомогательных элементов в северных говорах выступают различные частицы. Наиболее употребительными являются: **сек**, **самӧй**, **ставсис**, **медя** (Баталова 1975; Лобанова 1993; Дмитриева 1998; Пономарева 2002): *Сек басӧкыс вӧлі меам* (лит. *менам*) *сойӧ* «Самой красивой была моя сестра»; *Ся олӧ самӧй учитик* (лит. *учӧтик*) *керкуас* «Он живет в самом маленьком доме»; *Ся вӧлі ставсис мича* «Она была красивее всех» и т.д.

Картина функционирования форм превосходной степени имен прилагательных в северных диалектах коми-пермяцкого языка говорит о двояком способе ее образования. С одной стороны, широкая картина употребления северорусских форм, с другой, – участие исконных компонентов в образовании превосходной степени имени прилагательного. В устной речи северных коми-пермяков практически не встречается литературный вариант анализируемой грамматической формы с приставкой **мед-**.

Отметим, что в письменных источниках XIX века, в которых представлен материал в большей степени южных территорий, данная грамматическая форма образована при помощи приставки **мед-**: *медбур* «самый хороший» (Любимов 1838; Рогов 1860).

Также напомним, что Б.А. Серебренников в монографии «Историческая морфология пермских языков» (1963) отмечал, что превосходная степень прилагательных в языке коми образуются с помощью приставки **мед-** или частицы **medsa** «самый» (Серебренников 1963 :163).

Отметим, что в удмуртском языке превосходная степень выражается только аналитическим способом – препозитивом *самой* (самой чебер «самый красивый, красивейший»).

Вынуждены признать, что приставка *мед-* для обозначения превосходной степени имен прилагательных в исследуемом говоре используется редко. *Медгырись ягдыс пантасис миянлӧ нюр саяс ни* «Самая крупная ягода нам встретила уже за болотом». Возможно, данный способ не был характерен для носителей сепольского говора (как и для северного наречия вообще), но со временем, под влиянием коми-пермяцкого литературного языка, вышеназванная форма стала использоваться в речи носителей говора. В исследуемом говоре, по нашим наблюдениям, наибольшее распространение получил аналитический или сложный способ. В качестве лексем, с помощью которых образуется аналитическая форма, чаще всего выступают *сек* (рус. *всех*), *самӧй* (рус. *самый*) и *быд* «каждый». *Тэ менам самӧй бур ёрт* «Ты мой самый хороший друг»; *Самӧй басӧк теркуыс* (лит. *керкуыс*) *суалӧ* (лит. *сулалӧ*) *деревня конечас* (лит. *конецас*) «Самый красивый дом стоит в другом конце деревни»; *Эта нуыс сек басӧк* «Это дерево самое красивое»; *Сек ыджыт черыс сьлӧ и сюрӧма* «Самая большая рыба ему и попалась» и т.д. Первые две частицы не вызывают никаких вопросов, поскольку они стали довольно привычными в данном качестве. Наш интерес вызвал компонент *быд*. На первый взгляд в данном контексте он выглядит довольно неубедительно. Заметим, что в коми-пермяцком литературном языке *быд* является обобщительно-определятельным местоимением в значении «всякий, каждый», напр.: *быд морт* «любой человек, всякий человек» и т.д. В сепольском говоре сочетание *быд* + субстантивированное слово (с семантикой размера, объема) имеет несколько семантических аспектов, среди которых проявляется и превосходная степень. Приведем некоторые примеры: *Быд ыжда терку* (лит. *керку*) *воныс султӧтӧма* (лит. *сувтӧтӧма*) «Очень большой дом его брат построил»; *Быд вылына пусӧ и пӧрӧтӧмась* «Самое большое дерево повалили»; *Ведрасы сьлӧн вӧлі быд сьӧкыта* «Его ведро было самое тяжелое»; *Чикисыс быд пасьта* «Коса очень широкая» и т.д. Где *ыжда* «величина» (ср. прил. *ыджыт* «большой»), *вылына* «высота» (ср. прил. *вылын* «высокий»), *сьӧкыта* «тяжесть» (ср. прил. *сьӧкыт* «тяжелый»).

Данная грамматическая форма является довольно необычной для коми-пермяцкого языка, по крайней мере, нам не удалось найти подобных случаев ни в одной из работ по коми-пермяцкой диалектологии. Однако нечто подобное характерно для языка коми. В энциклопедии коми языка отмечено: «Значения степеней сравнения могут быть выражены следующими способами: 1) с помощью местоимения *став*, *быдӧн* «все» в исходном

падеже и основной формы прилагательного (*быдённысь бур* «лучше всех») (Коми язык. Энциклопедия 1998: 469). В связи с этим следует напомнить, что выражения типа *быдённысь буржык* «лучше всех», *быдённысь томжык* «моложе всех» и т.д. являются общеупотребительными формами и в коми-пермяцком языке. В них обобщительно-определяющее местоимение *быд* (*быдён*) в сравнительном падеже с лично-притяжательным суффиксом *-ныс* плюс качественное прилагательное с суффиксом сравнительной степени *-жык* образуют устойчивую грамматическую пару, которая транслирует значение и превосходной степени, и сравнительной степени.

Нужно сказать, что данная форма встречается не только в некоторых говорах северного наречия, но и на территории южного наречия. Смеем предположить, что в данных говорах сохранился более архаичный способ образования превосходной степени имен прилагательных, но он вытесняется аналогичными по значению русскими грамматическими формами.

Функционирующие сегодня в сепольском говоре способы образования превосходной степени имен прилагательных в разных сочетаниях ведут себя не как синонимичные варианты.

Если компоненты *сек* и *самдй* при образовании превосходной степени имени прилагательного являются полными синонимами, то *быд* в этот ряд не вписывается. У компонента *быд* имеется определенный круг субстантивированных лексем, в сочетании с которыми образуется семантика превосходной степени. По нашим наблюдениям к ним относятся прилагательные, обозначающие свойства и качества предметов, отражающих объем, меру и величину. Например, выражение *Сія вöлі сек чож* «Она была самая быстрая» можно заменить вариантом *Сія вöлі самдй чож*. От изменения частицы смысл выражения не изменится. А вот сказать *Сія вöлі быд чож* носители сепольского говора не могут. В этом случае возможно только *Сія вöлі быдённысь чожжык* «Она была быстрее всех». Обобщительно-определяющее местоимение *быд* в сравнительном падеже с лично-притяжательным суффиксом *-ныс*, плюс качественное прилагательное с суффиксом сравнительной степени *-жык*.

Таким образом, разнообразие способов образования форм превосходной степени прилагательных в сепольском говоре кочёвского диалекта (с использованием как исконных компонентов, так и с широким применением заимствованных форм) требует дальнейшего наблюдения и более детального анализа.

Литература и источники

Баталова Р.М. Оньковский диалект коми-пермяцкого языка: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1961.

Баталова Р.М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки). М, 1982.

Баталова Р.М. Коми-пермяцкая диалектология. М, 1975.

Баталова Р.М., Кривощекова-Гантман А.С. Коми-пермяцкой орфографической словарь. Кудымкар, 1992.

Баталова Р.М., Кривощекова-Гантман А.С. Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985.

Дмитриева Р.П. Косинско-камский диалект коми-пермяцкого языка: Дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 1998.

Коми-пермяцкий язык. Учебник для высших учебных заведений. / под ред. и при соавторстве В.И. Лыткина. Кудымкар, 1962.

Коми язык. Энциклопедия / Отв. ред. Г.В. Федюнева. М., 1998.

Кривощекова-Гантман А.С. Словарный состав и словоизменение иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Л., 1951.

Лобанова А.С. Кочевский диалект коми-пермяцкого языка. Дис. ... канд. филол. наук. / А.С. Лобанова. М., 1993.

Пономарева Л.Г. Фонетика и морфология мысовско-лупьинского диалекта коми-пермяцкого языка. Ижевск, 2002.

Рогов Н.А. Опыт грамматики пермяцкого языка. С-Пб., 1860.

Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков. М., 1963.

Краткие грамматические правила, принадлежащие к знанию пермяцкого языка, составленные города Соликамска Свято-Троицкого собора протоиереем Ф. Любимовым 1838 года февраля 8-ого дня. Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. V. / Ред. кол. серии: А.С. Лобанова (отв. ред.), А.М. Белавин и др. Пермь, 2007.

Федосеева Е.Н. Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка: Дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2003.

МОДАЛЬНОСТЬ КОМИ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ

В.М. Лудыкова (Сыктывкар)

Известно, что в синтаксической науке высказывание традиционно рассматривается как речевая реализация предложения. Однако, как справедливо отмечает Г.Я. Солганик, не всегда учитывается факт относительной самостоятельности высказывания. «Диалектическое единство «язык – речь» предполагает относительную самостоятельность каждого из этих членов отношения. Все, что есть в языке, реализуется в речи и только в речи. Но речь имеет и свои собственные законы строения, черты, отличные от языка и не заложенные в языке, что и делает ее относительно самостоятельным феноменом (Солганик 2010: 33). В этом аспекте особенно, важно изучение диалектов, которые реализуются именно в форме устной спонтанной речи, и именно в них часто наблюдаются особые черты речи. Однако эта сторона разработки проблем коми диалектологии до сих пор остается вне поля зрения лингвистов.

Главное отличие речи от предложения «связано с фундаментальной ролью в ней говорящего лица, производителя речи» (Там же: 33). Необходимо иметь в виду, что всегда есть речь конкретного говорящего субъекта. Речь всегда реализуется в конкретном месте, в конкретных условиях, конкретными коммуникантами. Субъект речи и его отношение к собеседнику, к неучастникам речевого акта всегда играет ведущую роль в процессе коммуникации. Как подчеркивает Г.Я. Солганик, «глубинные особенности речи связаны именно с тем, что главным ее фокусом, организующим центром выступает говорящее лицо» (Там же: 34). Основное отличие высказывания от предложения состоит «в принадлежности высказывания говорящему. Главная характеристика предложения – объективная модальность; структурная схема его не включает в себя субъективный фактор, безотносительна к нему» (Там же: 34). Одной из важных характеристик речи является субъективная модальность, сущность которой заключается в выражении мнения, оценки, отношения, точки зрения говорящего или субъекта высказывания, какого-либо другого субъекта на степень вероятности, достоверности содержания высказывания. Исследователи отмечают, что субъективная модальность «характеризует каждое высказывание, выступая его обязательным компонентом и являясь основным средством привнесения человека (его точки зрения) в язык» (Зеленицкий 2004: 154).

Модальность как языковая универсальность имеется в каждом языке и в каждом из них есть свои собственные средства ее выражения, в них проявляется индивидуальность языков, картина мира народа. В коми языке и в его диалектах имеется свой фонд средств выражения объективной и субъективной модальности.

Как известно, основным грамматическим средством реализации модальности действительности служит индикатив. Этот способ выражения реальной модальности является типичным для всех коми диалектов: *Талун ошкӧс аддзылі* (ПД: 40) «Сегодня медведя видел»; *Талун лэтсьылі ва дорӧ* (Там же: 40) «Сегодня спускался к реке»; *Талун ме пыраллі сы ордӧ* (Там же: 40) «Сегодня я заходил к нему»; *Нюкъялыгтыр рӧбитӧ* (ВД: 140) «Работает лениво».

Для выражения субъективной модальности в языках имеются самые разные средства, причем, как пишет Г.Я. Солганик, главным из них является категория лица, прежде всего личные местоимения *я, ты, он*, представляющие собой наименования участников речевого акта является. Эта важнейшая категория обозначения субъективной модальности не отмечалось в грамматиках (Солганик 2010: 35). «Я» составляет ядро, центр средств выражения субъективной модальности (Там же: 36). Такой способ реализации субъективной модальности типичен и для коми диалектной речи: *Ме вӧраллі дядьмыд, мам вокмыд* (ОКЗР: 154) «Я охотился с дядей, с маминым братом»; *Коркӧ ме кузнечасень мӧдӧ гортӧ* (Там же: 152) «Однажды я направился из кузницы домой». Значение первого лица, говорящего субъекта могут выражать и глагольные формы: *Первӧйтӧ ёна бӧрдлі* (Там же: 158) «В первое время много плакала (я)».

В побудительных высказываниях субъективная модальность выражается косвенно, благодаря тесной связи *я – ты*. Такая модальность квалифицируется как побудительная.

Императив не просто передает информацию, а является средством выражения побуждения, выразителем ирреальной модальности. Повелительное наклонение указывает на то, что претворение «нереального действия в реальность сопряжено с волевым призывом со стороны субъекта речи» (Сабанеева 1980: 55).

При помощи императива говорящий субъект выражает просьбу, совет, предложение, требование совершить действие, разрешение или запрет выполнить действие. Императив передает особый вид модальных отношений – «отношение говорящего к адресату; адресат должен выполнить действие, которое отсутствует в действительности, но, по мнению говорящего, подлежит реализации» (Эйхбаум 1996: 141). Глаголы в императиве отличаются тем, что императивное высказывание обращено к одушевленному адресату. В большинстве коми диалектов показатель императива единственного числа – основа глагола, во множественном числе – суффикс *-ӧй*: вв. *Кузьма нылэй, чабанэй, конерей, Ме сае пе же мун, мун же мун* (ОКЗР: 63) «Кузьминична, милая, бедняжка, Выйди же замуж за меня»; прскт. *Телегатӧ тӧлын лӧсьӧд, а додӧтӧ гожӧмын* (Там же: 46)

«Телегу готовь зимой, а сани летом»; прскт. *Ассьыд первой пöла шапкатö лöсьöд да вöлись йöзсö велöд* (там же: 46) «Сначала свою шапку поправь, а потом других учи». В среднесыольском диалекте повелительное наклонение выражается в единственном числе как основой глагола, так и прибавлением к основе *-ы* (последнее – в говорах сел Куратово, Пьелдино, Палауз): *юыш/юышты* «попей», *пукальши / пукальшты* «посиди немного». Во множественном числе к основе глагола прибавляется показатель *ö* или *öй*: *менö дай босьтö* «Меня тоже возьмите»; *шаньлöй, дугдылöй шумитныд* «перестаньте шуметь».

В удорском, вымском диалектах к основе глагола прибавляется гласная *ы*, если она оканчивается на сочетание двух согласных: *Васö пельсаас кисьты* (ВД: 122) «Воду вылей в кадку»; *Юö чайныдö, кöйдас* (Там же: 122) «Пейте чай, остынет»; *Вайлы визьлам, мам али ти лыйин* (Там же: 58) «Давай посмотрим, кого подстрелил, самку или молодого (глухаря)»; *Мамö, кисьты латитö да сүй юмтö* (Там же: 423) «Мама, замеси солод и поставь сулой в печку».

В побудительных высказываниях с отрицанием выражается предупреждение не совершать или прервать уже начатое нежелательное, с точки зрения говорящего действие. На переднем плане высказывания находится субъект речи. В диалектах коми языка значение «отрицательного императива» выражается при помощи отрицательного глагола *эн/ин* и основного глагола в форме императива: нв. *Ин оийиись, ва пыдöсын на чериыд* (ОКЗР: 35) «Не хвались уловом, пока рыба на дне водоема»; прскт. *Йöз вылö эн серав, ас вьлад усьö* (там же: 46) «Над людьми не смейся, (насмешка) на себя обернется»; прскт. *Ставсö öти мераён эн мерайт* (там же: 46) «На одну мерку всех не меряй»; вым. *Ин нет, ниö, гырысь зонъяс локтöмадсь* (ВД: 426) «Не выходи, сынок, пришли взрослые парни». *Йöз бур вылö горитэ ин паськедлы* (ИД: 282) «На чужое добро рот не разевай»; *Ин лысьты вöрзьöдны* (ВД: 122) «Не смей трогать»; *Ланьты, ин зынит* (Там же: 122) «Замолчи, не шуми».

Совет приостановить или прекратить нежелательное, с точки зрения говорящего действие, граничит с запретом и выражается сочетанием слова тырмас «довольно, хватит» и инфинитива.

Императивная форма глагола предполагает, что исполнителем действия будет собеседник, адресат субъекта речи. «Однако возможны и различного рода «смещенные» (или несобственные) побуждения, которые обращены либо к первому, либо к третьему лицу. Если исполнителем является первое лицо (как правило, не единственного числа), то побуждение обычно трансформируется в приглашение к совместному с говорящим действию; напротив, в случае исполнителя, совпадающего с третьим лицом,

прямое побуждение трансформируется в косвенное: на непосредственного адресата говорящего возлагается задача воздействовать на реального исполнителя» (Плунгян 2000: 318-319). В коми языке пригласительная форма глагола, выражающая приглашение, призыв к совместному действию, маркируется суффиксом *-амöй*, *-ам*: *Мунамöй* «Пойдемте», В диалектах коми и коми-пермяцкого языков получили распространение и другие показатели этого значения: *-амöй*, *-имöй*, *-амö*, *-те* и др.: *Ми ордö мунамö* (ВД: 123) «Пойдемте к нам»; *Локтö ми ордын пукасямö* (Там же: 123) «Пойдемте у нас посидим»; *локтö сёвам* «идите, поедим», *локтö мунамö* «пошли давай», *дугдыламöй уджалныс* «перестанем на время работать» (ССД: 52).

В лузско-летском диалекте бытует пригласительная форма глагола на *-те*: *Пуксьöте*, *шыд чöлта* (ЛЛД: 84) «Садитесь, налью суп»; *Ювамöте чайсö* (Там же: 84) «Давайте пить чай»; *Разöтчамте нö домам* (Там же: 84) «Разойдемся по домам». В верхнесысольском диалекте функционирует пригласительная форма глагола на *-тö*, *-те*, *-тё*: *мунамтö*, *мунамтё* «идемте», *Видз вылад мунамтö* «Идемте на пожню»; *Мунам нин тö видз вылад* «Идемте уж на пожню-то» (ВСД: 122). В названных диалектах элементы *-тö*, *-те*, *-тё*, несомненно, представляют собой заимствования из севернорусских диалектов. При отрицании элемент *те* принимает отрицательный глагол: *Энöте дойдö* (ЛЛД: 84) «Не ушибите».

Эта форма для выражения приглашения, призыва выполнить совместное действие субъектом речи и собеседником используется в сочетании с частицей *вай*, *вайöй* «давай, давайте», инициатором является говорящий: *Вай, шуö, Иван, кузь коз йылас кайлы, оз-ö би тыдоо* (ОКЗР: 189); «Давай, говорит, Иван, взберись на эту высокую ель, не видно ли огня»; *Вайö öт-лаын гуляйтэмö* (ВД: 123) «Давайте вместе будем гулять».

Приглашение к совершению действия может выражаться аналитически – при помощи глагола *корны* и инфинитива: *печ. Ме кори гöститны сийö* (ПД: 33) «Я пригласил его в гости (букв. погостить)».

Косвенное побуждение выражается формой 3 лица единственного или множественного числа и частицей *мед* «пусть». В высказываниях с такими формами побуждение также исходит от субъекта речи. Он просит, повелевает третьему лицу, не являющемуся участником речевой ситуации, выполнить действие: *Мед йöктö* «Пусть пляшет»; *мед водас* «пусть ляжет», (УД: 73); *Йöзыс мед ошканыс, а асьтö ачыд эн ошкы* (ВСД : 149) «Пусть люди хвалят, а сам себя не хвали»; *Му пырыс и ва пырыс мед мунан* (Там же: 263) «Провались ты сквозь землю (букв. пусть пройдет сквозь землю и воду)».

Своеобразное средство выражения субъективной модальности отмечается в печорском диалекте, в котором имеется особый суффикс возвратного залога *-сьысьсь*, *-ысьсь*. Субъект в конструкциях с таким предикатом

принимает форму генитива: *Миян восььсьсьёма вёр дорад* (ПД: 42) «Мы, оказывается, пришли к опушке леса»; *Менам ыллаё петсььсьсьёма* (Там же: 42) «Я, оказывается, вышел на улицу»; *Веськыд бокнам куйльсьсьёма* (Там же: 42) «Правым боком, оказывается, лежал».

В высказываниях субъективная модальность выражается и при помощи призывных и отгонных слов, которые передают побуждение к действию, волю говорящего. На переднем плане в таких высказываниях находится говорящий субъект. При помощи таких слов он выражает свою волю, чтобы выполнили его повеление. В диалектах используются различные слова, при помощи которых подгоняют или отгоняют домашних животных. Важную роль играет интонация: *Хёзяин горёдас: – Катшо, прр-прр! И мунас понмыс да вайэдэ. Сяа кудз помошник пастухыслэн* (ИД: 271). «Хозяин крикнет: – Катшо, прр-прр! Собака убегает и приводит оленя. Она первый помощник пастуха»; *Пастухыслы ке көрсэ колэ водзэ тойышитны, сэк сыа горедас: «Катшо, ле-ле-ле пр-р-р». И сэк мунэ понмыс и тойлэ көрсэ. Кор пастухьясыс чукара көрсэ нуэдэныс, сэк ётик чуксалэ, мунэ даден водзын да хохохайтэ, а бёрас бара кык пастух вётлалэныс, лелекайтэныс. Возас пастухыс хохохайтэ: «Хо-хо-хо, хо-о-о!» А бёрас вётлысьсьё вётлэ: «Э-э-э-э-ус!» Выйимёсь кудз выы көрьяс. Кудз выы көрыслы гёрзэныс: «Айи-айи-айи-а-ай!» Сы вылё локтэ көрыс* (Там же: 273) «Если пастух хочет, чтоб олени шли дальше, он крикнет собаке: «Катшо, ле-ле-ле, пр-р-р». Тогда собака гонит оленей. Когда пастухи ведут большое стадо, один из них едет впереди на санях и кличет оленей: «хо-хо-хо, хо-о-о!» А сзади два пастуха гонят оленей: «э-э-э-ус!» Есть олени, которые идут на зов пастуха (к моче). Таких оленей подзывают возгласом: «айи, айи, айи-а-ай!» Именно такие олени и ведут за пастухом всё стадо».

В оформлении субъективной модальности в коми диалектной речи активно участвуют различные частицы. Они по-разному взаимодействуют с глаголами, дают оценку содержанию высказывания с точки зрения говорящего субъекта. Частицы используются для уверенности-неуверенности коммуниканта в совершении действия, своего или кого-либо другого, неподготовленного действия, усиленной просьбы, способны сообщать дополнительное значение сравнения, различные дополнительные оттенки содержания высказывания.

Ядро таких частиц во всех диалектах составляют тай «оказывается», *кё-а/ке-а* «может быть», *эськё* «бы», *ли* «ли»: вым. *Ті тай керканыдё вузалёмныд* (ВД: 161) «Вы, оказывается, продали свой дом»; *Ветла ке-а* «Может быть, схожу» (ИД: 114); *Тэ тай сэтчы мунэма* (Там же: 83) «Ты, оказывается, туда ушел»; *Тэ тай абу мунэма* (Там же: 83) «Ты, оказывается, не ушел».

В контекстуальном окружении частица *тай* может иметь и другое значение – нежелание выполнения действия, невыполнение действия, несогласие, отказ от выполнения действия: *Да, верда тай ме тэнö!* (НВД: 205) «Да, буду я тебя кормить! (т.е. не буду я тебя кормить)».

Частица *кö-а* «наверно, вероятно» сообщает о неуверенности: *Ветла кö-а гортö* (Там же: 103) «Съезжу, вероятно, домой»; *Зятьыс роч кö-а* (ВД: 161) «Зять, кажется, русский»; *Ветла кö-а тикöниньд тиöтти* (УД: 96) «Может быть, схожу с вами»; *Сийа бара оз кö мун-а* (там же: 96) «Он, должно быть, не идет».

О желательном, но о нереальном для субъекта действия сообщает частица *эськö* «бы»: нв. *Гырдьдза помтö эськö йирыштан да он судз* (ОКЗР:35) «Близок локоть, да не укусишь».

В верхнесысольском диалекте – частица *но* «конечно» указывает на значение уверенности, достоверности: частица *буди* «может» – на значение неуверенности: *Тöлнас но чужис* (ВСД: 147) «Зимой, конечно, родился» *Ачым буди ветла-а* (Там же: 147) «Может, я сам схожу»; *Ланьтан будичи* (Там же: 147) «Может, ты замолчишь». *Буди* в значении «должно быть, наверно, видимо, видно», активно функционирует и присыктывкарском диалекте: *Туйыд буди эски ёна нин ботмас* (ПРСКТД: 185) «Дорогато, наверно, к тому времени, уже сильно испортится». Для присыктывкарского диалекта характерно использование слова *тон* «конечно»: *Асьныс тон оз вöчны* (Там же: 185) «Сами, конечно, не сделают».

Специфические частицы с модальными значениями получили развитие в удорском диалекте. Там широко распространены частицы *зоо* «в самом деле, конечно, же», *эттö* «очевидно, по-видимому», *эттöсы* «то же»: *Ме зоо некодлы оз висьтав* (УД: 95) «Я, конечно, никому не скажу»; *Кыр улысь каас, пожьясьöма эттö* (Там же: 96) «От реки поднимается, видимо, полоскала белье»; *Кынмöма эттöсы да шонтысьны кöсьяс* (Там же: 96) «Замерз, по-видимому, и согреться хочет»; *Вöдз эттöсы сувтöмныд* (Там же: 96) «Рано, видимо, вы встали»; *Унмыд эттö аб пöтöма* (Там же: 96) «Видимо, ты не выспался».

В диалектах коми языка получили развитие различные вводные компоненты, указывающие на степень достоверности сообщения, оценивающие субъектом речи содержание высказывания как бесспорное, предполагаемое или возможное. Возможность или предположение выражаются вводными компонентами *гашкö*, *дашкö*, *тыдалö* «наверно, может быть», которые функционируют во всех диалектах, в верхнесысольском диалекте используются *может* «может быть», *поди* «наверно», в вымском – *эттö* «наверно». В конструкциях с такими вводными компонентами выражается не реальное событие, а лишь предполагаемое: *Ныло, ветлыны колö, лöнь*

толун, гашикӧ и кыйасны (Там же: 96) «Думаю, сходится надо, сегодня тихо, может быть и поймают что-нибудь»; вым. *Босьті, дашикӧ, витсё лоо мӧс* (ВД: 189) «Купил, наверно, пятьсот голов коров»; *Енмыс, тыдалӧ, кынмӧ-ма* (там же: 189) «Бог, видимо, замерз»; *Биыс куסי, карасиныс, эттӧ, быри* (ВД 1998: 120) «Огонь погас, наверно, керосин кончился»; *Бурӧн сёрнит, дашикӧ, и лёка лэдзас* (Там же: 161) «Поговори по-хорошему, может, и вправду отпустит»; *Тэ, может, школьникъяс ді велӧдан* (ВС: 264) «Ты, может, школьников учишь?»; *Пӧрысьыс жо, поди, личко* (Там же: 147) «Старость же, наверно, одолевает».

О реальных событиях, о которых говорящий субъект хорошо знает, о которых ему достоверно известно, подчеркивают вводные слова *дерт, кӧнешнӧ*: нв. *Ме, дерт, повзьышти* (НВД: 207) «Я, конечно, немного испугался»; прскт. *Но татиӧм олӧмттӧ, кӧнешнӧ, эгӧ кужлӧ думыштны. Ми ӧд тадзитӧ эг овлӧй* (ОКЗР: 49) «Такую жизнь мы, конечно, и представить себе не могли. Нам ведь раньше так не доводилось жить».

Как отмечает Т.В. Парменова, ирреальная семантика всегда присутствует при выражении целевых отношений: цель самым непосредственным образом связана с нереализованным и желательным или нежелательным действием (Парменова 2009: 12): *Челядь каралӧны чомъяс ворсныа-ныс* (ВД 1998: 116) «Дети играть сооружают домики»; *Войлынытӧ тоон петалан он?* (Там же: 117) «Выйдешь ли сегодня погулять?»

Таким образом, средства выражения модальности в диалектной речи сходны с литературным языком. Модальность в коми диалектах выражается формами наклонений глагола, модальными словами, частицами, интонацией, междометиями и т.д.

Литература и источники

Зеленицкий А.Л. Сравнительная типология основных европейских языков. М., 2004.

Парменова Т.В. О модальности диалектной речи (на материале «Словаря вологодских говоров») // Слово и текст в культурном сознании эпохи: Сборник научных трудов. Вологда, 2009. Ч.3. С.5-13.

Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 200.

Сабанеева М.К. О содержании понятия «модальность» // Проблемы синтаксиса простого предложения. Л., 1980. С.52-61.

Солганик Г.Я. Основы лингвистики речи. М., 2010.

Эйхбаум Г.Н. Теоретическая грамматика немецкого языка. СПб., 1996.

ПД – Сахарова М.А., Сельков Н.Н., Колегова Н.А. Печорский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976.

ИД – Сахарова М.А., Сельков Н.Н., Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976.

УД – Сорвачева В.А., Безносикова Л.М. Удорский диалект коми языка. М.,

1990.

ВД – Жилина Т.И. Вымский диалект коми языка. Сыктывкар, 1998.

ВВД – Сорвачева В.А., Сахарова М.А., Гуляев Е.С. Верхневычегодский диалект коми языка. Сыктывкар, 1966.

ВСД – Жилина Т.И. Верхнесысольский диалект коми языка. М., 1975.

ЛЛ – Жилина Т.И. Лузско-летский диалект коми языка. М., 1985.

НВД – Сорвачева В.А. Нижневычегодский диалект коми языка. М., 1978.

ОКЗД – Образцы коми-зырянской речи. Сыктывкар, 1971.

ПРСКТД – Жилина Т.И., Бараксанов Г.Г. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. М., 1971.

СС – Колегова Н.А., Бараксанов Г.Г. Среднесысольский диалект коми языка. М., 1980.

**ПОНЯТИЯ «МАТЬ» И «ОБРАЩЕНИЕ К МАТЕРИ»
В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ
(АРЕАЛЬНЫЙ И ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

С.А. Максимов (Ижевск)

0. Настоящая работа написана на основе комментария к двум картам с аналогичными названиями. Описание названий, подвергнутых картографированию, мы начинаем с русских заимствований, продолжаем словами исконного происхождения и завершаем тюркизмами. В ходе исследования основной упор делаем на описание распространения явлений и несколько меньше уделяем внимание происхождению картографируемых слов, поскольку большинство из них всесторонне рассматриваются в обстоятельно написанной монографии Энико Сий «Термины родства и свойства в удмуртском языке» (1998).

1. *мама, мам*

1.1. *Варианты названий и территориальное распространение*

1.1.1. Слово *мама* наиболее широкое распространение имеет в верхне-чепецком диалекте северного наречия и средне-восточном диалекте, в которых оно употребляется не только молодым и средним, но и старшим поколением, вытеснив исконное или старое заимствование для обозначения матери в состав пассивной лексики. Также широкое функционирование оно имеет и в некоторых других группах срединных говоров. В нижне – и среднечепецком диалектах северного наречия слово *мама* употребляется в целом только молодым поколением. Приблизительно такая же картина в южном наречии, в котором оно не получило ещё сплошного распространения. В периферийно-южном диалекте, там, где оно зафиксировано (139, 140, 142, 144, 145, 153, 157, 160), в основном употребляется самым молодым поколением в качестве обращения, при этом слово *анай* используется при обращении к бабушке. Подобная тенденция наблюдается и в центрально-южном диалекте.

В пункте Тыловыл-Пельга (106) записана форма *мамай*, которая употребляется как в функции обращения, так и для называния. Конечное *-й* этой формы возникло по аналогии со словом *анай*.

1.1.2. Ареал бытования формы *мам* практически полностью совпадает с границами глазовского (24–26, 28–31, 35, 50–52) и бализинского (27, 32–34, 37) говоров северного наречия. В функции обращения она зафиксирована также в ярском говоре (19, 20) среднечепецкого диалекта и в косинском говоре нижнечепецкого диалекта (Слудка, 6). Данная форма в основном употребляется средним поколением.

1.1.3. В диалектах зафиксировано ещё несколько слов со значением ‘мать, мама’, генетически связанных с предыдущими двумя словами.

Форма *мамин'* зафиксирована в д. Курегово (27) Глазовского района и в западной половине Кезского района (38а, 40, 44). Используется в основном как обращение, хотя в пунктах Гыявыр (38а) и Полом (44) отмечено и в функции называния. Данная форма проникла из местных русских говоров, ср. рус. (Волог., Вят.) *мамэнь* 'мать, мама' [СРНГ 1981: 350]. Ударный узкий гласный *e* второго слога на удмуртской почве перешёл в *и*. В д. Дондыкар (25) в одной из семей данным словом дети называли бабушку вслед за тем, как их мама называла свою свекровь.

В пунктах Бол. Жужгес (90), Нов. Вамья (90а) Увинского района, Гурезь-Пудга (104) Вавожского района, Катыши (100) Воткинского и Ильинское (вблизи от пункта 124) Малопургинского района к маме обращаются словом *мамка*, которое может иногда выступать и при назывании.

В пунктах Шуралуд (41а) Кезского района и Нынек (119) Можгинского района в качестве вокатива (слова-обращения) отмечено слово *мами*, представляющее собой уменьшительно-ласкательную форму *мама*, снабжённую деминутивным суффиксом *-и*. В пункте Бол. Волково (105) данная форма записана с притяжательным суффиксом первого лица единственного числа – *мамийэ* 'моя мама, мамочка'.

В д. Тотош (31б) Глазовского района в качестве слова-обращения зафиксирована лексема *мамаш*, которая, вероятно, восходит к звательной форме русского *мамаша*. А в д. Вутно Селгинского района (между пунктами 70 и 71) в аналогичной функции наряду с *мама* записано слово *маму*. Последнее происходит от звательной формы русского *мама*. В оп. Уйвай (64) Дебёсского района молодое поколение обращается к своей маме словом *мамик*, являющимся новейшим русским проникновением.

1.2. Значения слов *мама*, *мам* и других однокоренных форм в целом были изложены выше в связи с их распространением. Дополнительно следует сказать, что формы *мама* и *мам* в ареале своего распространения в настоящее время служат для обращения зятя к теще и невестки к свекрови.

1.4. *Происхождение*. Имеется мнение о том, что слово *мама* является удмуртским термином родства, относящимся к словам детского языка (см. Сий 1998: 84). На самом же деле его следует относить к поздним русским заимствованиям, интенсивно проникающим во все диалекты и постепенно вытесняющим прежние слова, выражающие понятия «мать, мама». Форма без конечного гласного *a* – *мам*, преимущественно распространённая в среднечепецком диалекте северного наречия, заимствована ранее, чем слово *мама*, и восходит к звательной форме *мам* русского слова *ма́ма*. Анализируя звательные формы в финно-угорских языках Волго-Уральского региона, венгерский учёный Энико Сий [1998: 110], в частности, упоминает о возможности выражения вокатива формой с усечённым

корнем в одном из эрзя-мордовских диалектов. При этом она отмечает, что «Употребление усечённой формы в роли вокатива, по всей видимости, имеет русское происхождение (см. в современном русском разговорном языке *Миша!* ‘Миша!’, *Мама!* ‘Мама!’). Источником слова *мамка* также является соответствующая форма русского языка – *ма́мка*. Происхождение форм *мамин’*, *мами* и т.д. были рассмотрены выше в связи с их распространением.

2. *мумы; мы; мыпый*

2.1. *Варианты названий и территориальное распространение*

2.1.1. Слово *мумы* как название матери известно практически на всей территории северного наречия; за его пределами зафиксировано в средних говорах: в опорных пунктах Мучи (56) и Сектыр (57) Игринского района, Уть-Сюмси (66) и Копки (67) Селгинского района, Чекан (876) Увинского района, Сосновка (77г) и Ниж. Кивары (78) Шарканского района, Ср. Кечёво (123) Малопургинского района. Для глазовского и юкаменского говоров характерны варианты с открытым и отодвинутым назад ы: *мумъ*, *мумь*. В слободском говоре (2, 2а) зафиксирован фонетический вариант *мымы*, который встречается также в глазовском говоре: в облике *мымы* и *мы́мы* – в д. Золотарёво (24), в фонетическом оформлении *мьмы* и *мьмь* – в с. Дёбы (50).

В качестве обращения к матери зафиксировано только на севере Кезского района в пунктах Нов. Унтем (39) и Александрово (40), к тому же параллельно с другими словами. Можно сказать, что исследуемый термин в настоящее время как вокатив практически не употребляется, хотя ещё в недалёком прошлом, чаще в форме *муми*, в этой функции был довольно обычным.

От представителя деревни Ньюрошур Кезского района (6 км от оп. 39) записана форма *мума* (наряду с *нэнэ*), которая, вероятно, является контактной формой слов *мумы* и *мама*.

2.1.2. Слово-обращение *мы* зафиксировано в слободском говоре нижнечепецкого диалекта (1–3) и в среднечепецком диалекте (4, 19–24, 27, 35, 52; *мы́* – 24, 31; *мь* – 25, 26, 28–30, 46а, 47, 48, 50). Вариант *ма*, также функционирующий как вокатив, записан в косинском говоре нижнечепецкого диалекта северного наречия (6, 8, 9).

2.1.3. Форма *мыпый* зафиксирована в д. Светозарево (2, слободской говор), вариант *мы́пый* – в п. Лытка (5) и с. Люм (26) (глазовский говор). Как обращение к матери данное слово распространено повсеместно в слободском говоре нижнечепецкого диалекта и в среднечепецком диалекте северного наречия (в облике *мыпый*, *мы́пый*, *мы́пый*), функционируя параллельно с вокативом *мы*. Для косинского говора (6, 8, 9) характерен вариант *мапый*. Следует отметить, что указанные здесь формы так же, как и слово

мы, употребляются только самым старшим поколением и постепенно переходят в состав пассивной лексики.

2.2. *Значение.* Как показывают лексикографические источники, слово *мумы* выступает не только в роли обозначения матери, но и самки (представителей животного мира), при этом в последней функции оно является общеудмуртским словом.

2.3. *Происхождение.* Удмуртское слово *мумы* ещё Вихманн сравнивал с коми *tat* (Wichm., 165). Лыткин В. И. к коми словам *мам* ‘мать, мама’, *мамо* сс. ‘мама (при обращении)’ приводит удмуртское соответствие *мумы* ‘мать’, ‘самка’, общеп. *â, удм. *и < â*; сюда же включает ф. *таатто*, и вепс. *tatēi* (КЭСК 1999: 170). Но, по мнению других исследователей, прибалтийско-финские примеры могут восходить к русскому языку; имеются сомнения и по поводу родства коми слова с удмуртским (см. об этом: Сий 1998: 38).

С нашей стороны следует отметить, что фонетического препятствия родства удмуртского и коми слов не существует. Для убедительности можно привести ещё несколько примеров на соответствие гласных: удм. *гуры* / к. *гар* ‘женский цветок берёзы (ольхи)’, удм. *дуры* / к. *дар* ‘разливательная ложка, поварёжка’, удм. *пуньы* / к. *пань* ‘ложка’. С другой стороны, имеется большая вероятность, что данное слово в коми языке, по крайней мере, в некоторых диалектах может быть заимствовано из русского языка. На такую мысль, в частности, наталкивает наличие в коми диалектах названия родителей *бать-мам* и *ай-мам*, которые в некоторых диалектах функционируют параллельно. Можно предположить, что в последнем названии компонент *мам*, как и слово *ай* ‘отец’, является словом исконного происхождения, а в первом названии обе составляющие заимствованы из русского языка. Для сравнения приведём следующие названия родителей в удмуртском языке: *мам-пап*, *мама-папа*, но *мумы-айы*, *мумы-бубы*.

Слово-обращение к матери *мы*, имеющий ласкательный оттенок, по-видимому, возникло в детской речи как сокращённая форма слова *мумы*. При повторном обращении, оно употреблялось с вводным словом *пый* (*пый*) (лит. *пой*) ‘я, мол, (я) говорю, (я) сказал’, в результате чего последнее стало органической частью обращения и возникло новое слово *мытый*. В косинском говоре впоследствии слово *мы* было заменено на *ма*, а *мытый* – соответственно на *мапый*. Названное изменение звуков могло произойти из потребности к более звучному обращению. Но учитывая сильную русификацию косинского говора, полагаем, что это результат русского влияния, ср. рус. разг. *ма* – обращение к матери.

В словаре Т. Борисова слова *мõ*, *мõпõй* даются с указанием на принадлежность к срединным говорам (см. выше), хотя подобные слова

за пределами ниже – и среднечепецкого диалекта в настоящее время не зафиксированы. Следует сказать, что теоретически они могут употребляться только в средне-восточном диалекте и в верхнечепецком диалекте северного наречия, поскольку только в названных диалектах функционирует вводное слово *нӧй* в указанном фонетическом облике (ср. нч. сч. *нӧй*, *н^нй*, сч. *нӧй*, *нӧй*). Если описываемые слова не являются результатом неточной фиксации, то следует предположить, что звук *ӧ* первого слога в слове *мӧнӧй* возник из звука *ы* в результате регрессивной ассимиляции гласным второго слога (члена). Впоследствии под влиянием слова *мӧнӧй* звук *ӧ* стал произноситься и при отдельном употреблении первого компонента; схематически: *мы*, **мынӧй* > *мы*, *мӧнӧй* > *мӧ*, *мӧнӧй* (иначе: Ахметьянов 1981, см. Сий 1998: 84). Но мы также не исключаем, что в словарь Борисова могли ошибочно вкратиться среднечепецкие формы *мъ*, *мънӧй* с передачей диалектного звука средне-заднего ряда средне-нижнего подъёма (ъ) через графему *ӧ*.

3. *нӧнӧ; ноной*

3.1. *Варианты названий и территориальное распространение*

3.1.1. Слово *нӧнӧ* имеет достаточно обширный ареал. В первую очередь оно характерно для срединных говоров (53 (уст.), 56, 57, 60а, 66–72, 74, 76, 77г, 78, 79, 81, 81а, 82, 83, 85, 86б, 87б, 91–93, 96), а также центрально-южного диалекта (112, 118, 119, 124, 125, 129, 130, 134), но встречается и в верхнечепецком диалекте северного наречия (37, 40, 54, 58, 62, 65, 75). В функции обращения данное слово зафиксировано в основном в том же ареале, где оно употребляется в качестве названия, хотя имеются незначительные различия: срединные говоры (13, 56, 69, 71а, 72б, 76, 77г, 79, 81а, 82, 83, 85, 86б, 90а), центрально-южный диалект (112, 117а, 118, 119, 125, 130, 133, 139), верхнечепецкий диалект северного наречия (39, 40, 55, 123). Помимо действительного несовпадения ареалов функций исследуемого слова, различия могут быть связаны с неполной или неточной фиксацией. Поскольку в одном и том же населённом пункте могут параллельно употребляться несколько слов для обозначения матери и обращения к ней, менее употребительные формы могли остаться без внимания.

3.1.2. Форма с конечным *-й нӧнӧй* в основном употребляется в центрально-южном диалекте (124, 127–129, 135, 136, 147, 148), также встречается в некоторых населённых пунктах, представляющих срединные говоры и примыкающих с севера к указанному диалекту (94, 97, 107, 123). В функции вокатива данная форма зафиксирована несколько уже (124, 127, 129, 135, 136, 147, 148), при этом из срединных говоров только в оп. Юськи (97), хотя дополнительно отмечена ещё в д. Кульма (12) Кильмезского района Кировской области.

3.1.2. Слово *нэни*, зафиксированное в функции обращения в опорных пунктах Зар. Вишур (79) и Пушмесь-Тукля (87а), представляет собой уменьшительно-ласкательную форму в данном случае слова *нэнэ*. Названная форма, безусловно, может употребляться во всём ареале как слова *нэнэ*, так и варианта *нэнэй*, при этом необязательно только в функции вокатива, но и при ласковом назывании матери.

3.1.3. Слово *ноной* употребляется в сурвайско-поломском говоре средне-западного диалекта (10, 11, Унинский р-н, Кировская обл.). Данное слово чаще при обращении выступает также в сокращённой форме – *ной*, которая зафиксирована также в с. Нов. Мултан (86в) Увинского района.

3.2. *Происхождение.* Энико Сий, ссылаясь на Ахметьянова (1981), пишет, что «Слова *пене*, *попо(j)*, *тере(j)* выступают как татарские заимствования в детской речи» (Сий 1998: 84). Если татарское происхождение слова *нэнэ(й)* у нас не вызывает сомнения, ср. тат. *нэнэ*, *нэнэй*, *нэни* ‘мать, мама’ (ТатДиал., 495), то по поводу слова *ноной* следует высказать некоторые соображения. Дело в том, что аналогичная лексема в северном наречии зафиксирована в значении ‘грудной ребёнок’ (см. выше). В синхронном плане два этих слова воспринимаются как омонимы, хотя диахронически они могут быть связаны своим происхождением. Выше было уже отмечено, что указанная лексема относится к детской речи. В данную же группу можно отнести такие слова, как: *ноны*, *нонок* ‘грудь (женская); сосок’, *нонок* ‘сосунчик (о ребёнке)’ (последнее значение в словаре Борисова, с. 196), а также слово *нуны* ‘младенец, грудной ребёнок’. Понятие «женская грудь», с одной стороны, семантически связано с грудным ребёнком, с другой стороны, – с кормлением грудью, самой грудью и, следовательно, с понятием «мать, мама». Для наглядности приведём ещё группу слов, начинающихся с согласного м: *мам* (-мам) *карыны*, *мамыны* детск. ‘кушать’, *мама* ‘мягкие мышцы тела; мягкое мясо’ (? < ‘женская грудь’), *момо* дет. ‘грудь’ (данное слово из: УРС 2008: 437), ср. также рус. *мама*.

Как известно, близкие в фонетическом и семантическом отношении слова могут влиять друг на друга. В связи с изложенными выше выкладками вполне выглядит логичным скрещение заимствованного татарского слова *нэнэ(й)* с удмуртскими лексемами *ноны*, *нонок*, *нуны*, в результате чего возникло новое слово в облике *ноной*, семантика которого в срединных говорах и южном наречии осталась аналогичной татаризму, а в северном наречии сблизилась с соответствующими удмуртскими словами.

Необходимо также отметить, что в граховских говорах в разговоре с детьми понятие «сосать грудь» может выражаться сочетанием *нэн-нэн карыны* (при *нонок* ‘грудь (женская); сосок’, *ноныны* ‘сосать грудь’), а в сямсинском говоре понятие «сосать грудь» передаётся глаголом *нэныны*

(при *ноны* ‘грудь (женская)’). Исходя из приведённых данных, нельзя исключить, что слово *нэнэ* в удмуртском могло возникнуть и на собственной почве, хотя конфигурация его ареала говорит о том, что оно, скорее всего, проникло с юга.

Следует несколько слов сказать о конечном *-й* варианта *нэнэй*, который присутствует и в других названиях матери: *анай*, *мэмэй*, а также в других терминах родства: *атай*, *д’ад’ай* ‘отец, папа’ и т.д. Мнения учёных о его происхождении несколько расходятся, хотя большинство из них возводят его к татарскому источнику (более подробно об этом: Сий 1998: 108–115).

4. *мэмэй*

4.1. *Варианты названий и территориальное распространение.* Форма *мэмэ* известна в основном в юго-западной группе срединных говоров (14, 84, 86–89, 98, 102, 104); в качестве обращения функционирует приблизительно в том же ареале, хотя в деталях имеются небольшие различия (14, 86б, 89, 104 (1) 121).

Вариант с конечным *-й* – *мэмэй* распространён несколько южнее: в срединных говорах (90, 93, 104), 105, 114, 122, 123), частично в средне-южном говоре (115, 117, 124–126). Как обращение зафиксировано в следующих пунктах: 90а, 104 (2), 105 (уст.), 114, 115, 121, 122 (2), 123–127. В пункте Кыйлуд (89) в качестве обращения записана уменьшительно-ласкательная форма *мэми*, которая, безусловно, может употребляться и в других населённых пунктах в пределах ареала *мэмэ* ~ *мэмэй*.

4.2. *Происхождение.* Слово *мэмэ(й)* возводят к татарскому языку, в котором оно принадлежит к детской речи (см. Сий 1998: 38, 106).

5. *анай, айкай*

5.1. *Варианты названий и территориальное распространение*

5.1.1. Слово *анай* в первую очередь употребляется в южном наречии. В периферийно-южном диалекте оно распространено повсеместно, за исключением канлинского (173) и красноуфимского (175) говоров; в ташкичинском говоре (167, 172) в первом слоге описываемого слова произносится огублённый гласный – *а^онай*, а в опорном пункте Пойкино (146, кукморский говор) гласный *а* имеет огублённый характер обоих слогов. В центрально-южном диалекте слово *анай* также имеет почти повсеместное употребление, кроме средне-южного говора (115–125). В некоторых населённых пунктах оно функционирует параллельно со словом *нэнэ(й)*. В пределах ареала срединных говоров записано на границе с южным наречием в опорных пунктах Бол. Волково (105, уст.), Тыловыл-Пельга (106) и Безменшур (107); кроме того, зафиксировано в оп. Уть-Сюмси (66), Копки (67), Сюровой (73) и Чёрный Ключ (99). Также слово *анай* употребляется

в бесермянском наречии (22б, 36, 45, 46, 49). Практически во всех указанных населённых пунктах оно функционирует не только как обозначение, но и как обращение.

1.5.1.2. Форма *ани* в качестве обращения бытует в бесермянском наречии (22б, 45); также записано в южном наречии в населённых пунктах Удм. Вишур (134а, Алнашский р-н) и Стар. Юмья (144, Кукморский р-н, Татарстан). Представляет собой уменьшительно-ласкательную форму слова *анай*.

Форма *ан'у* записана в д. Нижнебалтачево (161), изредка может встречаться и в оп. Уразгильды (160) Татышлинского района РБ. Данная форма, по-видимому, возникла в детской речи как уменьшительно-ласкательное обращение. Конечный элемент – *у* ассоциируется с показателем вокатива в русском языке, но говорить о русском влиянии в данном конкретном случае без дополнительных исследований пока преждевременно. Слово *ан'у* в д. Нижнебалтачево молодое поколение может использовать и при обращении к бабушке.

5.1.3. Слово *аҗкай* употребляется в говорах Закамья: шагиртско-гондырском (155), буйско-таньпском (156, 157, 164, 170) и татышлинском (154, 159, 160). В функции обращения оно распространено несколько шире: шагиртско-гондырском (153, 155), буйско-таньпском (156, 157, 163, 164, 166, 170), татышлинском 159, 160–161) говорах, в облике *а^оҗкай* – в ташкичинском говоре. (167). Вариант с интервокальным гласным – *аныкай* записан в д. Вот. Ошья (156), *анькай* – в д. Байшады (164) (буйско-таньпский говор), *анькай* – в д. Варзи-Пельга (150, центрально-южный диалект). Кроме того, в опорных пунктах Вот. Ошья (156) и Можга (157) функционирует вокатив с редуцированным начальным гласным, который мы условно передали графемой *ы́* – *ы́ркай*, хотя, запись данного слова в виде *аҗкай* или *аҗкай*, возможно, является более правильной.

В бесермянском селе Юнда (36) зафиксирован вокатив *аникай*, который представляет собой скрещение уменьшительно-ласкательной формы *ан(ь)кай*, заимствованной из татарского языка со словом *ани*. В опорном пункте Вот. Ошья (156, Закамье) наряду с другими формами к матери ласково обращаются словом *ан'икай*, в котором интервокальный гласный ассоциируется с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-и*, а палатальный согласный *н'*, является результатом не столько фонетического изменения (перед и), сколько эмоционально-экспрессивного в детской речи.

5.2. *Значение.* Слово *анай* в основном употребляется только в значении ‘мать, мама’, а для обозначения самки (напр. животных) в ареале распространения данного слова, как и повсеместно, употребляется слово *мумы*. В малмыжском диалекте (современный средне-западный диалект)

Вихманн фиксирует также значение ‘бабушка’, что, скорее всего, связано с употреблением разными поколениями данного слова в разных функциях. Для сравнения можно отметить, что в настоящее время в южной диалектной зоне наметилась тенденция, когда самое молодое поколение своих бабушек называет словом *анай* (или *нэнэ*), тем же словом, что их родители своих матерей, а при обращении к матери используют заимствованное из русского языка слово *мама*.

Слова *аныкай*, *анкай* служат для ласкового обращения к матери, хотя во многих говорах впоследствии они стали выполнять и функцию обозначения. Слово *анакай* ‘мачеха’ в словаре Вихманна, является, скорее всего, не обозначением мачехи, а отражает форму обращения к ней. Иначе говоря, изначально оно также должно было служить для обращения к матери.

5.3. *Происхождение.* Слова *анай*, *ани*, *аныкай*, *анакай* относят к татарским заимствованиям (см. ЭСУЯ, 93; Сий 1998: 80).

6. *инай*, *инакай*. Слово *инай* как в функции называния, так и обращения употребляется в ташкичинском (167, 172), канлинском (173) и красноуфимском (175) говорах периферийно-южного диалекта, при этом в ташкичинском говоре параллельно со словом *а^онай*. В качестве ласкового обращения в канлинском говоре используется также форма *инакай*, которая в ташкичинском говоре выступает в облике *инақай*. Впервые исследуемые слова были зафиксированы Р. Ш. Насибуллиным в конце 1970-х гг.: ср. круп. *инай* ‘мать’, тшк. *ūt'is'kal'и*, *инакайэ* ‘посмотри-ка, моя мамочка’ (1978: 117; 1981: 176, 179), а в лексикографические источники первый из них был включён только в 2008 г.: *инай* диал. ‘мать // материнский’ (УРС 2008: 251). В отношении происхождения следует сказать, что Энико Сий (1998: 82–83) данную лексему отнёс к башкирским заимствованиям, но, на наш взгляд, проникновение его из татарских диалектов является более вероятным. Слово *инакай* восходит к соответствующей форме татарских диалектов, хотя формант *-кай / -кай* в большинстве диалектов Закамья функционирует как самостоятельный уменьшительно-ласкательный суффикс.

Литература и источники

Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981.

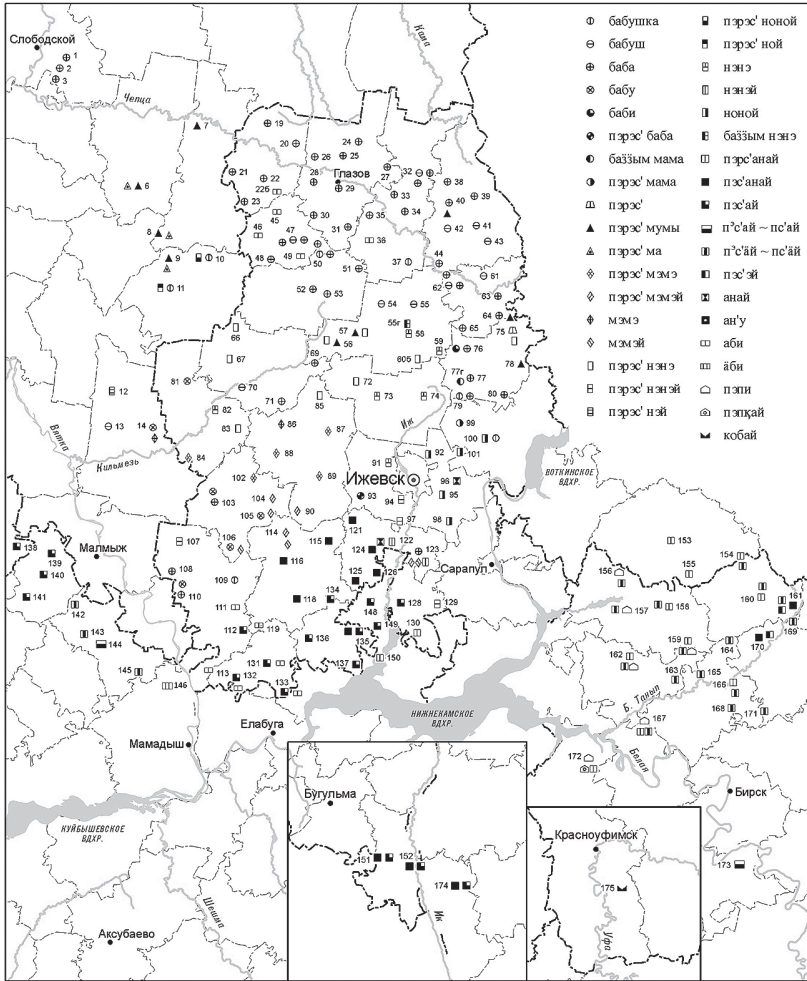
Борисов Т.К. Удмурт кыллюкам. Толковый удмуртско-русский словарь: Ок. 15000 слов. Ижевск, 1991. XXXII + 384 с.

КЭСК – Лыткин В.И. Краткий этимологический словарь коми языка. Переизд. с доп. Сыктывкар, 1999.

Насибуллин Р.Ш. Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: Сб. ст. и материалов / НИИ при Сов. Мин. УАССР. Ижевск, 1978. С. 86–151.

- Сий Э.* Термины родства и свойства в удмуртском языке. Budapest, 1998.
- СРНГ* – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин; Ред. Ф.П. Сороколетов. Л. Вып. 17: Леснокаменный–Масленичать, 1981.
- ТатДиал.* – Татар теленен диалектологик сузлеге (= Диалектологический словарь татарского языка) / Сост. Н.Б. Борганова, Л.Т. Махмудова, З.Р. Садыкова, Г. К. Якупова. Казань, 1969. 643 с.
- ТРС 2007* – Татарско-русский словарь: В 2-х т. Казань, 2007.
- УРС 2008* – Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов / Сост. Т.Р. Душенкова, А.В. Егоров, Л.М. Ившин и др.; Отв. ред. Л.Е. Кириллова. Ижевск, 2008.

БАБУШКА – МАТЬ ОТЦА

М 1:2 000 000
(в 1 см 20 км)

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЙ АТЛАС КОМИ ЯЗЫКА: ПОПЫТКИ СОСТАВЛЕНИЯ*.

А.Г. Мусанов (Сыктывкар)

Без преувеличения будет сказано, что коми язык в части лексикографических работ занимает лидирующее положение не только среди финно-угорских центров в России, но и за рубежом. В подтверждение этому – издание нового Словаря диалектов коми языка, значительно превосходящее издание 1961 г. Это самый объемный словарь в коми лексикографии. Тем не менее, по коми языкам отсутствуют некоторые словари, к примеру, нет словарей личных имён, апеллятивных, лингвогеографических.

Попытки лингвогеографического исследования коми языков предпринимались в прошлом столетии в 40-х гг. Д.В. Бубрихом и 80-х гг. В.А. Ляшевым, но были безуспешными в силу ограниченности диалектных материалов и отсутствия технической базы. К настоящему времени поколениями коми диалектологов собран обширный по объёму лексический материал, большая часть которого опубликована в различных изданиях («Сравнительном словаре коми-зырянских диалектов» (Жилина Т.И., Сахарова М. А., Сорвачева В. А. / Под ред. В. А. Сорвачевой. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961), монографиях по диалектам коми языка: верхневычегодскому (1966, В.А. Сорвачева, М.А. Сахарова, Е.С. Гуляев), присыктывкарскому (1971, Т.И. Жилина, Г.Г. Бараксанов), верхнесыольскому (1975, Т.И. Жилина), ижемскому (1976, М.А. Сахарова, Н.Н. Сельков), печорскому (1976, М.А. Сахарова, Н.Н. Сельков, Н.А. Колегова), нижневычегодскому (1978, В.А. Сорвачева), среднесыольскому (1980, Н.А. Колегова, Г.Г. Бараксанов), лузско-летскому (1985, Т.И. Жилина), удорскому (1991, В.А. Сорвачева, Л.М. Безносилова) диалектам. Образцах коми-зырянской речи / Под ред. Тимушева Д.А. Сыктывкар, 1971; в словарях зарубежных учёных: Wichmann Y. Syrjänischer Wortshatz. Bearbeitet und herausgegeben von T.E. Uotila. Helsinki, 1942, Fokos-Fuchs D.R. Syrjänisches Wörterbuch, I-II. Budapest, 1959 и др.), кроме того значительная часть до сих пор не систематизирована и хранится в виде магнитофонных записей, бумажных картотек, рукописных отчетов в архивных материалах Коми научного центра. Накопленный уникальный фактический материал остаётся малодоступным и малоинформативным не только для специалистов-филологов, но и для различных слоёв коми населения. Поэтому одна из первоочередных и актуальных задач в настоящее время – вводить неиспользуемые

---

* Исследование выполнено по проекту № 12-П-6-1008 «Лингвогеографические исследования по коми языкам» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 33 «Традиции и инновации в истории и культуре».

материалы в научный оборот, создавая новые дополненные словари диалектов коми языка, диалектологические атласы и др., в которых были бы собраны воедино и наиболее полно представлены имеющийся диалектные материалы, фонетические особенности диалектных слов, ареалы их распространения и т.д.

В 2012 г. в секторе языка ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН при поддержке исследовательского проекта № 12-П-6-1008 «Лингвогеографические исследования по коми языкам» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН №33 «Традиции и инновации в истории и культуре» (руководитель А.Г. Мусанов, основные исполнители Е.А. Цыпанов, С.А. Сажина, Е.Н. Федосеева, Г.В. Пунегова) начаты работы по ареальному исследованию коми языков.

Проект представляет собой первую попытку выявления изоглосс развития пермского языкового континуума в области фонетики, морфологии и лексики на материале коми-зырянских, коми-пермяцких диалектов, с учетом данных коми-язьвинских и кировских говоров. В ходе исследования предполагается выявить общие и отличительные черты в грамматическом строе и лексическом составе рассматриваемых языков, рассмотреть и проанализировать процессы возникновения инноваций (в том числе, в исторической ретроспективе), определить ареалы их распространения с учетом имеющихся данных современных пермских диалектных вариантов и контактных с ними лингвистических территорий. Используя доминирующую роль пермских языков в языковом пространстве Европейского Севера между прибалтийско-финской языковой общностью и тюркским миром, полученные при ареально-типологическом и сравнительно-историческом исследовании выводы позволят более точно определить лингвогенез, контактные зоны региона, выделить типы этнокультурных контактов, различные конвергентные образования, ареалы, механизмы и условия их формирования не только на Европейском Севере, но и дадут дополнительную информацию по истории возникновения и развития языков волго-камского региона.

В настоящее время работа над проектом заключалась в анализе и систематизации теоретических данных, взглядов и научных теорий зарубежных и отечественных ученых по лингвогеографическим исследованиям, диалектным явлениям в областях фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики, сравнении новейших теорий и ряда инструктивных статей. Полученные теоретические данные послужили основой для создания специальной программы собирания диалектных материалов по коми языкам «Вопросник для составления диалектологического атласа коми языков». В структуре вопросов программы отражены известные языковые

явления в области фонетики, морфологии и лексики коми языков. Территория исследования включает не только современные центры распространения коми языков (Республика Коми), но и поселений, где формировались коми языки и основные его диалекты (Афанасьевский район Кировской области, Коми-пермяцкий автономный округ Пермского края). География исследования наиболее продуктивна, во-первых, с точки зрения отображения изоглосс развития коми языков, во-вторых, полученные данные послужат основой для составления в перспективе общепермского лингвистического атласа, к примеру, четко фиксируется ареал по употреблению палатальных *m'* и *ɗ'* и задненёбных *k* и *z* в начале слова перед переднерядными гласными *э*, *и* лузско-летского диалекта коми-зырянского языка, говоров Афанасьевского района Кировской области и коми-пермяцких языков Пермского края; островной ареал обнаруживается по употреблению аффрикат – *ти*, *дз*, *дж*, *ч*, это лузско-летский, ижемский, удорский диалекты, а также диалекты удмуртского языка и т.д. Указанные фонетические явления в дальнейшем будут изображаться на картах в виде изоглосс, ясно показывающих пространственные и качественные характеристики ареалов. Естественно, что картографирование – это следующий этап в лингвогеографических исследованиях, предшествующий ряду обязательных моментов: 1) составление программы сбора материала (программы могут содержать от нескольких десятков до нескольких сотен вопросов); 2) определение сетки населенных пунктов; 3) определение принципов записи материала; 4) сбор материала.

1) К настоящему времени разработана программа собирания диалектных материалов, состоящая из 46 вопросов, содержащих информацию не только по лексике, но и фонетике, грамматике. Первая апробация программы показала правильность выбора небольшого количества вопросов. В дальнейшем вопросник предполагается модернизировать, прежде всего, дополнить тематическими группами лексики традиционной культуры. Апробация программы в полевых условиях выявила недостатки в методике сбора диалектных материалов, особенно в части лексики флоры и фауны. Этот лексический класс в коми языках мало фиксируется, несмотря на наличие обозначаемого предмета либо заменяется русскими эквивалентами. С целью восприятия и актуализации диалектных лексем была предпринята попытка графического изображения понятия (картина, фотография и т.д.). Использование метода визуальной демонстрации оказалось наиболее продуктивным и результативным. Кроме того, активно использовались современные устройства записи диалектных материалов с последующей расшифровкой, а затем фиксирование (документирование) слов и словосочетаний согласно вопроснику программы. Первый опыт показывает, что

для плодотворной работы необходимы определенные этапы проведения наблюдений в каждом отдельном населенном пункте: 1) взаимоадаптация, т.е. приспособление наблюдателя к речи, культуре местного населения и местного населения к наблюдателю; 2) выбор типичных представителей традиционного диалекта; 3) запись диалектного материала.

2) Определена сетка населенных пунктов на территориях распространения коми языков: Республика Коми – 575 населенных пункта, Афанасьевский район Кировской области – 12, Коми-пермяцкий автономный округ Пермского края – 47. Основными критериями выбора опорного пункта были количество и качество состава местного населения. В число ойконимов не вошли крупные города и пригороды с русскоязычным населением. Особое внимание уделялось при выборе пограничным территориям. В перспективе планируется на треть сократить количество населенных пунктов в республике, так как анализ собранных материалов показывает тождественность понятий.

3) Утверждены единые правила записи материалов с использованием фонетической (с обозначением аллофонов или их признаков) и фонематической (для обозначения фонем или реализаций фонем, имеющих фонематическое значение) транскрипции, а также частично знаки финно-угорской транскрипции – для обозначения коми фонем.

4) в результате командировок и экспедиций собраны новые лексические данные в 21 населенном пункте, зафиксировано свыше 1000 лексических единиц.

В перспективе планируются дальнейший сбор полевых материалов согласно программы, анализ и обработка новых диалектных данных, выбор качественного материала для картографирования; определение картографического материала с учетом подробных данных по физической географии и прежде всего гидрографии и орографии; паспортизация населенных пунктов (присвоение каждому ойкониму номера); определение символьных обозначений языковых явлений для картографирования; первое тестирование языковых явлений на географической карте; пространственная и качественная характеристика ареалов; лингвистическая характеристика ареалов (выявление корреспондирующих лексем, дериватов, их характеристика, локализация).

НЕКАНОНИЧЕСКОЕ МАРКИРОВАНИЕ АКТАНТОВ ДВУХМЕСТНЫХ ПРЕДИКАТОВ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ*

Г.А. Некрасова (Сыктывкар), Е.Н. Сергеева (Санкт-Петербург)

Настоящее исследование основано на материале кудымкарско-иньвенского диалекта, который лег в основу коми-пермяцкого литературного языка. Материал был собран весной 2013 г. в с. Лобаново Пермского района. Информантами явились выходцы из дд. Кекур и Коштан Кудымкарского района Коми-Пермяцкой области. Осенью 2013 г. материал был проверен в д. Кузьва Кудымкарского района Коми-Пермяцкой области**. В ходе работы с информантами использовалась анкета, разработанная в Лаборатории типологического изучения языков Института лингвистических исследований РАН, включающая 130 предложений-стимулов на русском языке. Цели, методика и основные результаты исследований, осуществлявшихся с применением этой анкеты, изложены в (Сай 2011). Для коми-пермяцкого языка было получено 118 двухместных предикатов. Меньшее число предикатов объясняется тем, что некоторые глаголы имеют несколько базовых значений (глаголы *адззыны* 'видеть / найти', *веритны* 'верить / доверять', *ковны* 'хотеть / нуждаться / требоваться', *вӧгавны* 'злиться / сердиться'). При переводе отдельных предикатных лексем информанты использовали глагольно-именные словосочетания, один из участников стимульного предложения при переводе становился частью предиката.

В ходе исследования было установлено, что в коми-пермяцком языке 54 предиката имеют каноническое маркирование актанта, 64 предиката – неканоническое, доминируют предикаты, имеющие неканоническое маркирование участника. При анализе неканонических конструкций выявлен 20 способов нестандартного кодирования актантов двухместных предикатов: два способа – неканонического маркирования первого участника, 18 – неканонического маркирования второго участника. В статье описываются только способы неканонического маркирования второго участника.

Для маркирования актантов двухместных предикатов в коми-пермяцком языке используются падежи и послелоги. Падежная система коми-пермяцкого языка выделяется на фоне системы коми-зырянского и удмуртского языков большим количеством единиц. В кудымкарско-иньвенском насчитывается 23 падежа***, из которых 14 составляют

* Работа выполнена в рамках реализации гранта РГНФ № 11-04-00179.

** Выражаем глубокую признательность Т.Н. Меркушевой за сбор и проверку материала анкеты в д. Кузьва.

*** Согласно Р.М. Баталовой, падежная система в кудымкарско-иньвенском диалекте включает 24 единицы (Баталова 2002: 65).

местные. Отметим, что основную часть корпуса послелогов образуют пространственные послелого. Некоторые послелого выражают синонимичные падежам отношения, вызывая тем самым вариативность оформления актантов.

1. Падежное маркирование актантов.

Для маркирования второго участника используются субъектно-объектные и пространственные падежи: номинатив, аблатив, датив, комитатив, инструменталис, элатив, иллатив, эгрессив, терминатив, суперлатив, суперэссив, суперэлатив.

1.1 Конструкция NOM PRED DAT.

Дативом управляют глаголы, выражающие адресованное сообщение: *шуны* ‘говорить’, ответитны ‘отвечать’; адресованное отношение: *веритны* ‘верить, доверять’; *завидуйтны* ‘завидовать’; адресованное воздействующее действие: *отсавны* ‘помогать’; *выйны* ‘выстрелить’; *вачкыны* ‘ударять’; *проиграйтны* ‘проиграть’. Глагол *вачкыны* допускает аккузатив. Глагол *выйны* проявляет расщепленное кодирование второго актанта в зависимости от параметра одушевленность/неодушевленность: одушевленный участник оформляется дативом, неодушевленный – иллативом.

(1) <i>Петя</i>	<i>вый-и-с</i>	<i>ош-вõ</i>
Петя	стрелять-PRT-3	медведь-DAT
‘Петя выстрелил в медведя’		

(2) <i>Петя</i>	<i>вачк-и-с</i>	<i>Маша-õс</i>
Петя	ударить-PRT-3	Маша-ACC
‘Петя ударил Машу’		

(3) <i>Петя</i>	<i>вый-и-с</i>	<i>пу-õ</i>
Петя	стрелять-PRT-3	дерево-ILL
Петя выстрелил в дерево’		

1.2 Конструкция NOM PRED INS.

Инструменталисом управляют глаголы, обозначающие действие, которое совершается при помощи какого-то предмета: *орсны* ‘играть’; *õвтны* ‘махать’; *тырны* ‘наполняться’; *вундасьны* ‘порезаться’; *вõрзõйтны* ‘пошевелить’; глаголы каузируемого состояния: *висьны* ‘болеть’; *наслаждайччыны* ‘наслаждаться’, *пахнитны* ‘пахнуть’, глаголы со значением управления объектом: *юравны* ‘возглавить, руководить’; глагол, обозначающий

отношения соединения: *сорвасьны* ‘смешаться’. Глагол *сорвасьны* ‘смешиваться’ проявляет вариативность в маркировании актанта.

(4) *Петя* *өвт-ө* *чышьян-өн*

Петя махать-PRS.3 платок-INS

‘Петя машет платком’

(5) *Ма-ыс* *сорвас-и-с* *йöv-кöt*

Мед-POSS3 смешаться-PRT-3 молоко-COM

‘Мед смешался с молоком’

1.3 Конструкция NOM PRED COM.

Комитативом управляют симметричные глаголы, обозначающие действия, совершаемые двумя или более участниками: *пантасьны* ‘встречаться’; *тышкасьны* ‘драться’; *ёртасьны* ‘дружить, жениться’; *тöдсасьны* ‘знакомиться’; *баитны* ‘говорить, разговаривать’; *согласиччыны* ‘соглашаться’; *виччыны* ‘браниться, ссориться’.

(6) *Петя* *баит-ө* *Маша-кöt*

Петя говорить-PRS.3 Маша-COM

‘Петя разговаривает с Машей’

1.4 Конструкция NOM PRED ABL.

Аблативом управляет эмотивный глагол страха *повны* ‘бояться’. В коми-пермяцком языке наблюдается расщепленное кодирование второго актанта в зависимости от параметра одушевленность/неодушевленность: одушевленный участник оформляется аблативом, неодушевленный – элативом.

(7) *Петя* *пов-ө* *пон-вись*

Петя бояться-PRS.3 собака-ABL

‘Петя боится собаки’

(8) *Петя* *пов-ө* *пемыт-ись*

Петя бояться-PRS.3 темнота-ELA

‘Петя боится темноты’

1.5 Конструкция NOM PRED ILL.

Глаголы, обозначающие движение внутрь или на поверхность объекта, управляют иллативом: *пырны* ‘входить’, *шедны* ‘попасть’, *вöйны*

‘утонуть’.

(9) <i>Чарньо́в</i>	<i>шед-і-с</i>	<i>керку-о́</i>
Молния	попасть-PRT-3	дом-ILL

‘Молния попала в дом.’

1.6 Конструкция NOM PRED ELA.

Два предиката требуют элатива: глагол движения из замкнутого пространства в открытое *петны* ‘выходить’ и эмотивный глагол страха *стесняйччыны* ‘стесняться’, второй актанта которого может быть оформлен послелогом *понда* ‘из-за’.

(10) <i>Петя</i>	<i>стесняйчч-о́</i>	<i>ас-ва-с рост-ісь</i>
Петя	стесняться-PRS.3	свой-GEN – POSS3 рост-ELA

‘Петя стыдится своего роста’

(11) <i>Петя</i>	<i>стесняйчч-о́</i>	<i>ас-ва-с рост понда</i>
Петя	стесняться-PRS.3	свой-GEN – POSS3 рост из-за

‘Петя стесняется из-за своего роста’

1.7 Конструкция NOM PRED EGR.

Данную модель управления имеет только один предикат: *зависитны* ‘зависеть’.

(12) <i>Память-ыс</i>	<i>зависит-о́</i>	<i>возрас-сянь</i>
Память-POSS3	зависеть-PRS.3	возраст-EGR

‘Память зависит от возраста’

1.8 Конструкция NOM PRED TERM.

Терминативом управляет глагол предельного действия *вокны* ‘подходить, достичь’.

(13) <i>Петя</i>	<i>вокт-і-с</i>	<i>берег-о́дз</i>
Петя	подойти-PRT-3	берег-TERM

‘Петя достиг берега’

1.9 Конструкция NOM PRED SUPLAT.

Суперлативом управляют глаголы эмоционального состояния: *влюбиччыны* ‘влюбиться’, *во́гавны* ‘злиться, сердиться’, *дивуыччыны* ‘удивляться, поражаться’, *обидиччыны* ‘обижаться’, *во́гасьны* ‘раздражаться, разозлиться’, глаголы направленности восприятия и воздействия на пред-

мет: *видзётны* ‘смотреть’, *влияйтны* ‘влиять’, глагол соответствия: *вачкисны* ‘быть похожим’, глагол, обозначающий направленность действия на предмет: *уськёччыны* ‘нападать’. Глагол *видзётны* допускает оформление актанта иллативом.

(14) *Петя*   *вачкись-ё*   *Маша-ыс-вё*
 Петя   быть_похожим-PRS.3   Маша-POSS3-SUPLAT
 ‘Петя похож на Машу’

(15) *Петя*   *видзёт-ё*   *кымёрр-ез-ё*
 Петя   смотреть-PRS.3   туча-PL-ILL
 ‘Петя смотрит на тучи’

1.10 Конструкция NOM PRED SUPES

Актант в суперэссиве имеет глагол, обозначающий проявление отношения одного участника к другому, основанного на превосходстве над ним: *издевайччыны* ‘издеваться’.

(16) *Петя*   *издевайчч-ё*   *Маша-ыс-вын*
 Петя   издеваться-PRS.3   Маша-POSS3-SUPES
 ‘Петя издевается над Машей’

1.11 Конструкция NOM PRED SUPELA.

Суперэлатив употребляется при обозначении исходного пункта движения, которым является поверхность ориентира. Подобная семантика прослеживается и у предиката *веччыны* ‘слезть’, который выражает перемещение участника ситуации сверху вниз.

(17) *Петя*   *вечч-и-с*   *вёв-вись*
 Петя   слезать-PRT-3   лошадь-SUPELA
 ‘Петя слез с лошади’

1.12 Конструкция NOM PRED NOM.

Два предиката требуют номинатива: *шусьыны* ‘называться’ и *суавны* ‘стоять’. Оба глагола выражают постоянное проявление действия. Глагол *шусьыны* допускает инструменталис.

(18) *Эта*   *инструмент-ыс*   *шусь-ё компас*
 Этот   инструмент-POSS3   называться-PRS.3 компас-NOM
 ‘Этот инструмент называется компасом’

- (19) *Эта инструмент-ыс шусь-õ компас-õн*
 Этот инструмент-POSS3 называться-PRS.3 компас-INS
 ‘Этот инструмент называется компасом’

2. Послеложное маркирование актантов

В маркировании актантов двухместных предикатов используются пространственные и каузальные послелогои: *бердõ* ‘к’, *бõрсянь* ‘за’, *йывись* ‘о’, *дынõ* ‘к’, *дынсянь* ‘от’, *понда* ‘о, из-за’, *сьõрись* ‘от’, *шогья* ‘от, из-за’.

2.1 Конструкция NOM PRED NOM понда.

Данную модель управления имеют предикаты со значением ментального и эмоционального состояния: *гажтõмчыны* ‘скучать’, *растроиччыны* ‘огорчиться, расстроиться’, *воны рад* ‘обрадоваться’, *рад* ‘быть довольным’.

- (20) *Петя гажтõмчч-õ Маша-ыс понда*
 Петя скучать-PRS.3 Маша-POSS3 из-за

‘Петя скучает по Маше’

2.2 Конструкция NOM PRED NOM бердõ.

Послелогом *бердõ* ‘к’ управляют глаголы контакта: *навкõччыны* ‘коснуться, дотронуться’ и *лякасньны* ‘прилипнуть’. Второй глагол допускает маркирование актанта суперлативом. Ситуация в этом случае осмысливается как воздействие предмета именно на поверхность предмета.

- (21) *Стакан-ыс лякас-и-с красит-õм пызан бердас*
 Стакан-POSS3 прилипать-PRT-3 красить-PC.PRT стол к.POSS3

‘Стакан прилип к покрашенному столу’

- (22) *Стакан-ыс лякас-и-с пызан-вас*
 Стакан-POSS3 прилипать-PRT-3 стол-SUPLAT.POSS3

‘Стакан прилип к столу’

2.3 Конструкция NOM PRED NOM шогья.

Данную модель управления имеет глагол *пышшавны* ‘избегать’, обозначающий действие, направленное на обособленность участника от чего-либо. Конструкция допускает маркирование актанта эггессивом или послелогом *дынсянь* ‘от’.

- (23) *Петя пышшав-õ Маша-ыс шогья*

Петя   избегать-PRS.3   Маша-POSS3   от
 ‘Петя избегает Машу’

(24) *Петя   пышишав-ӧ   Маша-сянь / Маша дынсянь*

Петя   избегать-PRS.3   Маша-EGR / Маша от
 ‘Петя избегает Машу’

2.4 Конструкция NOM PRED NOM йывись.

Послелогом *йывись* ‘о’ управляют глаголы мысли: *думайтны* ‘думать, мечтать’, *мечтайтны* ‘мечтать’.

(25) *Петя   думайт-ӧ виль   машина   йывись*

Петя   думать-PRS.3   новый машина   о

‘Петя мечтает о новой машине’

2.5 Конструкция NOM PRED NOM бӧрсянь.

Послелог *бӧрсянь* ‘за’ выражает значение ориентира (задняя сторона предмета), по отношению к которому расположен или направлен другой предмет. Такое управление имеет глагол, обозначающий «оказаться позади»: *кольччыны* ‘остаться, отстать’. Наблюдается вариативность оформления актанта послелогом *сӧбрьсь* ‘от’.

(26) *Петя   кольчч-и-с   Маша   бӧрсянь*

Петя   остаться-PRT-3   Маша   за

‘Петя отстал от Маши’

2.6 Конструкция NOM PRED NOM дынӧ.

Данную модель управления имеет глагол *вӧсявны* ‘подходить’, обозначающий отношение соответствия одного предмета другому. Конструкция допускает маркирование актанта иллативом.

(27) *Эта   пояс   вӧсяв-ӧ   мен-ам   паттӧ   дын-ӧ*

Этот   пояс   подходить-PRS.3   я-GEN   платье   к

‘Этот пояс подходит к моему платью’

(28) *Эта   пояс-ыс   вӧсяв-ӧ   мен-ам   паттӧ-ӧ*

Этот   пояс-POSS3SG   подходить-PRS.3   я-GEN   платье-ILL

‘Этот пояс подходит к моему платью’

Неканоническое кодирование актантов большинства двухместных предикатов в коми-пермяцком языке совпадает с кодированием сирконстантов других существующих в языке лексем. Семантика глагола может быть предсказующим фактором для кодирования его аргументов.

Сокращения

3 – третье лицо, ABL – аблатив, ACC – аккузатив, COM – комитатив, DAT – датив, ELA – элатив, EGR – эгрессив, GEN – генитив, ILL – иллатив, INS – инструменталис, NOM – номинатив, PL – множественное число, POSS – притяжательный суффикс, PRED – предикат, PRS – настоящее время, PRT – прошедшее первое (пре-терит), SG – единственное число, SUPLAT – суперлатив, SUPELA – суперэлатив, SUPESS – суперэссив, TERM – терминатив.

Литература

Баталова Р.М. Кудымкарско-иньвенский диалект коми-пермяцкого языка. М; Гронинген, 2002.

Сай С.С. Неканоническое маркирование актантов многоместных предикатов: опыт квантитативно-типологического исследования // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН VII, 3. СПб., 2011. С. 424 – 430.

ДЕЕПРИЧАСТИЯ В ДИАЛЕКТНЫХ ТЕКСТАХ Т.Э. УОТИЛЫ

О.И. Некрасова (Сыктывкар)

Исследование коми языка, его диалектов, связано с именами как отечественных, так и зарубежных исследователей. Одним из них является Тойво Эмиль Уотила, крупный финский лингвист (1897-1947), внёсший большой вклад в диалектологию коми языка прежде всего сбором материалов по разным его диалектам: в начале 1930-х гг. – среди коми-ижемцев, оставшихся на территории Финляндии после передачи ей согласно мирному договору района Петсамо (Печенга), в 1942-1943 гг. – в лагерях среди военнопленных коми – носителей различных диалектов. Паулой Кокконен, собранный Т.Э. Уотилой материал был сгруппирован по диалектам и опубликован в пяти томах*. Тексты представляют собой как образцы коми фольклора, так и нарративы (рассказы о жизни, занятиях, обрядах, праздниках и т.д.). Поэтому материалы имеют высокую научную ценность не только в лингвистическом, но и этнографическом аспекте исследований, хотя их крайне редко используют (Терюков 2011: 440). Тексты отражают состояние языка и диалектов первой половины XX века. Определённым недостатком можно считать неоднородное, даже недостаточное количество информаторов-носителей по диалектам: по одному представителю вымского, удорского, печорского, лузско-летского, верхнесьольского диалекта, что лишает описание известной полноты, лишь верхневычегодский диалект представляют 15 информаторов.

Целью статьи явилось исследование особенностей употребления деепричастий и деепричастных конструкций в диалектах коми языка:

**Syrjanische Texte, Band I, Komi-Permjakisch, gesammelt von T.E. Uotila. Übersetzt und herausgegeben von Paula Kokkonen. (Зырянские тексты, собранные Т.Э. Уотилой. Перевод и подготовка к изданию П. Кокконен] Helsinki, 1985. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia, 186.) Syrjanische Texte, Band II, Komi-Syrjanisch: Izma-, Pecora-, und Vum-Dialekte, gesammelt von T.E. Uotila. Übersetzt und herausgegeben von Paula Kokkonen. (Зырянские тексты, собранные Т.Э. Уотилой. Перевод и подготовка к изданию П. Кокконен]. Helsinki, 1986. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia, 193); Syrjanische Texte, Band III, Komi-Syrjanisch: Luza-, Letka-, Ober-Sysola-, Mittel-Sysola-, Prisyktyvkar-, Unter-Vycegda – und Udora-Dialekte, gesammelt von T.E. Uotila. Übersetzt und herausgegeben von Paula Kokkonen. (Зырянские тексты, собранные Т.Э. Уотилой. Перевод и подготовка к изданию П.Кокконен]. – Helsinki, 1989. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia, 202); Syrjanische Texte, Band IV, Komi-Syrjanisch: Ober-Vycegda-Dialekt, gesammelt von T.E. Uotila. Übersetzt und herausgegeben von Paula Kokkonen. (Зырянские тексты, собранные Т.Э. Уотилой. Перевод и подготовка к изданию П. Кокконен]. Helsinki, 1995. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia, 221); 252. 2006. XII + 513 p. Syrjänische Texte. Band V. Komi-Syrjänisch: Ober-Vycegda-Dialekt. M. Žikins Texte. Gesammelt von T. E. Uotila. Übersetzt und herausgegeben von Paula Kokkonen.*

частотность и особенности употребления форм и модели конструкций, представленных в текстах Т.Э. Утилы. Материал исследования прослеживает употребление деепричастий и модели конструкций, которые использовались в среде народного языка в первой половине XX века. Полностью обработан материал II и III томов, частично IV тома, приводится сводная таблица встречающихся форм.

В коми языке деепричастия имеют наиболее разветвленную (относительно других пермских языков) систему форм, в диалектах «отличаются разным составом» (Цыпанов 2011: 135), из всех инфинитных глагольных форм именно деепричастия имеют наибольшее разнообразие диалектных корреспонденций (Цыпанов 2011: 134). Деепричастные формы, функционирующие в диалектах коми языка, зафиксированы в монографиях по диалектам*, компактно и наглядно материал по деепричастиям в диалектных монографиях коми языка обобщен, дополнен и изложен в статье Е.А. Цыпанова (2011: 134-136), деепричастные формы диалектов коми и коми-пермяцкого языков охвачены в монографии Р.М. Баталовой «Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам» (1982: 149-154). Однако, как отмечают исследователи, вся система деепричастий коми языков и диалектов исследована в недостаточной мере, комплексные исследования должны иметь в качестве объекта весь коми диалектный континуум (Цыпанов 2011: 143).

В материалах Т.Э. Утилы обнаруживаются формы с отпослеложными элементами *-иг вӧдзӧ* и *-иг вылӧ*, представленные в текстах по удорскому диалекту: *нышйас кӧ туй куз'аыс шыр, сийа тӧдӧмыс туй помас'с'иг вӧдзӧ* 'если по дороге пробежит (перебежит) мышь, понятно, дороги не будет (букв. перед концом дороги)' (СТ. В.Ш. 1989:392); *а вес'кыт кӧ лудӧ, сийа ден'га петиг вӧдзӧ* 'если правая (рука) чешется, деньги будут' (букв. перед появлением денег); *Урыд с'урӧ кокнас капкан кытшас. Кытшисӧ карӧма пружинаыс збитиг вылӧ* (СТ. В.Ш. 1989:358) 'Белка попадает лапой в кольцо капкана. Кольцо сделано для того, чтобы сбить пружину (букв. для сбивания пружины)'; *новлӧдлӧны закус'итиг вылӧ н'ан' выйкӧт* (СТ. В.Ш. 1989:358) 'носят, чтобы перекусить, хлеб с маслом'. Форма *-иг вылӧ* употребляется при обозначении цели действия, *-иг водзӧ* – для обозначения будущего действия. Интересно отметить, что в среднесысольском диалекте коми языка Е.А. Цыпановым зафиксирована форма деепричастия *-игводзад*: *С'ойигводзад кырымтӧ мыс'кал* 'Перед тем как поесть, руки вымой' (Цыпанов 2011: 135). В монографии, описывающей удорский диалект коми языка (УД 1990: 82) приведены лишь деепричастные формы *-ыд*, *-ыт* с послеложными суффиксами *-вылӧ*, *-вӧдз*. Р.М. Баталова в своей работе

* Список монографий по диалектам дан в списке литературы.

(1982: 152) отмечает особенность деепричастий на *-иг* в удорском и ижемском (форма *-ыг*) диалектах коми языка: «употребляются вместо отглагольного существительного с суффиксом *-ӧм* других говоров при обозначении цели действия. При этом деепричастие сочетается с пространственными послелогом *выв*, *вылӧ* уд., *вылэ* иж.: *полиг вылӧ* уд. ‘чтоб бояться’.

В текстах, представляющих верхневьчегодский диалект (ST. В.ІV. 1995: 154), зафиксирована форма *-иг пырись*, синонимичная по значению литературной форме отдеепричастного наречия на *-ӧмӧн* – *тэрмасьӧмӧн* «торопясь, торопливо», либо форме наречия современного коми литературного языка *-ӧмпырись* со значением образа действия: *ми сек сийе термас'иг пырись кучиксе кул'им да йайсе ӧшилм* ‘тогда мы торопливо (торопясь) шкуру сняли и мясо развесили’, обнаруживается тенденция использования формы *-иг* вместо формы имени действия *-ӧм*, зафиксированная в ижемском и удорском диалектах (см. Баталова 1982: 152). Приводим таблицу зафиксированных деепричастных форм:

Деепричастная форма	ST. В.ІІ 1986. 241 с.	ST. В. ІІІ. 1989. 401 с.	ST. В. ІV (до стр.56.) 1995. 521 с.
Всего употреблений деепричастий	55	228	88
По формам			
-иг водзӧ		6	
-иг вылӧ		4	
-игӧныс		36	
-игад	1	15	1
-игам	1		
-игас	12	22	2
-иген / – игӧн	14	59	6
-игкежӧ /-иккежлӧ		3	
-игмоз	1	1	6
-игмозни		1	
-игмозныс		2	
-игтырйи /-игтыръя/ – игтыр	10	6	2
-игчӧж / – игчӧжыс		1	1
-иккості	1	3	
-мӧныс			2
-мисти	-	-	57
-тӧг	2	15	

Деепричастная форма	ST. В. II 1986. 241 с.	ST. В. III. 1989. 401 с.	ST. В. IV (до стр.56.) 1995. 521 с.
По формам			
-төгйиыд	1		
-төдз	1	15	
-төдзыд		2	
-төдзыс	2	8	15
-эмен /-өмөн	8	28	6

При сравнении данных частотности употребления деепричастных форм в художественных текстах, приведенных Е.А. Цыпановым (2011: 142) с данными текстов Т.Э. Уотилы обнаруживается некоторая разница (формы даются по убыванию):

Данные Е.А. Цыпанова	Данные по текстам Т. Уотилы
1. -өмөн	1. -иген / -игөн
2. -төг	2. -мисьти (вв.д.)
3. -игөн	3. -төдз / -төдзыд /-төдзыс
4. -төдз	4. -өмөн
5. -игтырйи	5.-игёныс
6. -игмоз	6. -игтырйи

Исследование деепричастий и деепричастных конструкций в текстах Т. Уотилы показало, что в большинстве случаев деепричастия используются одиночно: во II томе (1986) на 55 встречающихся деепричастий 33 (60%), а в III томе (1989) на 228 – 104 (45,6%). Часто такое явление связано с текстовыми функциями деепричастий, выражающимися в востребованности этих форм в нарративах, описательных текстах, развернутом повествовании (см. Цыпанов 2011:142) для обеспечения связности текста, так как из исследований (Недялков, Отаина 2012: 190) известно, что связность текста, в частности двух соседних предложений, может достигаться разными средствами. Деепричастия – одно из средств, связанных с повторением предыдущей информации. Если предложение начинается с деепричастия, то это деепричастие часто повторяет последний глагол предыдущего предложения. Наиболее часто текстовая функция в записях Т.Э. Уотилы задействована у деепричастий с формами *-игмоз*, *-иген /-игөн*, *-игёныс*, *-икоста*, *-игчөж*. При одиночном употреблении деепричастия все актанты действия, выраженного деепричастием, упомянуты в предыдущем предложении, с глаголом, поэтому с деепричастием уже не повторяются:

<...> и муртса **вермас** Иван дас кык юра гундырл'иес л'аскини. **Л'аскигмоз** Иван керыштас кумнан йурсе ешише (ST. В.IV. 1995: 16) 'эле смог Иван двенадцатиглавого дракона прижать. Прижимая, Иван отрубил еще три головы'; **И мөдеччас мунни** Д'евичей государство. **Иван Саревич муниген** воас ичет'ик керка доре (ST. В.IV. 1995: 30) 'И собрался идти в Девичье государство. Идя, Иван Царевич подошел к небольшой избе'; **Отпыр гожёмын август төлыс'ын турун пуктигөн катим** Вашка куз'а гортё. **Катигёныс** вёли кысман да пондим кысмас'ны (ST. В.III. 1989: 342) 'Однажды летом в августе месяце на заготовке сена поднимались по Вашке домой. Поднимаясь (у нас с собой) была блесна и начали рыбачить на блесну'; **Иван бос'тас бочонокёс пел'ном вылас да мөдөдчас мунны** гортас, да **мунигчөжыс** думайтё Иван: «Ак нө тайё кутшём буртор» (ST. В.III. 1989: 272) 'Иван взвалил бочонок на плечо и отправился (букв. стал идти) домой. Идя (пока шел), думал Иван: «Ах, как хорошо получилось»'; Одиночное употребление деепричастий характерно в случае наличия в предложении общего объекта – для деепричастия и глагола-сказуемого: **Пыж бөжладорас боталасё чөвтөдзыс** ледзасны джынсё мыйттём ваас (ST. В.III. 1989: 346) 'В хвостовой части лодки ботало, до того как забросить, спускают наполовину в воду'; **Лыссё течигён тал'асны** (ST. В.III. 1989: 344) 'Хвою, складывая, утаптывают'; **С'ёла л'итёг он кушты** (ST. В.III. 1989: 390) 'Рябчика, не застрелив, не оциплешь'.

Повторение информации не исключает употребления и деепричастных конструкций – деепричастий с зависимыми словами: **И та бөрти** Буа Корол'евич **мөдас мунни** Чимбал д'ад' орде бөр. **И туй вылын муниген** паныдас'асны сыли кык том морт (ST. В.IV. 1995: 28) 'После этого Буа Королевич собрался обратно пойти к дяде Чимбалу. Идя по дороге, встретятся ему два молодых человека'; Причем в противоположность одиночному употреблению, с деепричастием могут повторяться и актанты – зависимые компоненты деепричастия и глагола предшествующего предложения: **Ошкыс йайас** локтё да **пондас пу куз'аыс каны**. **Пу куз'аыс каигён** горувс'ыс капкансё нежгөдас, секи и пырас капканас (ST. В.III. 1989: 354) 'Медведь приходит на мясо и начинает подниматься по дереву. Поднимаясь по дереву, задевает капкан внизу, тогда и попадается'; **Ме ошписё понди** видзны чеп йилын. **Чеп йилас** видзигёныс локтис өт'и сус'ед (ST. В. III.1989: 316) 'Стал я медвежонка держать на цепи. Когда держал на цепи, приходит один сосед'; **Ошин дорын зон** пукале, **балалайкаен ворсе**. **Балалайкан ворсигмозыс** частушкайас с'ылале (ST. В.II. 1986: 140) 'По окном сидит парень, играет на балалайке. Играя на балалайке, поет частушки';

Анализ употребительности деепричастных конструкций с одним и более компонентом показал различия: от полного отсутствия одних конструкций и частого употребления других. В пятерку наиболее употребительных конструкций можно включить (по убыванию): 1) конструкции деепричастия с именем в форме аккузатива в качестве зависимого слова (Naccus. + Ger. = 55); 2) деепричастие с послеложно-именной конструкцией (Npost. + Ger. = 25); 3) имя в форме иллатива с деепричастием (Nillat. + Ger., 22); 4) абсолютные обороты (N/PRNnom./gen. + Ger., 20); 5) наречие с деепричастием (ADV + Ger., 19). Остальные конструкции, приведенные в таблице, используются редко (всего 34 конструкции):

Niness. + Ger.	8	Nterm.+Ger.	1
Ndat + Ger.	3	Adj. + Ger.	1
Nelat. + Ger.	6	Ger. +Ger.	1
Ninstr. + Ger.	7	PRN + Ger.	4
Nprolat. + Ger.	3		

Зафиксировано 19 конструкций с двумя компонентами. Эти данные говорят о сравнительно небольшой употребительности распространенных, развернутых конструкций и самих моделей конструкций (на 349 страниц диалектных текстов, без учета страниц перевода). Употребление конструкций с именем в форме аккузатива вызвано тесной семантической и грамматической связью переходного глагола (и глагольных форм) с прямым дополнением; в большинстве оборотов с послеложно-именной конструкцией деепричастия образованы от глаголов движения, перемещения, использование таких конструкций усиливает динамику повествования, движение, смену событий: *Ош гу динö вотöдз йöрим рычаг* (ST. В.ІІІ. 1989: 318) ‘Не доходя до медвежьей берлоги, вытащили рычаг’; *и муни (Иван) каре поп орде гöс't'u. Кар доре вотедзис Иван мамсе суутедис* (ST. В.ІІ. 1986: 36) ‘и отправился (Иван) в гости к попу. Не доходя до города, Иван мать поставил (на ноги)’. Иллативная форма имени при деепричастиях с семантикой действия, движения, перемещения имеет значение места действия, движения: *Салдат старукайаскөд бөр мунас гортаныс. И гортö во мис't'u салдат найес мездас* (ST. В.ІV. 1995: 50) ‘Солдат со старухами обратно пошел домой. Придя домой, солдат их развязал’; *Изйе кайиген дот'сэ куйим көраленыс* (ST. В.ІІ. 1986: 18) ‘Поднимаясь в гору (собираясь подняться), к саням привязывают трех оленей’; Можно отметить, что употребление деепричастий в речи зависит и от информанта: тексты, записанные у одного информанта, изобилуют деепричастиями (например, Габова – ST. В.ІV.), другие используют эти формы очень умеренно.

В речи конструкции могут инверсироваться, полностью или частично: *кутис сийö мунны д'еревн'а куз'аыс пукс'öмөн ош вылас* (СТ. В.ІІІ. 1989: 40) 'стал он ездить по деревне, усевшись на медведя' (вм. ош вылас пукс'öмөн); *А н'ан'сö тöлöдам зыр йылыс' лепталöмөн тöв водзын* (СТ. В.ІІІ. 1989: 206) 'А хлеб обвеиваем подбрасывая с лопаты на ветру';

Исследования сложного предложения с придаточными времени и их эквивалентов в коми языке – деепричастных и послеложно-именных оборотов (Кренделева 2010: 119) – показали, что «выражение одновременного начала двух действий возможно и в предложениях с деепричастными оборотами, в которых в качестве стержневого слова используется фазисный глагол, причем деепричастие может быть образовано только от одного глагола заводитны 'начать, начинать': *Вöлтар öшиньяс чышкавны заводитгас на Демит кум ыджыд стеклö жузöдiс* (Доронин 1955: 64) 'Начиная протирать окна алгаря, Демид разбил три больших стекла'. Анализ текстов Т.Э. Уогилы показывает отсутствие деепричастно-инфинитивных конструкций с фазовым деепричастием, вместо них информанты используют сложноподчиненные предложения с союзом *кор* 'когда' и сказуемого «фазовый глагол (*кутны, вошйыны, мöдэччыны, пондыны* 'начинать') + инфинитив» в подчинительной части предложения, указывающего на начало совершения какого-либо действия: *Кор кутан тэ лэбни китса вылын, воас пемыдiн, с'инте эн восьт* (СТ. В.ІV. 1995: 16) 'Когда будешь ты лететь на птице, наступит темнота, глаз не открывай'; *С'öла лыясны чипсанöн арсö, кор с'öлаыс пондас чипсавны* (СТ. В.ІІІ. 1989: 366) 'Рябчика стреляют с пищалкой осенью, когда рябчик начнет свистеть'; *Кор горте бөр кучис локны, сыа адздзис уткасе* (СТ. В.ІІІ. 1989: 62) 'Когда обратно стал идти домой, он увидел утку'; При трансформации сказуемого подчиненного предложения, выраженного такими конструкциями в деепричастный оборот, фазовый глагол опускается (не используется): *Кор кутан тэ лэбни китса вылын, воас пемыдiн* 'Когда будешь ты лететь на птице, наступит темнота' – *Китса вылын лэбигад воас пемыдiн* 'Летя на птице (досл.), наступит темнота'. Конструкции деепричастия с инфинитивом, в том числе фазового деепричастия от глагола *заводитчыны* 'начинать, начать' с инфинитивом характерны для художественных, научных и других текстов литературного языка, очень редко встречаются в фольклорных текстах: *Со эстён пу дорас менам шöркост вокöй куйлö. Сöмын сийö неуна пельтöм да оз кыв, сёрнитны заводиттöдз колö сылы кучкыны* (Важ коми 1950: 44) 'Вон там у дерева мой средний брат лежит. Только он немного глуховат и не слышит, до того как начать говорить, нужно его ударить'.

Исследование диалектных текстов Т.Э. Уотилы, записанных автором в 1942-1943 гг. XX века, с точки зрения использования деепричастий, деепричастных конструкций позволяет сделать определенные выводы относительно функционирования этой формы глагола в среде разговорного языка в первой половине XX века. В отличие от русского языка, в котором деепричастные обороты и деепричастия – это характерная примета письменной (книжной) речи, прежде всего – официально-делового и научного стиля (Розенталь 2005: 324), в коми языке деепричастия и деепричастные конструкции характерны и для народной речи (на 349 страниц текста – 371 употребление деепричастий и конструкций с деепричастием). Выявлены наиболее употребительные формы. Наиболее развито одиночное употребление деепричастий, тем не менее выявлено 13 моделей конструкций, используемых в текстах, в том числе абсолютных оборотов. Отсутствуют конструкции деепричастий (фазовых, модальных) с инфинитивом, вместо них информанты используют сложноподчиненные предложения. Ярко выражена текстовая функция деепричастий.

Сокращения

Adj. – прилагательное
 ADV – наречие
 Ger. – деепричастие
 N/PRNnom./gen. – имя / местоимение в форме номинатива либо генитива (абсолютная конструкция)
 Naccus. – имя в форме аккузатива
 Ndat – имя в форме датива
 Nelat. – имя в форме элатива
 Nillat. – имя в форме иллатива
 Niness. – имя в форме инессива
 Ninstr. – имя в форме инструменталия
 Npost. – послеложно-именная конструкция
 Nprolat. – имя в форме пролатива
 Nterm. – имя в форме терминатива
 PRN – местоимение

Литература и источники

Баталова Р.М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки). М., 1982.

Важ коми – Важ коми мойдъяс / Подготовил П.Доронин. 1950.

Жилина Т.И. Верхнесысольский диалект коми языка / Отв. ред. Е.С. Гуляев. М., 1975.

Жилина Т.И. Вымский диалект коми языка / Отв. ред. Г.В. Федунева. Сыктывкар, 1998.

Жилина Т.И. Лузско-летский диалект коми языка / Отв. ред. Г.Г. Бараксанов. М., 1985.

Жилина Т.И., Бараксанов Г.Г. Присыктывкарский диалект и коми-литературный язык. М., 1971.

Колегова Н.А., Бараксанов Г.Г. Среднесыольский диалект коми языка / Отв. ред. Т.И. Жилина. М., 1980.

Кренделева Т.В. Сложноподчиненные предложения с придаточными времени и их эквиваленты в коми языке: Дис. ... к. филол. н. Сыктывкар, 2010.

Недялков В.П., Отаина Г.А. Очерки по синтаксису нивхского языка / Отв. ред. Э.В. Генюшене. М., 2012.

Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке / Под ред. И.Б. Голуб. М., 2005.

Сахарова М.А., Сельков Н.Н. Ижемский диалект коми языка / Отв. ред. В.И. Лыткин. Сыктывкар, 1976.

Сахарова М.А., Сельков Н.Н., Колегова Н.А. Печорский диалект коми языка / Отв. ред. В.И. Лыткин. Сыктывкар, 1976.

Сорвачева В.А., Сахарова М.А., Гуляев Е.С. Верхневычегодский диалект коми языка. Сыктывкар, 1966.

Сорвачева В.А. Нижневычегодский диалект коми языка / Отв. ред. Г.Г. Бараксанов. М., 1978.

Сорвачева В.А., Безносикова Л.М. Удорский диалект коми языка / Отв. ред. В.А. Ляшев. М., 1990.

Терюков А.И. История этнографического изучения народов коми / Рос. Акад. наук. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. СПб., 2011.

Цыпанов Е.А. История и проблемы исследования деепричастий в коми языке // Динамические процессы в системах пермских языков. – Сыктывкар, 2011.

ST. B.II. 1986 – Syrjänische Texte. Band II. Komi-Syrjänisch: Izma-, Pecora-, und Vum-Dialekte, gesammelt von T.E. Uotila. Übersetzt und herausgegeben von Paula Kokkonen. (Зырянские тексты, собранные Т.Э. Уотилой. Перевод и подготовка к изданию П.Кокконен). Helsinki, 1986. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia, 193).

ST. B.III. 1989 – Syrjänische Texte. Band III. Komi-Syrjänisch: Luza-, Letka-, Ober-Sysola-, Mittel-Sysola-, Prisyktyvkar-, Unter-Vycegda- – und Udora-Dialekte, gesammelt von T.E. Uotila. Übersetzt und herausgegeben von Paula Kokkonen. (Зырянские тексты, собранные Т.Э. Уотилой. Перевод и подготовка к изданию П.Кокконен). Helsinki, 1989. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia, 202).

ST. B.IV. 1995. – Syrjänische Texte. Band IV. Komi-Syrjänisch: Ober-Vycegda-Dialect, gesammelt von T.E. Uotila. Übersetzt und herausgegeben von Paula Kokkonen. (Зырянские тексты, собранные Т.Э. Уотилой. Перевод и подготовка к изданию П.Кокконен). Helsinki, 1995. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia, 221).

ИСТОРИЯ КОМИ-ЯЗЬВИНСКИХ ГЛАСНЫХ

В.В. Понарядов (Сыктывкар)

В отношении вокализма коми-язьвинский диалект является, несомненно, самой дивергентной разновидностью коми языка. Его система гласных отличается от систем всех других коми диалектов. Уникальным является наличие в нем неогубленного гласного заднего ряда среднего подъема *ө*. Кроме того, наличествуют огубленные гласные среднего ряда *о̆* и *й*, которые, хотя и находят аналогии в двух коми-зырянских диалектах – вишерском и восточно-вычегодском, представлены там с отличающейся дистрибуцией. С другой стороны, в коми-язьвинском отсутствуют широко распространенные в других диалектах и обоих коми литературных языках неогубленные гласные среднего ряда *і* и *е*.

Чтобы объяснить сложные соответствия коми-язьвинских гласных с гласными других коми и удмуртских диалектов, предлагались различные варианты реконструкции прапермской вокалической системы, включающие по 11–15 фонем (Itkonen 1953; Лыткин 1964; Некрасова 2000: 19-21; Csúcs 2005: 58-79; Норманская 2009). В частности, для объяснения соответствия коми-язьвинских гласных верхнего подъема *и*, *й*, *і* гласным среднего подъема *о*, *е*, *ӗ* в других коми диалектах обычно предполагается существование в языке особых закрытых гласных *о̆*, *о̆̄*, *ӗ̄*. Слабым местом является то, что в этом случае прапермская система оказывается необыкновенно сложной, включающей гласные четырех степеней подъема. В современных пермских языках ничего похожего не встречается. Реальность существования такой системы маловероятна и с общетипологической точки зрения. Более того, при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что даже постулирование столь сложных систем не обеспечивает регулярной выводимости из них современных межпермских вокалических соответствий. С другой стороны, такие реконструированные прапермские системы сами плохо выводятся из более ранних вокалических систем прафинно-пермского и прафинно-угорского уровней.

Решить проблему позволяет рассмотрение прапермской вокалической системы в качестве закономерного переходного этапа от прафинно-пермского состояния к современности. Ранее автором настоящей работы было показано, что современные коми-зырянские гласные, точно так же, как финские, эрзянские и марийские, при учете влияния фонетического окружения могут быть регулярно выведены из прафинно-пермской системы, включавшей семь фонем **a*, **o*, **u*, **ä*, **e*, **i*, **ï* (Понарядов 2013). То же самое верно и в отношении удмуртских гласных. Рассматривая прапермское состояние как переходную ступень от прафинно-пермской системы

к современным пермским системам, его можно восстановить как последнюю стадию идущих наиболее прямолинейным путем эволюционных процессов, общих для коми и удмуртского развития. В таком случае необходимой и достаточной для объяснения рефлексов в современных языках будет прапермская система, включающая только восемь фонематических единиц, наиболее вероятным образом восстанавливаемых в виде **a*, **o*, **u*, **e*, **i*, **ε*, **ε*, **i*, но при этом оказывается, что даже в истории уже разделившихся отдельных пермских языков на их развитие продолжало влиять противопоставление двух прафинно-пермских типов основ, различившихся ауслатными гласными второго слога. Основы первого типа оканчивались на широкие гласные **a*, **ā*. Основы второго типа оканчивались на узкий гласный, вариативно реконструирующийся различными исследователями в виде **e* или **i*. Исходя из типологических соображений мы предпочитаем последний вариант реконструкции и, таким образом, говорим о прафинно-пермских а-основах и *i*-основах.

Поскольку ауслатные гласные в позднем пермском языке почти повсеместно отпали, они, казалось бы, не могли продолжать влиять на развитие гласных первого слога. Тем не менее зависимость этого развития от противопоставления двух старых типов основ четко прослеживается. Эта парадоксальная ситуация объясняется тем, что на развитие гласных первого слога после отпадения ауслатных гласных продолжала влиять особая фонетическая сущность паразитического характера, автоматически возникавшая между гласным первого слога и последующим согласным под влиянием гласного **i* второго слога еще в тот период, когда он не был утрачен. По-видимому, первоначально это был неслоговой *i*-образный вокалический элемент, порождаемый явлением регрессивной ассимиляции: органы речи начинали принимать положение, необходимое для произнесения звука **i* второго слога, сразу после произнесения гласного первого слога. Например, пфпрм. **kāli* 'язык' превращалось в **kā̃li*. На этом этапе вставка подобного *i*-образного элемента была нефонематичной. Но потом он совпал с ранее существовавшим в языке согласным **j*, вследствие чего естественным образом фонологизировался, превратившись в самостоятельный «паразитический йот», который возникает в пермских словах «из ничего» комбинаторным путем, не происходя от каких-либо допермских звуков. Таким образом, **kā̃li* превращалось в **kājli* и затем, после свойственной позднепрапермскому периоду вокалической перестройки, в **kijl*. После отпадения ауслатных гласных именно сохраняющийся паразитический йот стал тем фактором, который, будучи связан происхождением со старыми *i*-основами, продолжал оказывать влияние на развитие гласных первого слога.

После разделения пермского праязыка в дальнейшей самостоятельной истории отдельно развивающихся диалектов паразитический йот был частично утрачен, но в ряде случаев сохраняется до сих пор, претерпев метатезу и поменявшись местами с соседствующим согласным. Например, подобное происхождение имеет согласный *j* в удм. *gožjani* ‘писать’ < ппрм. **gejž-*, ср. кз., кп. *gižni*, уд. диал. *gežni*. Однако чаще всего его продолжением является вставочный звук *j*, который появляется у многих коми существительных при присоединении суффиксов с вокалическим началом: *kil-j-is*, *kiv-j-is* ‘его язык’ и т.п. Связь появления этого звука с допермскими *i*-основами давно установлена; однако нужно отметить, что вследствие аналогического выравнивания его наличие или отсутствие у отдельных лексем не всегда этимологически оправдано. Кроме того, его употребительность различна в разных коми диалектах; в общем, на севере коми языкового ареала он распространен шире, чем на юге. Эта тенденция, в частности, приводит к тому, что у живущих на крайнем юго-востоке коми-язвинцев вставочный *j* довольно малоупотребителен.

По отношению к гласным других разновидностей коми языка коми-язвинские гласные можно разделить на две группы. Обычно в первом слоге коми-зырянским и коми-пермяцким *a*, *o*, *u*, *i* в коми-язвинском однозначно соответствуют те же гласные, а зырянскому и пермяцкому *i* в язвинском однозначно соответствует гласный *ø*. Здесь имеет место прямое продолжение прапермского и пракоми состояний, где в этих случаях были представлены те же гласные *a, *o, *u, *i, *i. С другой стороны, зырянским и пермяцким гласным среднего подъема *o*, *e*, *e* в язвинском соответствуют или средние гласные *o*, *ó*, *e*, или узкие *u*, *u*, *i*. Такое расщепление является язвинской инновацией: в пермском праязыке в обоих случаях были представлены те же гласные *o, *e, *e, что в зырянском и пермяцком, но язвинская рефлексация зависит от исторического наличия после них паразитического йота.

Нижеследующая таблица иллюстрирует полный путь типичного развития гласных первого слога от прафинно-пермского до современного коми-язвинского состояния.

Прафинно-пермский период		Прапермский период		Современный коми-язвинский диалект	
в <i>a</i> -ОСНОВАХ	* <i>a</i>	* <i>para</i> * <i>karwa</i>	* <i>u</i>	* <i>bur</i> * <i>kuriŋ</i>	<i>u</i> <i>bur</i> ‘хороший’ <i>kurø t</i> ‘горький’
	* <i>o</i>	* <i>lowna</i> * <i>wosa-</i>	* <i>u</i>	* <i>lun</i> * <i>vuzal-</i>	<i>u</i> <i>lun</i> ‘день’ <i>vuza·lnø</i> ‘продавать’
	* <i>u</i>	* <i>čukka-</i> * <i>turpa</i>	* <i>i</i>	* <i>čik-</i> * <i>tirpi</i>	<i>ø</i> <i>čøknø</i> ‘портиться’ <i>terp</i> ‘губа’

Прафинно-пермский период		Прапермский период		Современный коми-язьвинский диалект		
в а-основах	*ä	*kämä *säppä	*e	*kem *sep	ó	kóm ‘коты (вид обуви)’ sóp ‘желчь’
	*e	*elä- *kerä-	*o	*ol- *kor-	o	o·lnø ‘жить’ ko·rnø ‘просить’
	*i	*wirtä-	*e	*verd-	e	ve·rdnø ‘кормить’
	*ü	*kürtä *wüďä	*e	*kert *vel	ó	kört ‘железо’ vól ‘лошадь’
в i-основах в открытом слоге	*a	*ńali- *pali	*uj	*ńujl- *pujl	u	ńulnø· ‘лизать’ pul ‘брусника’
	*o	*đ’omi *śomi	*ej	*l’ejm *śejm	u·	l’u·m ‘черемуха’ śu·m ‘чешуя рыбы’
	*u	*lumi *uči	*ij	*lijmi *ijž	ø	løm ‘снег’ øž ‘овца’
	*ä	*käli *ńäri	*ij	*kijl *ńijr	ø	køl ‘язык, слово’ nør ‘нос, клюв’
	*e	*peli- *keri	*oj	*pojł- *kojr	u·	pu·lnø ‘бояться’ ku·r ‘лист’
	*i	*nimi *piñi	*ij	*ńijm *pijñ	i	ńim ‘имя’ piñ ‘зуб’
	*ü	*küsi *türi	*ij	*kijz *tijr	ø	køz ‘толстый’ tør ‘полный’
в i-основах в закрытом слоге	*a	*ańci- *lappi	*aj	*a j ž - > *ažž- *lajp	a	a·žžinø ‘видеть’ la·pja pe·l’a ‘с отвислым ухом (о собаке)’
	*o	*čočki *kowti	*aj	*žajži *kwajt	a	žajž(j) ‘полка’ kvat’ ‘шесть’
	*u	*tuwli	*ej	*tejl	u·	tu·l ‘ветер’
	*ä	*käski- *täłsi	*ej	*kejs- *tejleš	ó	kó·sjinø ‘обещать’ tó·liš ‘луна’
	*e	*keski *lewli	*oj	*kojsk *lojl	u·	ku·sk ‘поясница’ lu·l ‘душа, дыхание’
	*i	*šilmi wijti	*ij	*šijnm *vijt	i	šin(m) ‘глаз’ vit ‘пять’
	*ü	*küłmi *nüški	*ij	*kijnm- *nijž	ø	kønminø· ‘мерзнуть’ nøž ‘тупой’

В отдельных случаях в развитии коми-язьвинских гласных происходят дополнительные отклонения, связанные с влиянием соседних согласных. Например, ппрм. **i(j)* обычно превращается в кя. *ө*, но регулярно обнаруживает отличающийся рефлекс *i* в позиции перед мягкими согласными: ппрм. **vijl'* > кя. *vil'* 'новый'; ппрм. **mil'i* > кя. *mil'* 'маленький фурункул'. Также ппрм. **e* перед **l* в закрытом слогe регулярно переходит в *ó*: ппрм. **velt* > кя. *vólt* 'новый'; ппрм. **kel* – > кя. *kó·lnø* 'брести, перебрести'. Кроме того, иногда отклонения могут быть связаны с заимствованием слов из других коми диалектов. В общем же коми-язьвинские гласные хорошо выводятся из реконструированных нами прапермской и прафинно-пермской вокалических систем по сформулированным в данной работе правилам регулярного развития.

Сокращения:

языки и диалекты: кз. – коми-зырянский; кп. – коми-пермяцкий; кя. – коми-язьвинский; ппрм. – прапермский; пфпрм. – прафинно-пермский; уд. – удорский; удм. – удмуртский.

Литература

- Лыткин В.И.* Исторический вокализм пермских языков. М., 1964.
Некрасова Г.А. Коми кывлӧн историческӧй фонетика. Сыктывкар, 2000.
Норманская Ю.В. Новый взгляд на историю пермского вокализма // Вопросы уралистики 2009. СПб., 2009.
Понарядов В.В. О финно-пермском вокализме // Вопросы уралистики 2012. СПб., 2013.
Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache (Bibliotheca Uralica 13). Budapest, 2005.
Itkonen E. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den permischen Sprachen // Finnisch-ugrische Forschungen, Bd. XXXI, Heft 3. Helsinki, 1953.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА ФЕДОТ АЛЕКСЕЕВИЧ ВОЛЕГОВ

Р.П. Попова (Сыктывкар)

XIX век в России ознаменовался активным ростом исследований языков, традиционной культуры, истории народов, поиском языкового родства, развитием сравнительно-исторического языкознания, что непосредственно коснулось и финно-угорских языков и народов. Огромный вклад в исследование языков в этот период вносили как отечественные, так и зарубежные ученые. Следует отметить, что в этот период к изучению языков часто подключались люди по роду своей деятельности весьма далекие от лингвистики. Исследуя разные аспекты языка, они вносили свой, часто весьма значительный вклад в его развитие. Коми-пермяцкий язык не является в этом плане исключением. Ярким представителем, не имеющим специального филологического образования, но ставшим волею судьбы автором первой печатной научной грамматики пермяцкого языка и «Пермяцко-русского, русско-пермяцкого словаря», был управляющий иньвенскими дачами графов Строгановых Николай Абрамович Рогов. Со Строгановыми же связано имя еще одного исследователя – Федота Алексеевича Волегова. Вклад этого исследователя в историю коми-пермяцкого языкознания хотелось бы подробнее рассмотреть в данной статье.

Ф.А. Волегов родился в 1790 г. в д. Старый Посад Оханского уезда Пермской губернии в семье крепостного крестьянина. Обучаясь в школе, Ф.А. Волегов проявил редкие математические способности, что повлияло на его дальнейшую судьбу. В 1807 г. Ф. Волегова как одного из одаренных выпускников отправляют в Петербург на службу в Главную Санкт-Петербургскую контору графов Строгановых. За безупречную работу в 1818 г. Ф.А. Волегов получает вольную и на протяжении 10 лет работает в различных учреждениях столицы, в том числе в Правительствующем сенате. В 1828 г. Ф.А. Волегов выходит в отставку и возвращается на родину, где снова начинает работать в имениях графов Строгановых в должности управляющего. Находясь на службе в столице и имея широкий доступ в библиотеку и архив Строгановых, Ф.А. Волегов проявляет интерес к наукам. Он тщательно собирает и изучает материалы, связанные с историей рода Строгановых и в дальнейшем использует их в своих исследовательских работах. Следует отметить, что Ф.А. Волегов как исследователь был весьма скромным, поэтому при жизни лишь три его работы были опубликованы в «Пермских губернских ведомостях» в 1854-55 гг. Это «Сведения о пермских соляных промыслах, основанных фамилиею графов Строгановых», этнографические очерки «Пермяки» и «О способах приготовления угля, смолы и дегтя в пермских имениях графов Строгановых».

Другие работы Ф.А. Волегова были опубликованы уже после его смерти благодаря известному краеведу, члену Пермской ученой архивной комиссии А.А. Дмитриеву, которым на чердаке дома Волегова были обнаружены личный архив и рукописи исследователя. А.А. Дмитриевым была проделана огромная работа по изданию его работ и по популяризации Ф.А. Волегова как историка графов Строгановых. В научных кругах Ф.А. Волегов больше известен как историк рода Строгановых, краевед, этнограф. Однако его научные интересы не ограничивались краеведением и этнографией, его внимание привлекали так же языки и культура народов Прикамья. Исследователи отмечают, что он был русским по происхождению, но в совершенстве владел коми-пермяцким языком, что в дальнейшем позволило ему внести свой вклад в его изучение.

Ф.А. Волегов является автором лексикографической работы «Словарь Русско-пермяцкий», рукопись которой была им передана венгерскому путешественнику, этнографу Анталу Регули. В 1841 г. по заданию Венгерской Академии наук с целью поиска и изучения прародины венгров Антал Регули прибывает в Россию и в течение 5 лет изучает жизнь, быт, культуру и языки народов Волго-Камского бассейна, Урала и Сибири. В декабре 1843 г. Антал Регули прибывает в Пермский край и здесь встречается с Ф.А. Волеговым, который и вручает ему рукопись составленного им и датированного 1833 г. «Словаря», а также еще одну небольшую, но весьма интересную работу, составленную в 1835 г., которая называется «Свод некоторых слов русских, пермяцких, зырянских, вотяцких и чувашских». В сопроводительном письме Ф.А. Волегов пишет «В проезде мной в 1835 г. по Вятскому и Казанскому тракту, в перемене лошадей, на станциях, я собрал до 400 слов из языка Вотяков и Чуваш с намерением слить их с Пермяцким и Зырянским языком, и чтобы из сего свода вывести заключение: точно ли язык тех и других сходен и одного ли они финского поколения, как до сих пор почти все Русские историки говорят» (4:8). По этой части письма становится ясно, что Ф.А. Волегов не просто фиксировал лексику коми-пермяцкого языка, но был знаком с научной литературой, описывающей родство финно-угорских языков, и его интересовали вопросы языкового родства.

Словарь Ф.А. Волегова был издан в 1968 г. в Будапеште известным ученым финно-угроведом Кароём Редеем. В данной статье хотелось бы кратко остановиться на вышеназванном «Своде».

Итак, «Свод некоторых слов русских, пермяцких, зырянских, вотяцких и чувашских» представляет собой небольшой словник, состоящий из 200 русских слов, расположенных по алфавиту (с буквы А по букву П) и эквивалентов этих слов на пермяцком, зырянском, вотяцком (удмуртском)

и чувашском языках. Приведен счет от единицы до тысячи и некоторые наименования денежных единиц. Слова не разбиты по тематическим группам, однако создается впечатление, что автор привел не просто набор слов, но постарался включить слова, относящиеся к разряду общепермских (части тела: п., з., в., *юр* «голова»; п., з., в., *синь* «глаза»; п., в., *юрси*, з., *юрсы* «волосы»; п., з., *кынэмь*, в., *кыть* «брюхо»; термины родства: п., *вон*, з., *вокъ*, *вока* «брат»; слов, характеризующие природные явления: п., *тэла*, з., в., *тыль* «ветер», п., *зэръ*, з., *зырь* «дождь»; наименования птиц и животных: п., з., в., *порсь*, п., *кэинъ*, з., *каинъ*, в., *кэнь* «волк»; п., *эшка*, з., *ишка*, в., *ошь* «бык»; п., *иньдыды*, з., *инь-гулю*, в., *дыдыкъ* «голубка». Приведены в основном имена существительные, а также в небольшом количестве имена прилагательные и глаголы (глаголы даны как в форме инфинитива, так и в форме 3 лица ед. ч.). За исключением трех слов (воробей, головня и зять) даны все коми-пермяцкие эквиваленты, порядка 30 слов не приведено на зырянском, 45 на удмуртском и 54 на чувашском языках.

Пермяцкие и зырянские слова приведены из эловых диалектов. Большинство слов пермяцких и зырянских соответствуют современным литературным или диалектным формам, но, наряду с этим, встречается ряд слов, не функционирующих в настоящее время в языках, например: к-п: *аша* «бочка», *тишьнва* «вино», *тулан* «кузнец»; к-з: *кертог* «гвоздь», *дедай* «девушка», *ашиша* «бочка».

В ряду пермяцких приведены слова, в настоящее время не употребляющиеся в коми-пермяцком языке, но активно функционирующие в коми-зырянском: *эскан* «вера», *се* «сто», *сюрс* «тысяча», *сьём* «деньги».

Как видим, Ф.А. Волегов – этнограф, краевед, историк – играл огромную роль в становлении и развитии коми-пермяцкого языка и культуры. Он оставил свой значительный след не только в коми-пермяцкой лексикографии, но внес вклад в сравнительно-историческое языкознание.

Литература и источники

Алексеев А.А. Ф.А. Волегов и его «Свод некоторых слов русских, пермяцких, зырянских, вотяцких и чувашских» 1835 года // Вопросы истории и грамматики чувашского языка. Чебоксары, 1997. С. 133-144.

Дмитриев А.А. Ф.А. Волегов как историк Стругановых. Пермь, 1884. С. 84.

Дмитриев А.А. Федот Алексеевич Волегов (1790-1856). // Пермский край. Сборник сведений о Пермской губернии, издаваемый Пермским Губернским Статистическим Комитетом. Пермь, 1895. Вып.3. С. 120-122.

Permjakisches Wörterverzeichnis aus dem Jare 1833 auf Grund der Aufzeichnungen F.A. Wolegows von Karoly Rédei. Budapest, 1968.

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ СОЮЗОВ В КОМИ-ЗЫРЯНСКОМ ЯЗЫКЕ И СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ.

Э.Н. Попова (Сыктывкар)

В развитии категории союза в коми языке первостепенную роль сыграл русский язык, начиная с древнепермского периода и по наши дни. Степень влияния русского языка на коми-зырянский язык была настолько сильной и разносторонней, что коснулась всей системы коми языка в целом: лексики, фонетики, грамматики.

Среди сочинительных союзов на базе собственного языка сформировался только союз *сэсся* 'и, затем; да и'. Остальные являются заимствованными из русского языка или представляют кальку с русского (*a sidžəžə* 'а также', *кыдзи – сідзи* 'как – так и', *не (эз) сёмын – но и* 'не только – но и' и др.). Среди подчинительных союзов обнаруживается также много заимствованных из русского и представляющих кальку с русского. И заслуга в этом не только русского литературного языка, но и русских говоров. Исследования показывают, что в отношении союзов коми-зырянский язык обнаруживает общие черты в функционировании союзов в севернорусских говорах.

Целью нашей работы является выявление общего и специфического в функционировании союзов в коми-зырянском языке и севернорусских говорах.

Из сочинительных союзов в коми языке следует отметить разделительный союз *али* 'или', употребляющийся в русских народных говорах, напр.: (к.-з. яз.) *Ставён локтёмась встречайтны, но оз тёдны кодёс, оз тёдны, мый вайёны сійё тёдтёмьясыс: шуд али синва, нянь али тиыгьялём* (Пыстин 1987: 126) 'Все пришли встречать, но не знают кого, не знают, что несут те незнакомые: счастье или слезы, хлеб или голод', *Менё да готыръяснымёс дэльёдём могьсь, али нёшта мыйлакё, нёшти соссытёг Миша висьталёс, кыдзи Поликарпыс сійёс зібьявлёма...* (Юшков 1979: 92) 'С целью подразнить меня и наших жен, или еще зачем-то, нисколько не скрывая, Миша рассказал, как Поликарп избил его...' – (рус. нар. гов.) Она, не знаю, Захарку тётка будё али сёстра (Вол.), *Она пахала али дома была?* (Арх.) (Шапиро 1953: 228). Литературный русский язык использует союз или, синонимичный союзу *али*. Союз *али* в финно-угорских языках имеет широкий ареал употребления: помимо коми языков, функционирует в прибалтийско-финских языках: водском, карельском, вепсском, лутовском диалекте эстонского языка, в котором иногда имеет также оттенок противительного союза (Карелсон 1959: 26); в саамском языке (Керт 1971: 220).

В коми-зырянских диалектах часто употребляются заимствованные из русского, семантически равные специализированному союзу *кӧ* 'если' условного значения, устаревшие, имеющие просторечную окраску, характерные для синтаксиса сложного предложения в севернорусских говорах, союзы *так* (*дак*), *ежели*, *коли*, напр.: (к.-з. яз.) (лл.) *Здоровйатӧ воштан так, д'ен'га вылӧ он н'ӧб* (Лет.) 'Если потеряешь здоровье, на деньги не купишь' (ЛЛД: 112), (уд.) *Мунан дак, бӧр ин лок* (Важ.) 'Коли пойдешь, обратно не приходи' (УД: 101); (иж.) *Йӕжел'и с'орма, ин пин'оо* 'Если задержусь, не ругай' (ИД: 113), (лл.) *Йӕжел'и буд'и йуны кӧ мӧдас, бур оз ло* (З.) 'Если пить будет, добра не жди' (ЛЛД: 112), (вым.) *Йӕжел'и тӕ гортӧ ветлан, тайӧ олӧмтӧ ин вис'тоо* (Онеж.) 'Если ты поедешь домой, про это хозяйство не говори' (ВД: 165); (лл.) *Кӧл'и витчӧ, эн и лӕчы* (Н.) 'Коли ругается, и не ходи' (ЛЛД: 112), (вым.) *Кол'и кыйин лӧз кӧрсӧ, сӕс'с'а н'ӕкутиӧм пӧтка тӕыс' оз уд'ит, вӕс'ыс тӕнад лӧӧ* (С.) 'Коли поймал синего оленя, теперь ни одна птица от тебя не уйдет, все будет твое' (ВД: 165) – (рус. нар. гов.) *Ежели не пашол я работать, есть нецево* (Ряз.), *А ежели одну саргу заплел не так, и выйдед неладно, расплетать надо* (*сарга* – узкая полоса лыка) (Арх.); *Ноцной, говорит, коли хочешь* (Арх.), *Коли здоров, не один день не прогулят даром* (Перм.) (Шапиро 1953: 97; 98).

В лузско-летском диалекте (Пор.) встречается союз *кӧбы* (*как бы*) 'если бы, кабы' (ССКЗД: 168; ЛЛД: 110), также пришедший из русских народных говоров. В языке-источнике образовавшийся в результате опрощения структуры *как бы*. Как отмечает Черкасова: «В союзе *кабы*, в отличие от союза *как бы*, основным становится условное значение. Другие значения угасают...» (Черкасова 1973: 110). Однако соответствующего примера с союзом *кӧбы* (*кабы*) в указанных нами источниках не находим, что можно объяснить, на наш взгляд, редким бытованием союза в диалекте.

Сочинительные союзы в коми языке, хотя в большинстве своем заимствованы из русского языка, сохранив при этом свои значения, поставлены во многом иначе, чем в языке-источнике. Об этом в свое время отмечал еще Д.В. Бубрих. И эту особенность исследователь находил прежде всего в том, что «коми язык допускает трактовку сочинительных союзов как сопровождающих то слово, после которого они стоят». Такая трактовка «не мирится с повторением союзов перед каждой из сочинительных единиц. Поэтому в соответствующих случаях оказывается одно из двух: либо союз опускается перед первой из сочиняемых единиц < > либо союз повторяется после каждой из сочиняемых единиц; при трактовке сочинительных союзов как сопровождающих те слова, после которых они стоят (при старой трактовке), союз может оказываться заключающим все сочинительное построение» (Бубрих 1949: 190-191). К примеру, возьмем союзы *и* 'и', *и ...*

и 'и ... и', ни 'ни', ни ...ни 'ни ... ни', которые в конструкциях при соединении синтаксических единиц – однородных членов, предикативных частей в сложносочиненных предложениях, отдельных предложений в тексте – могут употребляться как перед каждым соединяемым компонентом, так и после, напр.: *Ыбъяс вылын лымйыс инёпкысис-вёйис, небзис, и абу нин тóлын кодь син ёран югыд* (Раевский 1988: 41) 'Снег на возвышенностях осел, разрыхлился, и не такой уже ослепительно яркий, как зимой', – *Черийд быдса ведра багажникын, пестер тыр тшак и*, – эз веськыда вочавидз мóдыс... (Напалков 1996: 19) ' – *Рыбы целое ведро в багажнике, и грибов полный пестерь*, – не прямо ответил тот'; *Страдатó век виччысьлісны праздникóс моз, дасьтылісны сэк кежлó и паськóм, и сёян-юан* (Льюров 1988: 57) 'Страду всегда ждали как праздник, готовили к тому времени и одежду, и провизию', *Долыд вывсьыс Наталь самóвар чуйдіс пуктыны, а сэсыя мыйсó на эз ваяв пызан вылас: чери латкатó и, сола тшактó и, пувтó и* (Юшков 1988: 159) 'От радости Наталья решила поставить самовар, а затем что только не принесла на стол: и плошку с рыбой, и соленые грибы, и бруснику'; *Но та йылысь некодлы эз висьтавлы, ни аскóдыс Левоньыскóд эз сёрнитлы* (Изьюров 1984: 83) 'Но об этом никому не говорил, ни с самим Левонтием не беседовал', *Муста-Тунтури йылысь сэки пóшти некóн эз кывсьыв, военнóй сводкаясын эз гаравсьы ни* (Безносиков 1973: 20) 'Про Муста-Тунтури тогда почти нигде не было слышно, ни в военных сводках не упоминалось', *Нинóm оз нин ков Прокó Васькалы вывсьянь усяныс: ни ышняян пенсияыс, ни ошкóм-ыдждóдлómыс* (Юшков 1988: 8) 'Ничего уже не нужно Василию Прокопьевичу с верху падающего: ни пенсии, которой можно гордиться, ни хвалы и величия', *Ручка ни, карандаш ни ки улын абу* 'Ни ручки, ни карандаша нет под руками'.

Описанные грамматические явления характерны не для всех сочинительных союзов – только для соединительных. А.С. Сидоров также обращает внимание на необычное – постпозитивное – употребление соединительных сочинительных союзов в коми языке: «Соединительные сочинительные союзы могут употребляться в коми языке соответственно суффиксального строя коми слова в постпозиции, в роли союзных частиц. < > Переход союзных частиц в препозицию, нужно думать, произошел под влиянием русского языка» (Сидоров 1992: 120). Для русского литературного языка употребление соединительных союзов в постпозиции не характерно: они всегда локализируются перед соединяемым компонентом. Правомерна ли предпосылка А.С. Сидорова о специфике употребления соединительных союзов с агглютинативным морфологическим типом коми языка?

Постановка соединительных союзов после соединяемых ими компонентов – явление, характерное также для севернорусских говоров. Особенностью в употреблении обладают соединительные союзы *да*, *да и*, реже союз *и*. Союзы *да* и *да и* способны употребляться повторно, и как составные элементы повторяющихся союзов (*да – да*, *да и – да и*) ставятся после каждой соединяемой части, напр.: *Нету лесу – на острове кругом вода да, луга да* (Арх.), *Конь то был у нас хороший да, молодой да* (Арх.); *Со снохой да и, с сыном да и* (Арх.), *От мужа наоставалась скотина да и, денег да и* (Арх.). Иногда встречается прием повторного употребления союзов *да* и *да и* в конце присоединяемого предложения: *В доски клали ёго, да закопали в яму да* (Арх.); *Им-то полно блюда наклали малины, да и высушили да и* (Арх.). Иногда союз *да* и ставится в конце второго предложения: *Два яйца разбито, молока да и* (Арх.) (Шапиро 1953: 69-70). Союз *да* ‘и’ в коми языке чаще бывает одиночным (в сочинительных конструкциях чаще соединяет не более двух однородных компонентов), но может и повторяться, однако, в отличие от союза *и*, не употребляется перед первым соединяемым компонентом и как составной элемент повторяющегося союза (*да – да*) ставится после каждой соединяемой части. Однако нужно сказать, что повторное употребление союза *да* используется преимущественно в разговорной речи и фольклоре: для современного литературного коми языка не характерно. Союз *да и* ‘и; *да и*’ в коми языке всегда употребляется одиночно.

А.Б. Шапиро в работе «Очерки по синтаксису русских народных говоров» при рассмотрении вопроса о способах связи между предложениями писал, что «постпозитивное положение возможно только у соединительных союзов». Причину такого грамматического явления А.Б. Шапиро объяснял тем, что «они обладают свойствами, отличающими их от союзов и приближающими их к частицам» (Шапиро 1953: 235-236).

Не исключено, что могло иметь место ареальное влияние. Несколько столетий тому назад предки нынешних коми-зырян и коми-пермяков проживали в сопредельных с коми говорами ареалах – в Архангельской, Вологодской, Кировской, Пермской областях (Жеребцов 1982: 26-33), для которых характерно данное грамматическое явление. Находясь в тесном контакте в течение продолжительного времени, представляется вероятным, что это – результат влияния на коми язык синтаксиса русских народных говоров. Влияние могло идти, главным образом, со стороны русских. Что вполне понятно, поскольку русские обладали не только высокой культурой, но и русский язык был в более сильной позиции, чем коми язык. Однако, живя в одинаковых исторических и географических условиях, русский народ сам мог, в свою очередь, испытать определенное влияние со стороны контактирующего коми-зырянского языка.

А.Б. Шапиро также не исключает, что на синтаксическую структуру предложения (на особенности употребления некоторых служебных, в данном случае на особенности употребления соединительных союзов) в северновеликорусских (а также в некоторых сибирских) говорах могли оказать влияние другие языки, например, синтаксис языков финской группы (Шапиро 1953: 20-21).

В заключение можно сказать: чтобы истолковать эти особенности в функционировании союзов в коми языке и русских народных говорах, необходимо прежде всего накопить фактический материал, разобраться в нем и затем уже искать объяснений установленных фактов.

Сокращения:

языки: к.-з. – коми-зырянский.

диалекты и говоры: а) коми-зырянские: вым. – вымский диалект, иж. – ижемский диалект, лл. – лузско-летский диалект, уд. – удорский диалект; б) рус. нар. гов. – русские народные говоры: Арх. – Архангельская область, Вол. – Вологодская область, Перм. – Пермская область, Ряз. – Рязанская область.

населенные пункты: Важ. – с. Важгорт Удорского р-на, З. – с. Зануль Прилузского района, Лет. – с. Летка Прилузского р-на, Н. – с. Ношуль Прилузского р-на, Онеж. – с. Онежье Усть-Вымского р-на, Пор. – с. Поруб Прилузского р-на, С. – д. Синдор Усть-Вымского р-на.

Литература и источники

- Бубрих Д.В.* Грамматика литературного коми языка. Л., 1949.
ВД – Жилина Т.И. Вымский диалект коми языка. Сыктывкар, 1998.
Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982.
ИД – Сахарова М. А., Сельков Н.Н. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976.
Карелсон Р. Союзы в прибалтийско-финских языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1959.
Керт Г.М. Саамский язык. Л., 1971.
ЛЛД – Жилина Т.И. Лузско-летский диалект коми языка. М., 1985.
Сидоров А.С. Влияние русского языка на грамматический строй языка коми // Избранные статьи по коми языку. Сыктывкар, 1992. С. 102-120.
ССКЗД – Жилина Т.И., Сахарова М.А., Сорвачева В. А. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Под ред. В.А. Сорвачевой. Сыктывкар, 1961.
УД – Сорвачева В. А., Безносикова Л.М. Удорский диалект коми языка. М., 1990.
Черкасова Е.Т. Русские союзы неместоименного происхождения. М., 1973.
Шапиро А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., 1953.
Изьоров И. Миян грездса нывъяс. Сыктывкар, 1984.
Льюров А.А. Вунӧдпытӧм серпасъяс. Сыктывкар, 1988.
Напалков В.Е. Вотӧса август // Войвыв кодзув. 1996. 6-ӧд № . 7-22 л. б.

Пыстин И.И. Бушкола вояс. Сыктывкар, 1987.
Раевский С.С. Шоныд войвыв. Сыктывкар, 1988.
Юшков Г. А. Ловья лов. Сыктывкар, 1979.
Юшков Г. А. Родвуж пас. Сыктывкар, 1988.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГОВОРА с. МЫЁЛДИНО*

Г.В. Пунегова (Сыктывкар)

В современной лингвистике в число приоритетных направлений изучения языка выдвинуты не только вопросы современного состояния литературных языков, их функционирования, но и проблемы функционирования современных диалектов и составляющих их говоров в пределах одной языковой семьи, а также проблемы взаимоотношения между диалектами и литературным языком. В силу разнообразия словарного состава, фонетических и грамматических свойств диалекты дают возможность один и тот же смысл передать разными способами, отображая тем самым богатство языка. К большому сожалению, происходящее в настоящее время нивелирование отдельных диалектов, утрата ими черт, отличающих их друг от друга и от литературного языка, ведет к потере части их языкового богатства, объединению общенародного языка. Поэтому одной из важнейших задач, стоящих перед современными диалектологами, является, во-первых, высококачественная запись народной речи на аудио – и цифровые носители и обеспечение их сохранности для будущих исследователей, во-вторых, исследование живой народной речи, выявление особенностей функционирования единиц на разных уровнях языка.

Современная коми диалектная речь отдельных говоров отражена не только в лексикографических источниках, но и в многочисленных магнитофонных записях, произведенных коми диалектологами за последние десятилетия. Такие магнитофонные записи речи являются своеобразными историческими памятниками, ценнейшим источником изучения истории коми языка. Уже сейчас магнитофонные записи могут широко использоваться не только их создателями, но и учеными смежных наук.

Ценность цифровой записи при фонетических исследованиях состоит в том, что она позволяет многократно воспроизводить один и тот же отрезок звучащего текста, охарактеризовать его с точки зрения сегментных и супraseгментных единиц. По словам Л.Л. Касаткина, это дает возможность при слуховом анализе отметить диалектные особенности, которые при разговоре с носителями говоров, диалектов обычно не замечаются диалектологами. Полная расшифровка всей цифровой записи позволяет обнаружить такие особенности в чередовании звуков, воплощающих одни и те же фонемы, которые невозможно установить при выборочной фиксации в полевых условиях отдельных отрезков звуковой цепи. Цифровая запись

---

* Исследование выполнено по проекту № 12-П-6-1008 «Лингвогеографические исследования по коми языкам» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 33 «Традиции и инновации в истории и культуре».

позволяет проводить и более сложный анализ речи при использовании инструментальных методов исследования (осциллографа, спектрографа), а также с помощью компьютера (Касаткин 1999).

В данном исследовании на материале цифровой записи носителей говора с. Мыёлдино Усть-Куломского района нами предпринята попытка его описания, выявления фонетических особенностей в диалектной речи. Следует отметить, что состояние фонетики современного говора можно описывать с двух точек зрения: во-первых, какие звуки произносятся на месте этимологических и, во-вторых, какие фонемы воплощены в произносящихся звуках. При рассмотрении говора с. Мыёлдино в данной работе по возможности учитывались обе точки зрения, однако недостаточность материала часто позволяла делать лишь предварительные выводы, поскольку обращение к данной проблематике осуществляется нами впервые. Данная работа строится на материале, собранном в ходе экспедиции в 2012 г. в с. Мыёлдино и зафиксированном на цифровые носители, спонтанной речи коренных жителей исследуемого региона.

Следует отметить, что изучаемый говор относится к верхневычегодскому диалекту коми языка, который распространен на территории Корткеросского и Усть-Куломского районов Республики Коми. По данным научных источников, «верхневычегодское население в основном сложилось в XVII-XVIII веках за счет переселенцев из самых различных районов коми края: с Сысолы, средней и нижней Вычегды, Лузы, Выми и Удоры» (Сорвачева, Сахарова, Гуляев 1966: 5). Широкое территориальное распространение верхневычегодского диалекта способствует образованию местных говоров, отличающихся друг от друга, как в отношении фонетики, так и грамматики и лексики. С точки зрения фонетики в данном диалекте различают четыре говора, отличающиеся употреблением этимологического звука /л/ (эловые, вэ-эловые, нуль-эловые и смешанные). Говор с. Мыёлдино относится к нуль-эловым говорам, характеризующимся употреблением сонанта /л/ лишь в начале слога перед гласным, в конце слога этот сонант уподобляется предыдущему гласному основы и стяжению в один долгий гласный.

Что касается состава гласных в исследуемом говоре и их функционирования в живой диалектной речи изучаемого нами говора, то можно отметить следующее:

1) в количественном плане состав гласных фонем говора соответствует составу гласных фонем в литературном языке, в котором насчитывается семь гласных фонем. Однако их употребление в отношении позиции слова отличается. Если в литературном языке все семь гласных встречаются в той или иной позиции слова без ограничения, то в говоре с. Мыёлдино

вокализм непервого слога достаточно ограничен, однако употребление гласных /a/, /o/, /e/, /и/, /ы/, /y/, /ö/ в первом слоге слова не отличается от их употребления в литературном языке. В непервом слоге слова исследуемого говора могут употребляться лишь гласные переднего (/и/, /e/) и среднего ряда образования (/a/). Гласные среднего (/ы/, /ö/) и заднего ряда образования (/y/, /o/) в непервом слоге слова являются результатом процесса ассимиляции /e/ и /и/ гласному корневой морфеме, например, на месте литературного **мунё** «идет» в непервом слоге слова употребляется переднерядный гласный /e/, к примеру: **мун[e]**. Такие соответствия достаточно часто и последовательно прослеживаются в говоре, например: **бать[e]** (лит. **бать[ö]** «отец»), **кыл[e]** (лит. **кыл[ö]** «слышит»), **водз[e]** (лит. **водз[ö]** «вперед»), **пыд[e]** (лит. **пыд[ö]** «глубоко») и др. Примером употребления переднего ряда гласного /и/ в непервом слоге слова также представлено закономерным изменением гласного среднего ряда образования /ы/ в артикуляционном плане отодвинутого вперед, например: **юоон[и] тэнсь[и]д көсьи** (лит. **юавн[ы] тэнсь[ы]д көсьи** «хотел у тебя спросить»), **пыролл[и] бара** (лит. **пыравл[ы] бара** «заходи еще раз»), **с[и]л[и] висьтоо** (лит. **с[ы]л[ы] висьтав** «ему скажи») и др.;

2) как нам представляется, фонемы переднего ряда образования /e/ и /и/ имеют отличия в качественном плане. В потоке звучащей диалектной речи выявленные нами в ходе слухового анализа звуки, реализующие фонемы /e/ и /и/, имеют варианты (или аллофоны) фонем.

Так, фонема /e/ имеет два основных варианта: [e] и [ɛ]. Вариант [e] имеет более закрытый характер, является гласным переднего ряда среднего подъема (но отличающегося более закрытым вариантом фонемы, т.е. его можно характеризовать как гласный средне-верхнего подъема). Вариант [ɛ] имеет более открытый характер и характеризуется как отодвинутый назад гласный средне-нижнего подъема. Употребление [ɛ] в первом слоге слова чаще обусловлено широким гласным /a/ второго слога, например: **т[e]** «ты», **т[e]нсид** «у тебя», но **т[ɛ]над** «твой», **в[ɛ]тлам** «сходим». Употребление (ɛ) в непервом слоге слова обусловлено широкими гласными /a/, /o/ в корневой морфеме слова, например: **под[ɛ]н мунны** «пешком идти», **кор[ɛ] ворсны** «просит играть» и др., или гласным /a/ последующего слога (например: **мун[e]** «идет», но **мун[ɛ]ма** «ушел»).

Фонема /и/ имеет следующие два основных аллофона: [и] и [и_]. Звук [и] характеризуется как гласный переднего ряда верхнего подъема. Вариант [и_] в отличие от предыдущего варианта имеет менее закрытый характер, является отодвинутым назад гласным верхне-среднего подъема. Употребление (и_) в первом слоге слова обусловлено широким гласным (/a/, /o/) второго слога, например: **с[и]ли** «ему, ей» – **с[и_]ла** «за ним, за

ней». Употребление [и₁] в первом слоге слова обусловлено широкими корневыми гласными /a/, /o/, /ö/, например: *пѳт[и₁]* «наелся», *кай[и₁]* *паччэрѳ* «поднялся на печь», *босѳт[и₁]* *нига лыддыны* «взял книгу почитать» или гласным /a/ последующего слога, например: *гур[и₁]* на «пескарь» и др.

Данные экспериментального исследования также свидетельствуют об изменении качества гласных /и/ и /е/. В речи верхневычегодских информантов показатели первой и второй формант исследуемых гласных акустически отличаются от показателей, зафиксированных в коми литературной речи. Сравните: в литературном языке для гласного /е/ характерны показания с более низкой частотой первой форманты (F I) – 430-610 Гц, в речи информантов верхневычегодского диалекта показатели первой форманты отличаются более высокими показателями – 500-730 Гц, этот показатель позволяет говорить о гласном более широкого образования, что и зафиксировано нами в ходе слухового анализа в речи изучаемого говора. Показания реализации варианта [и₁], в артикуляционном плане имеющего менее закрытый характер и отодвинутого назад гласного, в отличие от литературного /и/ также различны. Формантные показания второй форманты (FII), характеризующие качество гласных по ряду, в исследуемом говоре имеют более низкие частотные показания – 2180-2300 Гц для гласного [и₁]. Данное свидетельство позволяет характеризовать его как гласный отодвинутый назад. Таким образом, экспериментальные данные полностью подтверждают, выявленные в ходе слухового анализа, варианты фонем исследуемого говора;

3) из исследуемого нами материала зафиксированы явления ассимиляции гласных, которые встречаются в двух видах: в прогрессивном и в регрессивном направлениях, в зависимости от того гласный предшествующего или последующего слога подвергается ассимиляции. Вид ассимиляции определяется качеством гласных, характеризующимся по степени: 1) широкого/узкого (*ком[εε]н сѳрнитны* от вв. *ком[иε]н сѳрнитны*, лит. *комиѳн сѳрнитны* «говорить по коми»), 2) переднего или заднего ряда образования (*лап[и₁]д на паськѳм[и₁]д* от вв. *лап[и]д* (лит. *лап[ы]д* «сыроватый, влажный»), от вв. *паськѳм[и]д* (лит. *паськѳм[ы]д* «твоя одежда»), *[и₁]сласьны мун[и₁]с* (лит. *исласьны муніс* «пошел кататься»), 3) лабиальности/нелабиальности гласного (*в[oo]* из нв. *в[oэ]*, лит. *в[oö]* «в год» от во «год»).

Характеризуя исследуемый говор в отношении употребления этимологического согласного /л/, нами уже отмечено, что говор с. Мыѳлино относится к нуль-эловым говорам. Изучаемый говор отличается употреблением сонанта /л/ лишь в начале слога перед гласным.

В конце слога этот сонант уподобляется предыдущему гласному основы и стяжению в один долгий гласный. Такие особенности зафиксированы нами в следующих лексемах, как: *йыы* на месте *йыв* «верхушка», *пуу* на месте *пув* «брусника», *кӧрттуу* на месте *кӧрттув* «гвоздь», *ныыыну* на месте *ныывну* «пихта», *гӧгрооны* на месте *гӧгравны* «ходить по кругу, вертеться» и т.д. При этом создается чередование краткого гласного + сонант /л/ с долгим гласным, например, сочетание звуков /ӧл/ с чередующимся долгим гласным /ӧ:/, сочетание звуков /ыл/ с чередующимся долгим гласным /ы:/ и др. Такие образования изменений прослеживаются в лексемах, как: *вӧлэн* (где присутствует краткий гласный /ӧ/ и сонант /л/) и *вӧӧ*, *вӧӧсӧ* на месте *вӧвсӧ* «его лошадь», *нылыс* и *ныытӧ* на месте *нывтӧ* «твою дочь» и др. Кроме того, в исследуемом говоре произношение сонанта /л/ на месте согласного /в/ обусловлено позицией перед сонантом /л/. Особенность данного явления зафиксирована в следующих лексемах, как: *сы[лл]ис миянылы*, на месте *сы[вл]ис миянылы* «пел нам», *ы[лла]а вылын* на месте *ы[вл]а вылын* «на улице». Однако в позиции конца слога перед согласным /л/ имеет место и употребление долгого гласного, например: *н[ыы]лысь корны* на месте *н[ыв]лысь корны* «просит у девушки», *н[уу]ла ветлыны* на месте *н[ув]ла ветлыны* «ходить за брусничкой» и др.

Из многочисленных примеров цифровых записей текстов изучаемого говора достаточно хорошо и последовательно представлена закономерность на чередование аффрикат смычных однофокусных /ʒ/, /ʒ'/ и смычных двухфокусных /ч/ и /ч'/ с однофокусными щелевыми /с'/ и /з'/ и двухфокусными щелевыми /ш/ и /ж/. Доказательством положения свидетельствует материал зафиксированных лексем в речи представителей говора с. Мыёлдино, например:

1) произношение аффрикаты [ч] в соответствии с литературным щелевым [ш], например: *э[ш]сӧ оз тӧд* (лит. *эши* – *э[ч]*), *пошӧс вилин куткырвидзэ* (лит. *потшӧс* – *по[ч]ӧс*) и др.;

2) произношение аффрикаты [ч'] в соответствии с литературным щелевым [с'], например: *лэ[с']тансӧ вай* (лит. *лэчтан* – *лэ[ч']тан* «точильный брусок»), *лэсътуй* (лит. *лэчтуй* – *лэ[ч']туй* «охотничья тропа с силками, ловушками») и др.;

3) произношение аффрикаты [ʒ] в соответствии с литературным щелевым согласным [ж], например: *небесаис е[ʒ]дӧдӧс дзикэдз* (лит. *еджӧдӧс* – *е[ʒ]дӧдӧс* «побелело, осветлело») и др.;

4) произношение аффрикаты [ʒ'] в соответствии с литературным щелевым [з'], например: *кӧзьдэдни йӧӧ* (лит. *кӧдздӧдны йӧв* – *кӧ[ʒ']дӧдны* «охладить, дать остыть»); *вӧӧкузьтурун быдмэ* (нв. *вӧӧкудзтурун* – *вӧӧку[ʒ']турун* «щавель») и др.

Таким образом, следует заключить, что исследуемый нами населенный пункт представляет собой интересный с точки зрения фонетического исследования говор, отличающийся закономерностями употребления и функционирования сегментных единиц в народной речи. Дальнейшее более детальное изучение народных говоров коми языка даст возможность обобщить все исследуемые говоры языка и дать его целостную картину. Это объясняется тем, что устная живая народная речь, в отличие от письменной речи, по словам В. Гумбольдта, «есть первое и истинное состояние языка», которое можно проследить в динамике исторического развития.

Транскрипционные знаки, используемые в статье

Для обозначения специфических фонем коми языка:

(ε) – гласный средне-нижнего подъема, в артикуляционном плане отодвинутый назад;

(ǰ) – шумная смычная какуминально-альвеолярная звонкая аффриката;

(ǰ') – шумная смычная среднеязычно-палатальная звонкая аффриката;

(ч) – шумная смычная какуминально-альвеолярная глухая аффриката;

(ч') – шумная смычная среднеязычно-палатальная глухая аффриката;

дополнительные знаки:

(:) – долгота звука;

(') – мягкость согласного;

(_) – отодвинутость назад.

Литература и источники

Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. М.: Просвещение, 1977. 175 с.

Зиндер Л.Р. Общая фонетика. Л., 1960.

Касаткин Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.

Сорвачева В.А., Сахарова М.А., Гуляев Е.С. Верхневычегодский диалект коми языка. Сыктывкар, 1966.

ЛЕКСИКА РЫБОЛОВСТВА В ДИАЛЕКТАХ КОМИ ЯЗЫКА

А.Н. Ракин (Сыктывкар)

Как и в литературном языке, диалектная лексика рыболовства предназначена для обозначения одной из традиционных форм занятий населения Республики Коми. Она состоит из локальных компонентов, обладающих общей для большинства или для нескольких из них частью и специфической, характерной только для одного диалекта, а иногда и для одного говора. Особенностью исследуемой лексической системы является также междиалектная вариантность, которая больше всего проявляется на фонетическом уровне и в значительно меньшей степени – на морфологическом и семантическом.

В качестве основного источника для исследования данной темы использован «Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов», в котором содержится фактический материал, относящийся не только к основной территории компактного проживания коми-зырян, но и к соответствующим регионам их проживания за пределами республики.

Корпус рыболовной лексики в «Сравнительном словаре коми-зырянских диалектов» (далее – Словарь) состоит из 500 обозначений, которые сосредоточены в 264 словарных статьях. Подавляющее большинство лексических единиц данной категории являются заглавными словами: *гыд* вв. вс. вым иж. л. нв. скр. сс. уд. «сборки, образуемые посадкой сети на хребтину», *ез* вв. вс. печ. сс. «ез, запруда на небольшой реке», *кыбны* вс. вым. иж. лл. нв. скр. сс. уд. «лучить рыбу, ловить рыбу острогой, лученьем», *кышай* вв. «берестяной поплавок на рыболовной сети», *пуш* л. «рыболовная снасть (вид верши) из прутьев рябины», *тукур* вв. «конечный большой берестовый поплавок (на рыболовной сети для ботания)», *шняга* иж. «шняка, рыболовная лодка», *ямны* уд. «связывать, прикреплять рыболовные сети одну к другой (для составления одной большой снасти)» и т.д.

Значительное количество рыболовных обозначений содержится внутри словарных статей, дублирующих заглавные слова. Например, в словарной статье на *виньт* ... 2. нв. уд. «зацепа, загиб (рыболовного крючка, остроги)» даются также *вор* уд. и *йörш* иж., являющиеся синонимами заглавного слова; в словарной статье на *кöзла* иж. нв. скр. «таган, треножник, род светца для огня, лучины (употребляется на носу лодки при лучении рыбы)» даются синонимы *кöза* вв. л. печ. сс. уд. и *кыбан кöрт* вым.; в словарной статье на *сöрмöд* скр. «перекладина на носу лодки (служит в качестве ручки при причаливании и перетаскивании лодки)» – названия *сöрмес* вв., *кöрзöг* вым. уд., *кöрзег* нв., *кöрзед* нв., *нö-тис* вв., *пыж*

кыскед вв., *тохот* иж., обозначающие тот же самый объект номинации, что и заглавное слово. В свою очередь каждый из этих синонимов дается повторно в алфавитном порядке в качестве заглавных слов со ссылкой на доминанту соответствующего синонимического ряда: *вор* 1. – см. *виньт* (ССКЗД 1961: 60), *йöриш* – см. *виньт* (ССКЗД 1961: 143), *кöза* – см. *кöзла* (ССКЗД 1961: 169), *кыбан кöрт* – см. *кöзла* (ССКЗД 1961: 184), *кöрзьöг* – см. *сöрмöд* (ССКЗД 1961: 172), *нöтис* – см. *сöрмöд* (ССКЗД 1961: 246) и т.д.

Некоторые обозначения, находящиеся внутри словарных статей, представляют собой составные названия, расположение которых в соответствующей словарной статье обусловлено не семантическим сходством с заглавным словом, а с его употреблением в качестве одного из компонентов данного словосочетания, например: *пыж* повс. «лодка», *дзöля пыж* вв., *дзеля пыж* нв. «маленькая лодка, трехпружка»; *набой пыж* скр., *набой пыж* уд. «набойная лодка»; *öстяк пыж* иж. «хантыйская лодочка» (ССКЗД 1961: 311); *тишуп* вв. вым. иж. нв. уд. «запруда на реке или озере для рыбной ловли»; *дор тишуп*, *дорöс тишуп* уд. «запруда возле берега»; *кöтитишöб тишуп* уд., *муш тишуп* вв. «запруда поперек всей реки»; *тишуп йöрöс майöг* уд. «кол, колья загородки, всажённые в дно реки»; *тишуп йöртны* иж. «устроить запруду» (ССКЗД 1961: 387) и т.д.

Часть обозначений находится в таких словарных статьях, заглавные слова которых, как правило, к сфере рыболовства непосредственно не относятся: *борд* 1. повс. «крыло, крылья; маховое перо; плавник»; *ветель борд* вв. скр. «крылья мережи» (ССКЗД 1961: 24); *си* повс. «волос, волосок»; *вугыр си* нв. скр. сс. уд. «леса, леска» (ССКЗД 1961: 334); *шадер* вв. «хворостина, длинный прут»; *вугир шадер* вв. «удилище» (ССКЗД 1961: 424) и т.д.

По степени распространенности диалектные рыболовные обозначения также не однородны по своему составу. Часть названий характеризуется повсеместным распространением, такие слова употребляются во всех десяти диалектах коми языка и составляют общий словарный фонд. Данная группа состоит из следующих 6 номинативных единиц: *гымга* повс. «морда, верша, мережа», *набой* повс. «набой (в лодке)», *пыж* повс. «лодка», *сак* повс. «сак, сачок», *сам* повс. «наживка, приманка», *син* повс. «ячей (в сетях)». В целях разграничения от других групп такие слова снабжены в Словаре пометой повс.

На противоположном полюсе находится группа обозначений, употребляющихся только в одном диалекте коми языка. На принадлежность к соответствующей территориальной разновидности указывают сокращённые названия диалектов, которыми сопровождается каждое слово. В составе данной группы, состоящей из 350 номинативных единиц, можно выделить 10 подгрупп.

1. Самой многочисленной является верхневыхегодская подгруппа, сюда относятся 86 обозначений. Например, *абаритчині* «ботать, заниматься ловлей рыбы ботанием», *бѳжник* «старший из рыбаков, командир, который выматывает невод, стоя на корме рыбацкой лодки», *вост* «зуб остроги», *нюглей куран* «орудие (род граблей) для ловли миноги», *тукур* «конечный большой поплавок (на рыболовной сети для ботания)» и т.д.

2. Подгруппа обозначений удорского диалекта состоит из 66 обозначений: *брузгыны* «ботать боталом», *бытикан* «пешня», *дзоль* «глиняные грузила (на неводах, сетях для ботания)», *маль* «гребное весло, вкладываемое в уключину», *пань* «дощечка, на которой вяжут сети» и т.д.

3. Подгруппа обозначений лузско-летского диалекта состоит из 41 обозначения: *беседа* «банка, сиденье для гребцов (в лодке)», *букѳдны* «ботать боталом», *кѳчат* «уключина», *лѳдны* «закинуть (сети, невод)», *матич* «мотня, мешок у невода», *пуш* «рыболовная снасть (вид верши) из прутьев рябины», *черигальсы* «рыбак, рыболов» и т.д.

4. Подгруппа обозначений ижемского диалекта состоит из 40 обозначений: *бударка* «большая лодка с острым носом и тупым кормом для ловли рыбы плавной сетью», *йѳри* «зацепа, загиб (рыболовного крючка, остроги)», *калдан* «вид старинной плавной сети», *лэр* «коренья кедр для связки (скрепы) верши из дранок», *он* «свая, столб учуга, загородки», *шняга* «рыболовная лодка» и т.д.

5. Подгруппа обозначений нижневыхегодского диалекта состоит из 38 обозначений: *ботавка* «сеть для ловли рыбы ботанием, ботальная сеть», *гѳбѳдзчины* «плескаться, играть (о рыбе)», *петъник* «пятой кол (для прикрепления ставной сети)», *стрѳжнича* «пешня», *стружок* «маленькая долбленая лодочка», *кѳрзег* «перекладина на носу лодки (служит в качестве ручки при причаливании и перетаскивании лодки)», *рѳжйины* «наматывать, наматывать на иглу пряжу, нитку (для вязания сетей)» и т.д.

6. Подгруппа обозначений присыктывкарского диалекта состоит из 35 обозначений: *боткыны* «ботать боталом», *вуджас* «проѳм в рыболовной запруде, пролет между загородками, в который вставляется морда или вентер», *гымга пель майѳг* «кол, колья, прикрепляющие сетчатые крылья мережи ко дну», *кѳвтым* «бредень», *пором* «запруда», *трегубеч* «сеть для ловли рыбы ботанием, ботальная сеть», *тувсѳг* «рыболовная запруда для ловли рыбы весной», *тюкѳд* «берестовый поплавок, берестовая балаберка (на рыболовной сети для ботания)» и т.д.

7. Подгруппа обозначений вымского диалекта состоит из 16 обозначений: *броткан* «бот, ботало», *грузка* «грузило (в сетях)», *кыбан кѳрт* «таган, треножник, род светца для огня, лучины (употребляется на носу

лодки при лучении рыбы)», *сынъ* «щиты из веток и хвои, опускаемые под лёд для ловли рыбы вершами», *плав* «поплавок», *кебѣт* «грузило (в неводах)» и т.д.

8. Подгруппа обозначений верхнесыольского диалекта состоит тоже из 16 обозначений: *ботан кулѣм* «сеть для ловли рыбы ботанием, ботальная сеть», *дуга* «опруга (лодки)», *крук* «уключина», *тыл наплав* «поплавок (на неводах)», *опаинича* «гребное весло, вкладываемое в уключину», *тыл клеч* «палки, шестики поперек бредня», *тыльсьсны* «ловить неводом, неводить» и т.д.

9. Подгруппа обозначений печорского диалекта состоит из 7 обозначений: *ва дзодзыл* «речная минога», *тупкѣд* «рыболовная загородка», *азьласт* «острога», *березьник* «рыболовная загородка у берега», *дэбѣдсьсны* «клевать (о рыбе)», *вугыралны* «удить» и т.д.

10. Подгруппа обозначений среднесыольского диалекта является самой малочисленной, она состоит из 5 обозначений: *азлач* «острога», *кѣлтын* «бредень», *понѣд* «запруда», *пуш тишуп* «рыболовная загородка для ловли рыбы мордой», *пруд* «рыболовная запруда, загородка».

Промежуточное положение между указанными выше двумя крайними полюсами (распространение повсеместное – в одном диалекте или говоре) занимают обозначения, употребляющиеся в пределах двух и более диалектов.

В девяти диалектах распространены 10 номинативных единиц, например: *ветель* вв. вс. вым. л. нв. печ. скр. сс. уд. «мережа (ставная рыболовная сеть на обручах)», *вугыр* вс. вым. иж. лл. нв. печ.скр. сс. уд. «крючок», *кыбны* вс. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд. «лучить рыбу, ловить рыбу острогой», *кыснан* вв. вс. вым. лл. нв. печ.скр.сс. уд. «дорожка», *таб* вв. вым. иж. л. нв. печ. скр. сс. уд. «поплавок», *чери* вв. вс. вым. иж. нв. печ. скр. сс. уд. «рыба» и т.д.

Пять обозначений являются общими для восьми диалектов: *вуграсьны* вым. иж. лл. нв. печ. скр. уд. «удить», *кулѣм* вс. вым. иж. лл. нв. скр. сс. уд. «ставная сеть», *пелыс* вс. вым. иж. л. нв. печ. скр. сс. уд. «кормовое весло» и т.д.

К группе обозначений, употребляющихся на территории шести диалектов, относятся девять названий: *из* вв. вс. л. нв. скр. сс. «грузило в сетях», *кулѣмасьны* вым. л. нв. печ. скр. сс. «ловить рыбу ставной сетью», *ѣключина* вым. иж. лет. печ. скр. сс. «уключина», *тишуп* вв. вым. иж. нв. сс. уд. «запруда на реке или озере для рыбной ловли» и т.д.

Таким же численным составом обладает группа названий, распространенных в пяти диалектах: *азьлас* вв. вым. нв. печ. скр. «острога», *вугыр шайт* вым. иж.нв. скр. уд. «удилище», *пуклѣс* вс. вым.печ. скр. уд. «банка,

сиденье для гребцов (в лодке)», *рѡжйыны* иж. л. скр. сс. уд. «наматывать, намотать на иглу пряжу, нитку (для вязания сетей)» и т.д.

Группа обозначений с употреблением в четырех диалектах насчитывает 17 номинативных единиц: *вугыр шать* вс. лл. печ. скр. «удилище», *дѡбѡдны* вым. лет. скр. уд. «клевать (о рыбе)», *нидзул* вв. вс. печ. сс. «дождевой червь», *самавны* л. нв. скр. уд. «наживлять, наживать», *тыл* вв. вс. печ. сс. «невод», *чери кыйысь* вс. вым. скр. сс. «рыбак, рыболов» и т.д.

Пометами, указывающими на распространение в трех диалектах, снабжены в Словаре 26 обозначений: *борднѡс* нв. скр. уд. «сетчатые крылья (мережи, невода)», *ботан* вв. печ. сс. «сеть для ловли рыбы ботанием, ботальная сеть», *бурскан* вв. скр. сс. «бот, ботало», *дѡмѡд* л. нв. скр. «рыболовная запруда, загородка, учужная забойка в реке», *памча* вв. вым. скр. «речная рыболовная снасть на перевесе» и т.д.

Общими для двух диалектов являются 67 обозначений, например, *брѡдник* лл. уд. «брედень», *вѡрны* иж. уд. «плескаться, играть (о рыбе)», *вугрооны* вым. иж. «удить», *кысман* иж. уд. «дорожка», *октым* скр. уд. «рыболовный ставной крючок для ловли хищных рыб».

Значительная часть обозначений данной группы распространена на смежных территориях. Так, в **верхневычегодском и ижемском** диалектах употребляются *кулэм* «ставная сеть», *пуклэс* «банка, сиденье для гребцов (в лодке)», *тыл кляч* «палки, шестики поперек бредня»; в **верхневычегодском и присыктывкарском** диалектах: *бережник* «рыболовная запруда у берега», *водж* «рыболовная загородка около берега, устраиваемая осенью из ряда кольев, заплетенных хвостом, для ловли рыбы зимою», *ветель борд* «крылья мережи»; в **нижневычегодском и присыктывкарском** диалектах: *боталѡ* «бот, ботало», *гыбавны* «плескать, играть (о рыбе)», *йидор кыйны* «ловить рыбу под первым льдом», *сѡвин* «сосновые жерди (в рыболовных загородках)», *сырп* «плавная сеть для ловли крупной рыбы (весной во время половодья)»; в **вымском и удорском** диалектах: *кѡрзѡг* «перекладина на носу лодки (служит в качестве ручки при причаливании и перетаскивании лодки)», *разъя* «мат, решетка из дранок», *сѡрпы* «ловить рыбу плавной сетью»; в **нижневычегодском и удорском** диалектах: *перемет* «перемет (рыболовная снасть)», *помѡд* «материал для запруды», *виньт* «зацепа, загиб (рыболовного крючка, остроги)», *гымга чобѡд* «язык, внутренняя воронка мережи, через которую рыба входит», *дзав* «берестовый поплавок, берестовая балаберка (для рыболовной сети для ботания)»; в **верхнесыольском и лузско-летском** диалектах: *минога* «минога», *крук* «рыболовный ставной крючок для ловли хищных рыб»; в **присыктывкарском и среднесыольском** диалектах: *нигыль* «минога», *шатын* «удилище» и т.д.

Однако имеются и такие примеры, которые свидетельствуют о наличии одних и тех же названий на отдаленных территориях, непосредственно не соприкасающихся друг с другом: *адзлас* иж. л. «острога», *бот* л. уд. «бот, ботало», *бредьникасьны* лет. уд. «бродить бреднем», *вугравны* л. скр. «удить», *гыбалны* печ. сс. «плескаться, играть (о рыбе)», *гымгаён кыйсьыны* сс. уд. «ловить рыбу мордами, мережами», *кибас* лет. печ. «грузило в неводах», *тыльъялны* печ. сс. «ловить неводом, неводить».

В исследуемой системе междиалектные различия наблюдаются также на фонетическом, морфологическом и семантическом уровнях. В количественном отношении преобладают фонетические варианты, которые имеются во всех диалектах, за исключением присыктывкарского: *ботайтні* вв. «ботать, ловить рыбу ботанием (ср. *ботайтны* лл. печ. уд. «тж»), *вугыр* вв. «крючок» (ср. *вугыр* вс. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд. «тж»), *кёлтім* вв. «бредень» (ср. *кøvтым* скр. «тж»), *пеліс* вв. «кормовое весло» (ср. *пелыс* вс. вым. иж. лл. нв. скр. сс. уд. «тж»); *табъян* уд. «рамка, деревянная пластинка для наматывания рыболовных снастей (напр., продольника, дорожки) (ср. *табъян* вв. печ. скр. «тж»), *тебёд* уд. «грузило на рыболовных сетях» (ср. *кебёт* вым. «тж»), *тылавны* уд. «ловить неводом, неводить» (ср. *тывъявны* л. нв. скр. «тж»), *айдлас* уд. «острога» (ср. *азьлас* вв. вым. нв. скр. «тж»); *борднэс* иж. «сетчатые крылья (мережи, невода)» (ср. *борднџс* нв. скр. уд. «тж»), *дџбедны* иж. «клевать (о рыбе)» (ср. *дџбџдны* вым лет. скр. уд. «тж»), *кык лопта пелыс* иж. «двухлопастное весло» (ср. *кык лопта пелыс* скр. «тж»); *ветелесьны* вс. «заниматься ловлей рыбы мережами» (ср. *ветелясьны* вым. л. нв. скр. уд. «тж»), *опашнича* вс. «гребное весло, вкладываемое в уключину» (ср. *џпашнича* вв. печ. «тж»), *пырыдз* вс. «пешня» (ср. *пырыдз* вв. нв. печ. скр. сс. «тж»); *бегыль* вым. «червь» (ср. *вегыль* скр. «тж»), *кебёт* вым. «грузило (в неводах)» (ср. *кебџд* уд. «тж»), *сџрпасьны* вым. «ловить рыбу плавной сетью» (ср. *сџрпасьны* скр. «тж»); *вугыралны* печ. «удить» (ср. *вугралны* вс. лл. сс. «тж»), *азьласт* печ. «острога» (ср. *азьлас* вв. вым. нв. скр. «тж»), *березьник* печ. «рыболовная загородка у берега» (ср. *бережник* вв. скр. «тж»); *витиль* нв. «мережа (ставная рыболовная сеть на обручах)» (ср. *ветель* вв. вс. вым. л. печ. скр. сс. уд. «тж»), *кøvтын* нв. «бредень» (ср. *кøvтым* скр. «тж»), *помича* нв. «речная рыболовная сеть на перевесе» (ср. *помча* вв. вым. скр. «тж»); *азлач* сс. «острога» (ср. *азьлас* вв. вым. нв. скр. «тж»), *кёлтын* сс. «бредень» (ср. *кøvтын* нв. «тж») и т.д.

К числу морфологических вариантов относятся лишь несколько примеров: *неводитны* л. – *неводасьны* лет. «ловить неводом, неводить», *помџм* уд. – *понџд* сс. «запруда», *сакасьны* вым. иж. л. н. скр. – *сачитны* лл. «сачить, ловить саком», *синмасьсины* нв. – *синмасьні* вв. «ячеиться, попадать,

вязнуть в сетях», *sõrmõd* скр. – *sõrmes* вв. «перекладина на носу лодки (служит в качестве ручки при причаливании и перетаскивании лодки)». Все приведенные примеры различаются суффиксальными морфемами. Как видно из приведенных примеров, в некоторых случаях имеют место как морфологические, так и фонетические различия.

Семантические варианты также немногочисленны. Их наличие обусловлено тем обстоятельством, что одни и те же названия в разных диалектах обозначают различные предметы и явления объективной реальности, например: *ботан* л. «бот, ботало» (ССКЗД 1961: 31) – *ботан* вв. печ. сс. «сеть для ловли рыбы ботанием, ботальная сеть» (ССКЗД 1961: 377), *дзав* уд. «дощечка, на которой вяжут сети (ячейки сетей)» (ССКЗД 1961: 363) – *дзав* нв. уд. «берестовый поплавок, берестовая балаберка (на рыболовной сети для ботания)» (ССКЗД 1961: 392), *крук* вс. л. «рыболовный ставной крючок для ловли хищных рыб» (ССКЗД 1961: 258) – *крук* вс. «уключина» (ССКЗД 1961: 265), *реж* вв. вым. иж. л. нв. печ. скр. сс. уд. «редкая сеть, режа» (ССКЗД 1961: 318) – *реж* вс. вым. лет. уд. «игла (деревянная, реже костяная) для вязания сетей» (ССКЗД 1961: 322), *таб* вв. вым. иж. л. нв. печ. скр. сс. уд. «поплавок» (I, с. 363) – *таб* вв. иж. скр. уд. «дощечка, на которой вяжут сети (ячейки сетей)» (ССКЗД 1961: 363) – *таб* вв. «рамка, деревянная пластинка для наматывания рыболовных снастей (напр., продольника, дорожки)» (ССКЗД 1961: 363).

Следует отметить, что 138 диалектных обозначений в составе лексики рыболовства имеют соответствия в коми литературном языке. Прежде всего это характерно для названий с пометой повс.: *гымга* повс. «морда, верша; мережа» – лит. *гымга* «верша, морда» (КРК 2000: 167), *набой* повс. «набой (в лодке)» – лит. *набой* «нашивные борта (у долбленной лодки)» (КРК 2000: 419), *пыж* повс. «лодка» – лит. *пыж* «лодка» (КРК 2000: 546), *сак* повс. «сак, сачок» – лит. *сак* «сачок» (КРК 2000: 576), *сам* повс. «наживка, приманка» – лит. *сам* «приманка, нажива, насадка» (КРК 2000: 577), *син* повс. «ячей (в сетях)» – лит. *син* «ячей (в сети)» (КРК 2000: 591).

Аналогичные примеры совпадений с названиями литературного языка имеются и в составе не повсеместно распространенных обозначений, в том числе на территории одного-двух диалектов: *кыснанасьны* вым. печ. скр. сс. уд. «ловить дорожкой рыбу» – лит. *кыснанасьны* «ловить рыбу на блесну» (КРК 2000: 339), *кулõм* вс. вым л. нв. печ. скр. сс. уд. «ставная сеть, мережа» – лит. *кулõм* «ставная сеть» (КРК 2000: 315), *пельс* вс. вым. иж. лл. нв. скр. сс. уд. «кормовое весло» – лит. *пельс* «весло» (КРК 2000: 491), *таб* вв. вым. иж. л. нв. печ. скр. сс. уд. «поплавок» – лит. *таб* «поплавок (у сетей)» (КРК 2000: 633), *ботан* вс. печ. сс. «сеть для ловли рыбы ботанием, ботальная сеть» – лит. *ботан* «ботальная сеть (в которую,

ботая, загоняют рыбу)» (КРК 2000: 54), *пару* вв. «берестовый поплавок, берестовая балаберка (на рыболовной сети для ботания)» – лит. *пару* «берестяной поплавок на сети» (КРК 2000: 485), *кебёд* уд. «грузило (в неводах)» – лит. *кебёд* «грузило» (КРК 2000: 265), *борднэс* иж. «сетчатые крылья (мережи, невода)» – лит. *борднёс* «сетчатые крылья (мережи, невода)» (КРК 2000: 52), *нюгыль* л. «минога» – лит. *нюгыль* «пескоройка, личинка миноги» (КРК 2000: 444), *тупкёд* печ. «рыболовная загородка» – лит. *тупкёд* «рыболовная загородка» (КРК 2000: 662) и т.д.

Целый ряд обозначений данной группы принадлежит присыктывкарскому диалекту, что является вполне закономерным явлением. Именно этот диалект был взят за основу при создании коми литературного языка в начале прошлого столетия. Соответственно и словарный запас опорного диалекта был максимально использован для формирования лексической системы письменного языка, в том числе и обозначения, относящиеся к рыболовству: *вис тупкан радз* скр. «мат из дранок для рыболовных запоров» – лит. *вис тупкан радз* «мат, употребляющийся в качестве щитов для перегораживания рыболовных протоков» (КРК 2000: 554), *вёйтасьны* скр. «опускать, погружать в воду (напр., морду, вершу)» – лит. *вёйтасьны* «опускать в воду рыболовные снасти» (КРК 2000: 120), *вугыр кёв* скр. «леса» – лит. *вугыр кёв* «леса» (КРК 2000: 125), *кёвтым* «бредень» – лит. *кёвтым* «бредень» (КРК 2000: 229), *трегубеч* скр. «сеть для ловли рыбы ботанием, ботальная сеть» – лит. *трегубеч* «ботальная сеть» (КРК 2000: 656) и т.д.

В зависимости от предметно-понятийного содержания номинативных единиц всю совокупность лексики рыболовства можно распределить по десяти основным группам. Самую многочисленную из них составляют названия рыболовных снастей и ловушек. Сюда относятся 148 обозначений, предназначенных для номинации сетных снастей, крючковых снастей, ловушек.

1. Основным дифференцирующим признаком сетных рыболовных снастей является наличие полотна (одного или трех), изготовленного из тонких нитей, в которых рыба запутывается при прикосновении к ним или при попытке пройти через ячеи. Примеры: *ботан* вв. печ.сс. «сеть для ловли рыбы ботанием, ботальная сеть», *кёвтым* скр. «бредень», *кулём* вс. вым. л. нв. печ. скр. сс. уд. «ставная сеть, мережа», *памча* вв. вым. скр. «речная рыболовная сеть на перевесе», *сырп* нв. скр. «плавная сеть для ловли крупной рыбы (весной во время половодья)», *тыв* л. нв. скр. уд. «невод», *гыд* вв. вс. вым. иж. л. нв. скр.сс. уд. «борки, образуемые посадкой сети на хребтину», *сюрёс* вс. вым. нв. печ. скр. сс. уд. «подбора, тетива, кромочные веревки рыболовных сетей», *сёй тюльган* уд.

«глиняные грузила (на сетях для ботания)», *тыв кляч* нв. скр. уд. «палки, шестики поперек бредня» и т.д.

2. Названия крючковых рыболовных снастей, дифференцирующим признаком которых является наличие крючка (одного или нескольких) : *вугыр* вс. вым. иж. лл. нв.печ. скр. сс. уд. «крючок», *вор* уд. «зацепа, загиб (рыболовного крючка, остроги)», *вугыр си* нв. скр. уд. «леска», *вугыр шатин* скр. «удилище», *наплавка* уд. «поплавок (на удочке)», *кысанан* вв.вс. вым. лл. нв. печ. скр. сс. уд. «дорожка (рыболовная снасть)», *октым* скр. уд. «рыболовный ставной крючок для ловли хищных рыб», *подольник* вв. вым. «продольник», *самолов* скр. «самолов, род рыболовной снасти» и т.д.

3. Обозначения ловушек, представляющих собой устройства, в которые рыба свободно входит, а выйти не может: *ветель* вс. вым. л. нв. печ. скр. сс. уд. «мережа (ставная рыболовная сеть на обручах)», *гымга* повс. «морда, верша, мережа», *пуш* л. «рыболовная снасть (вид верши) из прутьев рябины», *ветель борд* вв. скр. «крылья мережи», *гымга кыв* скр. «язык, внутренняя воронка мережи, верши, через которую рыба входит», *гымга платтё* скр. «стан морды, мережи», *лэр* иж. «коренья кедра для связки (скрепы) верши из дранок», *сёл* иж. «дранка, колотые тонкие дощечки из лиственницы (из них делают верши)» и т.д.

II. Группа названий, обозначающих действия, связанные с рыболовством или совершаемые непосредственно в процессе рыбной ловли, состоит из 139 номинативных единиц.

Часть названий данной группы относится к действиям субъекта рыбной ловли: *букодны* л. «ботать боталом», *вйтасьны* скр. «опускать, погружать в воду (напр., морду, вершу)», *йи пыр кыйсьыны* уд. «ловить рыбу под первым льдом», *кыбны* вс. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд. «лучить рыбу, ловить рыбу острогой», *рöжйыны* иж. л. скр. сс. уд. «намаывать, намотать на иглу пряжу, нитку (для вязания сетей)», *садитны* л. скр. сс. уд. «садить, посадить установить (сеть на хребтину)», *самавны* л. нв. скр. уд. «наживлять, наживить», *ямны* уд. «связывать, прикреплять рыболовные сети одну к другой (для составления одной большой сети)» и т.д. Ряд обозначений данной группы является производными от названий рыболовных средств, с помощью которых осуществляется ловля рыбы: *вуграсьны* вым. иж. лл. нв. печ.скр. сс. «удить», *гымгаасьны* вым. иж. лл. скр. «ловить рыбу мордами, вершами, мережами», *кулёмасьны* вым. л. нв. печ. скр. уд. «ловить рыбу ставной сетью», *кысананасьны* вым. нв. печ. скр. сс. уд. «ловить дорожкой (рыбу)», *подольникасьны* вым. скр. «ловить рыбу продольником», *трегубечасьны* скр. «ботать, заниматься ловлей рыбы путем ботания», *тывьвявны* л. «ловить неводом, неводить» и т.д.

На действия, совершаемые объектом рыболовства, указывают следующие

щие обозначения: *вөрны* иж. уд. «плескаться, играть (о рыбе)», *гыбавны* нв. скр. «плескаться, играть (о рыбе)», *дöбöдны* вым. лет. скр. уд. «клевать (о рыбе)», *синмасьні* вв. «ячеиться, попадать, вязнуть в сетях», *шедні* вв. «попадать, попасть; пойматься», *мынны* вс. вым. иж. лл. нв. печ. скр. уд. «сорвать-ся, отцепиться», *кульмыны* вс. вым. иж. лл. н. скр. сс. уд. «метать икру» и т.д.

III. Третью по численности группу (63 номинативные единицы) составляют обозначения транспортных средств для рыбной ловли и принадлежностей для их использования, а также названия их частей и деталей: *пыж* повс. «лодка», *бударка* иж. «большая лодка с острым носом и тупым кормом для ловли рыбы плавной сетью», *ветки* иж. печ. скр. «маленькая долбленая лодочка», *дзöля пыж* вв. «маленькая лодка, трехпружка», *набоя пыж* скр. «набойная лодка», *кык набоя пыж* уд. «двухнабойная лодка», *стружок* нв. «маленькая долбленая лодочка», *шняга* иж. «шняка, рыболовная лодка»; *айпу* вв. «верхний набой борта лодки», *бöдрöс* л. «банка, сиденье для гребцов (в лодке)», *кöрзьöг* вым. уд. «перекладина на носу лодки (служит в качестве ручки при причаливании и перетаскивании лодки)», *кöчат* л. «уключина», *унэж* иж. «настил на носу лодки», *упруг* вв. «опруга (дуга)»; *пельс* вс. вым. иж. лл. нв. скр. сс. уд. «кормовое весло», *пельс лоп* вс. нв. печ. скр. сс. «лопасть весла», *кык лопта пельс* скр. «двухлопастное весло», *маль* уд. «гребное весло, вкладываемое в уключину», *паня пельс* уд. «двухлопастное весло», *öпаснöй* лет. нв. сс. уд. «гребное весло, вкладываемое в уключину» и т.д.

VI. Названия рыболовных сооружений. Эта группа состоит из 51 номинативной единицы, обозначают они различного рода загородки, необходимые для использования ловушек типа морды, а также материал для их строительства: *бережник* вв. скр. «рыболовная загородка у берега», *вар* иж. «учуг, городьба поперек реки на протоке с вершами для ловли рыбы», *вуджас* скр. «проем в рыболовной запруде, пролет между загородками, в который вставляется морда или венгер», *дорöс тиуп* уд. «запруда возле берега», *дöмöд* л. нв. скр. «рыболовная запруда, загородка», *зabой* вв. печ. «зabой, ряд кольев или свай, забитых поперек реки», *коляс* уд. «заводь, род закола для ловли рыбы», *кöстль* иж. «костыль, изгородь, плетень глаголем в реке и озерах для ловли рыбы», *нырпу* иж. «свая, столб (учуга, загородки)», *памöд* нв. уд. «материал для запруды», *сöвин* нв. скр. «сосновые жерди (в рыболовных загородках)», *тувсöг* скр. «рыболовная запруда для вылова рыбы весной», *тиуп йöрöс майöг* уд. «кол, колья загородки, всажённые в дно реки» и т.д.

V. Обозначения рыболовных орудий, вспомогательных средств, различных инструментов. Объекты номинации данной группы используются как в процессе самой рыбной ловли, так и перед его началом или

после завершения, при изготовлении снастей и т.д. Примеры: *азьлас* вв. вым. нв. печ. скр. «острога», *бурскан* вв. скр. сс. «бот, ботало», *вачер* вв. л. нв. скр. «орудие наподобие пешни с длинной рукояткой, но с лезвием топора (для проведения подводных работ)», *джабед* вв. «вешала, ряд колев для просушки невода, сетей», *дзав* уд. «дощечка, на которой вяжут сети (ячейки сетей)», *кавыр* иж. «род молотка, которым бьют крупную рыбу при ловле неводом или важаном», *кõзла* иж. нв. скр. «таган, треножник, род светца для огня, лучины, (употребляется на носу лодки при лучении рыбы)», *нюглей куран* вв. «орудие (род граблей) для ловли миноги», *петьник* нв. «пятай кол (для прикрепления ставной сети)», *пыридз* вв. нв. печ. скр. сс. уд. «пешня», *рõж* вв. иж. л. нвй. печ. скр. уд. «игла (деревянная, реже костяная) для вязания сетей», *саран* нв. скр. «лоток», *табян* вв. печ. скр. «рамка, деревянная пластинка для наматывания рыболовных снастей (напр., продольника, дорожки)» и т.д.

VI. Важным компонентом в арсенале рыболовных средств являются разного рода приманки и наживки, используемые чаще всего в процессе добычи рыбы крючковыми снастями. Данная группа состоит из 25 номинативных единиц: *велõг* вым. уд. «приманка, привада», *нигыль* скр. сс. «минога», *нидзув* вв. скр. уд. «дождевой червь», *нюглей* вв. «минога», *пучей* вв. вс. вым. иж. лл. печ. скр. сс. уд. «короед», *сам* повс. «наживка, приманка» и т.д.

VII. Общепонятийные обозначения. Слова и названия данной группы, не указывая на конкретные предметы и явления, относятся к рыболовству в целом: *кыйсьыны* иж. нв. печ. скр. сс. уд. «заниматься рыбной ловлей», *угодõбõ* скр. «снасть, снаряд, орудие лова», *чери кьян завод* вв. «рыбачьи снасти», *чери кьян угодõбõ* скр. «тж», *чери кьян лõвля* уд. «тж» и т.д.

VIII. Обозначения субъекта рыболовства: *бõжник* вв. «старший из рыбаков, командир, который выматывает невод, стоя на корме рыбацкой лодки», *пъатовник* иж. «тж», *чергалысь* лл. «рыбак, рыболов», *чригалысь* л. «тж», *чери кыйись* вв. нв. уд. «тж», *чери кыйысь* вс. вым. скр. сс. «тж».

IX. Обозначения объекта рыболовства: *чери* вв. вс. вым. иж. нв. печ. скр. сс. уд. «рыба», *чериг* лл. «тж».

X. Обозначения сооружений, укрытий для временного пребывания людей, занимающихся рыболовством: *кола* вс. иж. лл. печ. скр. «шалаш рыбака», *чери кыйисььяслэн чом* вв. «тж».

Таким образом, диалектная лексика рыболовства коми языка представляет собой самостоятельную целостную систему, объект номинации которой является одним из древнейших видов традиционной хозяйственной деятельности населения Европейского Северо-Востока. Она состоит из локальных компонентов, имеющих как общую составляющую, так и

специфическую часть, свойственную только одному диалекту или говору. Наличие этих компонентов обусловлено внутренней дифференциацией территориальных разновидностей коми языка, а также различиями в составе обозначаемых реалий. Имея некоторые общие показатели с соответствующей системой литературного языка, исследованная народная лексика рыболовства характеризуется междиалектной вариантностью, которая проявляется в большей или меньшей степени на всех языковых уровнях – фонетическом, морфологическом, семантическом.

Сокращения

вв. – верхневычегодский диалект, вс. – верхнесысольский диалект, вым. – вымский диалект, иж. – ижемский диалект, л. – лузский диалект, лет. – летский диалект, лит. – литературное слово, лл. – лузско-летский диалект, нв. – нижневычегодский диалект, печ. – печорский диалект, скр. – присыктывкарский диалект, сс. – среднесысольский диалект, уд. – удорский диалект

Литература и источники

ССКЗД – Жилина Т.И., Сахарова М.А., Сорвачева В.А. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.

КРК – Безносикова Л.М., Айбабина Е.А., Коснырева Р.И. Коми-роч кывчукор. Сыктывкар, 2000.

КОМИ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

С.А. Сажина (Сыктывкар)

Территориальные диалекты составляют важный пласт существования коми языка как языка коми народа, основу образования национального языка. Актуальность диалектологических исследований обусловлена тем, что диалекты представляют собой особый уникальный тип разговорной речи, отражающий многовековой опыт духовной и материальной культуры коми народа. Территориальные разновидности коми языка – один из основных источников обогащения и развития литературного языка; они имеют важное значение в разработке проблем истории коми народа. Необходимость всестороннего обследования и описания диалектов диктуется также современной лингвистической ситуацией, при которой усиливается влияние литературного языка и сужается сфера функционирования коми диалектов.

Становление коми диалектологии как отдельной лингвистической дисциплины происходило в 40-70-х гг. XX в. и было связано с деятельностью коми лингвистов в первых научно-исследовательских организациях Республики Коми: НИИ при Коми облисполкоме (1934-1944), Коми Базе АН СССР (1944-1948) и Коми филиале АН СССР (с 1949). В связи с необходимостью накопления диалектного материала и создания норм литературного языка в этот период исследование диалектов являлось приоритетным направлением коми языкознания. В период с 1939 г. по 1974 г. коми лингвистами (А.С. Сидоровым, Т.И. Жилиной, В.А. Сорвачевой, Д.А. Тимушевым, Е.С. Гуляевым, Н.Н. Сельковым, М.А. Сахаровой, Н.А. Колеговой, Э.К. Павловой, Н.И. Лоскутовой, Р.Н. Косныревой) были обследованы территории распространения всех коми-зырянских диалектов, собран обширный полевой материал, легший впоследствии в основу «Сравнительного словаря коми-зырянских диалектов» и серии монографических работ по всем диалектам. Диалектологические исследования данного периода имеют непреходящее научное и общекультурное значение, являются фундаментом для дальнейшего изучения коми диалектов. Коми диалектология XX в. характеризовалась традиционным, системно-структурным подходом к изучению коми диалектов, была ориентирована на описание их фонетических, грамматических, словообразовательных и лексических особенностей. Сегодня перед коми диалектологией стоят новые задачи, связанные, прежде всего, с поиском новых концептуальных подходов в целях обобщения и осмысления накопленного материала.

---

* Исследование выполнено по проекту № 12-П-6-1008 «Лингвогеографические исследования по коми языкам» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН №33 «Традиции и инновации в истории и культуре».

В настоящей статье освещены современные исследования в области коми диалектологии и обозначены перспективы ее дальнейшего развития.

Современные диалектологические исследования коми языка проводятся на кафедре коми и финно-угорского языкознания СыктГУ и в Институте языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

Диалектология является одним из основных научно-исследовательских направлений кафедры коми и финно-угорского языкознания СыктГУ. За последние два десятилетия на кафедре были подготовлены три кандидатские диссертации, посвященные различным вопросам коми диалектологии. В диссертационной работе Р.П. Дмитриевой (Поповой) предметом научного исследования являются фонетико-морфологические особенности косинско-камского диалекта коми-пермяцкого языка (Дмитриева 1998). Диссертация Т.Б. Лаптандер посвящена ареальному описанию антропонимии, характерной для ненцев и коми-ижемцев, проживающих в Ямало-Ненецком автономном округе Тюменской области (Лаптандер 2002). Исследование грамматических категорий и способов вербальной деривации глагола в говоре коми-ижемцев с. Казым Белоярского района Ханты-Мансийского округа Тюменской области представляет собой научная работа К.А. Субботы (Суббота 2009). Преподаватели и студенты кафедры проводят большую работу по сбору диалектного материала в ежегодных полевых экспедициях. Языковой материал, собранный в различных районах Республики Коми, активно используется студентами при написании курсовых и выпускных квалификационных работ.

В Институте ЯЛИ КНЦ УрО РАН значительные успехи достигнуты в области практической диалектной лексикографии. В период с 2000 по 2009 гг. авторским коллективом известных коми лексикографов – Л.М. Безносиковой, Е.А. Айбабиной, Н.К. Забоевой, Р.И. Косныревой проводилась работа по составлению нового словаря диалектов коми языка «Коми сёрнисикас кывчукёр», содержащего уникальный диалектный материал, собранный несколькими поколениями исследователей коми языка с 1920-х гг. по настоящее время. Словарь содержит свыше 78000 заглавных слов, более 14 тыс. из которых представлены в коми лексикографии впервые. Первый том словаря уже вышел в свет (Безносикова, Айбабина, Забоева, Коснырева 2012).

До последнего времени коми лексикография не была представлена тематическими диалектными словарями. Первым опытом такой работы является «Словарь терминов родства и свойства в диалектах коми языка», вышедший в 2011 г. Авторы словаря – Л.М. Безносикова и Е.А. Айбабина. В настоящем двуязычном словаре представлено более 100 словарных статей, содержащих термины родства по крови и по браку, бытующие в коми-зырянских диалектах (Айбабина, Безносикова 2011).

В 1998 г. аспиранты сектора языка Института ЯЛИ Е.Н. Федосеева, Т.Н. Меркушева, Т.Н. Шлопова, С.А. Сажина приступили к разработке тем, связанных с изучением коми диалектов (зырянских и пермяцких). С этого периода в Институте возобновились ежегодные экспедиции по сбору полевого диалектного материала. Обследованим были охвачены все коми-пермяцкие диалекты, ряд коми-зырянских диалектов, коми-язьвинское и верхнекамское наречия.

В период с 2002 по 2004 гг. Е.Н. Федосеевой, Т.Н. Меркушевой и С.А. Сажинной были защищены кандидатские диссертации, посвященные различным проблемам коми диалектологии. Эти исследования подготовлены на основе полевого материала, собранного авторами в ежегодных диалектологических экспедициях, и ориентированы на лингвогеографическое и ареальное изучение коми диалектов. Изучение коми диалектов методами лингвистической географии и ареальной лингвистики является новым этапом в развитии коми диалектологии.

Диссертационная работа Е.Н. Федосеевой – первый опыт комплексного исследования лексики северных коми-пермяцких диалектов в синхронном и диахроническом аспектах. Автором проведен тщательный анализ лексики северного коми-пермяцкого наречия с точки зрения происхождения и территориального распространения. Раскрытие автором синхронной лингвогеографической картины способствовало определению основных компонентов современной северно-коми-пермяцкой региональной речи (Федосеева 2002).

В исследовании Т.Н. Меркушевой предметом специального комплексного исследования является лексика флоры и фауны южного наречия коми-пермяцкого языка. В диссертации исследован генезис лексики флоры и фауны; проанализированы основные пути пополнения данной тематической группы; описаны структурно-словообразовательные модели, характерные для коми-пермяцких названий растений и животных, предпринята попытка лингвогеографического анализа южно-пермяцкой лексики (Меркушева 2003).

Первым опытом системно-сравнительного изучения коми-зырянских диалектов является диссертационное исследование С.А. Сажинной. В ее работе проведено детальное сравнительное исследование морфологии именных частей речи в коми-зырянских диалектах; установлены изоглоссы морфологических явлений и предпринята попытка их интерпретации. Анализ коми-зырянской диалектной морфологии именных частей речи позволил автору проследить и выявить ареальные тенденции в территориальном распределении различительных морфологических признаков (Сажина 2004).

В 2005 г. диалектологи сектора языка ИЯЛИ приступили к изучению языка кировских пермяков, традиционно именуемого верхнекамским наречием коми-пермяцкого языка. Это язык небольшой группы комиязычного населения, проживающего в Афанасьевском районе Кировской области. Данная территориальная разновидность представляет собой уникальную форму коми языка, развивавшуюся в определенных исторических условиях и функционирующую в рамках внутриязыкового и межъязыкового взаимодействия. Большой интерес для коми лингвистики представляет выявление диалектной основы и места данной территориально-языковой разновидности в диалектном континууме коми языка. Особую актуальность изучение языка верхнекамских коми приобретает в условиях языкового сдвига, интенсивно протекающего в среде кировских пермяков. Сотрудниками сектора были организованы четыре диалектологические экспедиции в район проживания кировских пермяков (2002, 2007, 2008, 2012 гг.). В сборе материала принимали участие Т.Н. Меркушева (2002 г.), Е.Н. Федосеева, С.А. Сажина, Л.С. Лобанова (2008 г.). Обследованим были охвачены все населенные пункты, в которых бытует язык кировских пермяков. В настоящее время ведется работа по подготовке монографии, целью которой является синхронное описание фонетической системы, морфологической структуры и лексического состава верхнекамского наречия; определение его генезиса и установление диалектного типа, а также выявление места описываемого идиома в системе коми диалектов.

Несмотря на определенные достижения, перед коми диалектологией стоит немало нерешенных проблем и задач. Так, важнейшей задачей коми диалектологии является всесторонняя разработка вопросов диалектного членения коми языка. К наиболее общим дифференцирующим признакам коми-зырянских диалектов относятся: 1) варьирование звуков *л~в*; 2) варьирование гласных *о~э* в первом слоге; 3) варьирование *ы~и* в первом слоге; 4) варьирование конечнослоговых *дь ~ йд, ть ~ йт*. Традиционная структурно-территориальная классификация коми-зырянских диалектов не опирается на эти важнейшие критерии, она практически определена этническим самосознанием коми-зырян и совпадает с классификацией этнических групп. Обычно эти языковые массивы выделяются самими носителями языка вне зависимости от их лингвистического изучения и до такого изучения. На начальном этапе планомерного изучения коми диалектов современная структурно-территориальная классификация зырянских диалектов была, несомненно, необходима. Диалектное членение, основанное на территориальных принципах, дало возможность сбора и систематизации диалектного материала. Значительные успехи и достижения коми диалектологов в деле изучения и описания диалектов,

а именно сбор обширного полевого материала, издание сравнительного словаря коми-зырянских диалектов, подготовка и издание монографических работ по всем диалектам создают предпосылки для лингвогеографических разысканий, изучения структуры диалектного языка в *ареальном* аспекте и создания ареальной классификации зырянских диалектов. Ареальный подход позволяет рассматривать диалектный язык как систему взаимно проникающих разновидностей, каждая из которых объединяется с теми или иными разновидностями по одним элементам своей структуры и противопоставляется им по другим.

Необходимо отметить, что работа по лингвогеографическому и ареальному исследованию коми диалектов сопряжена с некоторыми трудностями. Первая из них – неразработанность методики ареальных исследований по финно-угорским языкам. Вторая связана с тем, что имеющийся эмпирический материал не был ориентирован на лингвогеографическое изучение диалектов. В связи с этим необходимо провести тщательную обработку источников традиционной коми диалектологии (диалектных монографий, текстов, архивных материалов, словарей), которые могут дать точки опоры для лингвогеографических исследований, а сбор нового языкового материала проводить с ориентацией на последующее ареальное исследование.

Несомненно, в ареальных исследованиях необходимо рассматривать общекоми языковое пространство как целостный объект лингвогеографии. Изогlossы многих диалектных различий, пересекающие территорию коми языков, показывают тесную связь, которая существовала в истории. Так, многие диалектные явления, по-разному объединяющие современные коми (пермяцкие и зырянские) диалекты, восходят к очень древнему, племенному периоду, другие свидетельствуют об этнических контактах и связях в прошлом, третьи возникли в разных диалектах независимо друг от друга, но свидетельствуют об их структурной общности.

Вопросы поиска адекватных ареальных единиц описания и диалектного районирования коми диалектов впервые были подняты в работах В.А. Ляшева (Ляшев, 1987: 51–54; Ljashev, 1990: 327–330). Основываясь на таких важнейших языковых чертах, как модификация *л-в-ø*, наличие среднерядных лабиальных гласных типа вишерского и язьвинского, исследователь в диалектном пространстве коми языка выделил пять крупных ареальных образований: 1) *южная* диалектная зона (южнопермяцкие говоры); 2) *восточная* диалектная зона (язьвинский диалект и цепь вычегодских говоров с лабиальными); 3) *северо-западная* диалектная зона (удорский, нижневычегодский, присыктывкарский диалекты); 4) *северная* диалектная зона (ижемский и вымский диалекты); 5) *центральная* диалектная зона (сыольский, лузско-летский бассейны, Верхокамье). Вероятно, дан-

ная классификация может служить отправной точкой в выделении лингво-территориальных единиц коми языка.

Отдельного рассмотрения при создании ареальной классификации коми диалектов требуют диалекты вторичного образования, к каковым относятся верхневычегодский и печорский диалекты. Не случайно в традиционном членении зырянских диалектов на северную и южную группы верхневычегодский и печорский диалекты остаются не отнесенными ни к одной из них. Диалектная речь на востоке коми-зырянского диалектного пространства отличается заметной пестротой. Это объясняется тем, что территория бассейнов верхней Вычегды и верхней Печоры заселялась в более позднее время, параллельно из разных мест, представителями различных диалектов.

Одной из насущных задач современной коми диалектологии является составление диалектологического атласа коми языка. Мысль о необходимости его создания была высказана еще В.И. Лыткиным в 1957 г. (Лыткин 1957: 109). Диалектологические исследования прошлого столетия являются подготовительным этапом работы над атласом. Первые шаги в области лингвистического картографирования были предприняты в конце 70-х гг. прошлого столетия В.А. Ляшевым при участии в крупном международном проекте «Лингвистический атлас Европы», в задачи которого входило представление соотносительных черт языков индоевропейской, финно-угорской, кавказской, алтайской, семитской семей в их диалектных разновидностях.

В настоящее время сотрудниками сектора языка в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН №33 «Традиции и инновации в истории и культуре» (2012-2014 гг.) ведется работа над проектом «Лингвогеографические исследования по коми языкам» (рук. проекта А.Г. Мусанов). Проект представляет собой предварительную работу по подготовке диалектологического атласа коми языка. Участниками проекта проведена выборка опорных пунктов, составлен предварительный вопросник по сбору материала, проведено анкетирование в ряде опорных пунктов. Использование методов картографирования и изоглоссирования позволит решить многие важнейшие проблемы коми диалектологии, такие как: 1) выявление происхождения и формирования диалектов; 2) выявление роли и значения миграционных процессов в образовании территориальных разновидностей языка; 3) уточнение современного диалектного членения языка; 4) установление иерархий территориальных подразделений и др. Диалектологический атлас должен стать фундаментом дальнейших диалектологических исследований и исследований по истории коми языка, стать новым импульсом для теоретических разработок в области коми диалектологии.

Сегодня актуальными остаются и некоторые проблемы описательной диалектологии. Так, неравномерной остается степень изученности коми диалектов. К неописанным (ни монографически, ни диссертационно) территориальным разновидностям коми языка относятся верхнекамское наречие и нердвинский диалект коми-пермяцкого языка. Необходимо исследовать и говоры коми диаспор, проживающих за пределами этнической территории, с целью выявления диалектной основы их языка и развития диалектных особенностей в условиях изолированности и иноязычного окружения. Примерами таких исследований являются диссертационные исследования Т.Б. Лаптандер, К.А. Субботы, подготовленные на кафедре коми и финно-угорского языкознания СыктГУ, и «Словарь мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка», включающий в свой состав краткий лексико-грамматический очерк, описание фонетики и фонологии, отгlossированные тексты с переводом на русский язык и словарь общим объемом более 3000 слов (Словарь 2010). Словарь подготовлен на основе материалов, собранных кафедрой теоретической и прикладной лингвистики МГУ им. М.В. Ломоносова в трех полевых экспедициях.

Много нерешенных вопросов имеется в области диалектной фонетики. Не подвергнуты изучению вариативность фонем в коми диалектах, акцентуационные и интонационные особенности диалектной речи. При изучении диалектной фонетики почти не применялись методы экспериментальной фонетики. Попытки экспериментального исследования фонем были предприняты лишь на материале ижемского (Игушев 1972: 55-57) и вымского (Ляшев 1975) диалектов.

Абсолютно не исследованной остается синтаксическая структура коми диалектов. Исследование диалектного синтаксиса имеет большое значение для изучения синтаксического строя более древнего периода развития языка.

Итак, перед коми современной диалектологией стоят большие задачи. В дополнение к вышеобозначенным проблемам перечислим наиболее насущные из них:

- Необходимо активизировать работу по сбору диалектного материала во всех регионах распространения коми языка. Сбор нового материала позволит проследить закономерности и динамику развития современных коми диалектов.
- Необходимо приступить к изданию образцов диалектной речи по материалам диалектологических экспедиций. К сожалению, на сегодняшний день уникальный труд «Образцы коми-зырянской речи» (ОКЗР 1971) – единственный сборник диалектных текстов, изданный коми диалектологами.

- Завершение монографического описания коми-зырянских диалектов требует теоретического осмысления и обобщения огромного диалектного материала по всем уровням языка с учётом исторических данных – создания обобщающей работы по коми диалектологии.
- Малоисследованными являются проблемы исторической диалектологии: вопросы истории формирования диалектов и диалектных различий.
- Неизученными остаются диалекты с точки зрения социологического аспекта. В коми диалектологии изначально существовала ориентация на фиксацию традиционного говора (т.е. речь диалектоносителей старшего и пожилого возраста), хотя вопросы социальной диалектологии поднимались еще в 30-е гг. В.И. Лыткиным (Сборник 1930: 70). Интересным представляется исследование специфики речи диалектоносителей, различающихся по социокультурным параметрам: возрасту, полу, образованию, социальному положению. Необходимо исследовать степень устойчивости узколокальных языковых явлений в условиях городов и крупных населённых пунктов, где происходит смешение и контаминация различных диалектных единиц.
- Насущной задачей современного коми языкознания и диалектологии является создание электронного диалектологического корпуса (более подробно об этом см. Некрасова 2010: 13-16). Электронный корпус диалектных текстов, моделирующий традиционную коммуникацию на диалекте, является принципиально новым источником изучения диалектной речи, наиболее надёжной формой хранения диалектных текстов. Электронная форма представления диалектных текстов повысит сохранность уникального материала, хранящегося в фондах научного архива КНЦ УрО РАН, Института языка, литературы и истории, а также в фондах кафедры коми и финно-угорской филологии филологического факультета университета, и сделает его доступным для широкого круга исследователей.

Таковы, на наш взгляд, основные перспективы развития современной коми диалектологии. Решение ее важнейших задач требует огромного усилия и координированной работы диалектологов, привлечения и подготовки новых специалистов, модернизации технической базы и исследовательского инструментария.

Литература и источники

Айбабина Е.А., Безносикова Л.М. Коми сёрнисикасьясын рӧдвуж нимъяслӧн кывчукӧр. Сыктывкар, 2011.

Безносикова Л.М., Айбабина Е.А., Забоева Н.К., Коснырева Р.И. Коми сёрнисикас кывчукӧр. Словарь диалектов коми языка: в 2-х томах. Сыктывкар, 2012. Т. I.

Дмитриева Р.П. Фонетика и морфология косинско-камского диалекта коми-пермяцкого языка. Дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 1998.

Игушев Е.А. Экспериментальные данные о долготе гласных в ижемском диалекте коми языка // Советское финно-угроведение. Таллин, 1972. № 1. С. 55-57.

Латтандер Т.Б. Сравнительная антропонимия коми и ненецкого языков в ареале Ямало-Ненецкого автономного округа. Дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2002.

Лыткин В.И. Изучение диалектов коми языка // Вопросы языкознания. 1957. № 5. С. 108-110.

Ляшев В.А. К вопросу о диалектном районировании коми языков // Пермистика: Вопросы диалектов и истории пермских языков. Ижевск, 1987. С. 51–54.

Ляшев В.А. Фонетико-морфологические особенности вымского диалекта коми языка: Дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 1975.

Меркушева Т.Н. Лексика флоры и фауны южного наречия коми-пермяцкого языка. Дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2003.

Некрасова Г.А. Электронный диалектный корпус как ресурс сохранения и изучения коми диалектов // Финно-угорский мир. 2010. № 1. С. 13-16.

ОКЗР 1971 – Образцы коми-зырянской речи. Сыктывкар, 1971.

Сажина С.А. Сравнительная морфология коми-зырянских диалектов (именные части речи). Ареальный аспект исследования. Дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2004.

Сборник 1930 – Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка / Под ред. В.И. Лыткина. Сыктывкар, 1930.

Словарь 2010 – Словарь мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка / Под ред. А.И. Кузнецовой. Екатеринбург, 2010.

Суббота К.А. Глагол в ижемском диалекте коми языка: грамматические категории и словообразование (на материале казымского говора): Дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2008.

Федосеева Е.Н. Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка: Дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2002.

Ljashev W. A. Die Probleme der Komi Sprachgeographie // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. М., 1990. Т.2. С. 327-330.

**НАИМЕНОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «КУДРИ»
В ДИАЛЕКТАХ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА**

В.Г. Семёнов (Ижевск)

КУДРИ; КУДРЯВЫЙ

1.1.1. кудр'а 6, 8, 9

1.1.2. куд'ыра 1–11, 19–24, 27, 32–34, 37–44, 47, 51–53, 56,
57, 61–65, 75, 76; куд'ыра 31, 35, 50; куд'ъра 25, 26,
28–30, 47, 48

1.1.3. къд'ъра 36, 45, 46, 49

1.1.4. кудрӓ 170

1.1.5. кудър 175

2.1.1. бабыл'а 78, 79, 101, 136; бабъл'а 148

2.1.2. бабл'а 14, 16, 57, 72–74, 77г, 78–80, 83, 88, 89, 93, 107,
122, 136

2.2.1. бабыл'эс 10, 11, 18, 56, 58–62, 66, 68–71, 76, 78, 82,
84, 99–101, 103, 105, 106, 108–112, 114–121, 124, 126,
127, 131–134, 136, 153, 155, 171; бабыл'эс 128; бабъл'-
эс 128, 130, 135, 137, 148–150

2.2.2. бабл'эс 14, 54, 55, 66, 67, 77, 81, 83, 85–87, 90–98, 102,
104, 107, 108, 113, 114, 123, 125, 126, 129, 135, 136, 147

2.2.3. багыл'эс 12, 13

3.1.1. бутырка 168; бутырка 163

3.1.2. бӱтыркӓ 156, бӱтыркӓ 157; 164; бӱтырка 151, 152,
174

3.1.3. бӱтыркӓ 146, 154, 160, 161, 169, 172

3.1.4. бӱтиркэ 173

3.1.5. битырка 158, 159; битырка 159; битырка 142–144

3.1.6. битыркӓ 157; битыркӓ 163, 165

3.1.7. битыркэ 173

3.1.8. битырки 141

3.1.9. бидырка 138–140

3.1.10. бытырка 156, 168; бьтырка 170

3.1.11. бытыркӓ 171

3.1.12. бӱтыркӓ 145, 167

3.2.1. битырийо 15

4.1.1. бӱдрӓй 175

4.1.2. бӱдрӓ 175

Кудри – это вьющиеся или завитые колечками, локонами волосы.
В современном удмуртском языке данное понятие передается посредством

слов *куд'ыра* и его фонетических вариантов *кудр'а*, *куд'ыра*, *куд'ъра*, *къд'ъра*, *кудрă*, *кудър*, заимствованных из русского языка, словом тюркского происхождения *бутырка*, которое также имеет многочисленные фонетические варианты; словами собственного происхождения *бабыл'эс*, *багыл'эс*.

Форма *кудр'а* употребляется в косинском говоре нижнечепецкого диалекта, *куд'ыра* охватывает все северное наречие: вариант *куд'ыра* зафиксирован в понинском подговоре глазовского говора (31, 35, 50), где встречается неогублённый гласный средне-заднего ряда верхне-среднего подъёма *ы*; а *куд'ъра* – также в отдельных населенных пунктах глазовского говора (25, 26, 28–30) и юкаменском говоре (47, 48). Вариант *къд'ъра* характерен для бесермянского наречия, где употребляется неогублённый гласный средне-заднего ряда среднего (средне-нижнего) подъёма *ъ*. Лексема *кудрă*, наряду с формой *бътърка*, зафиксирована в д. Шавьяды (170), относящемся к буйско-таньпскому говору, в котором встречается неогублённый гласный переднего ряда нижнего подъёма *ă*. Вариант *кудър* отмечен в красноуфимском говоре (175), в котором он заимствован из марийского языка, ср. мар. *кудыр* ‘кудрявый’ (РМС 287), которое, в свою очередь, выводится из русского *кудер*.

Русские лексемы *кудри*; *кудрявый* являются словами общеславянского происхождения: рус. *кудёрь*, мн. *кúдри*, укр., *кúдер*, *кудiр*, мн. *кúдри*, *кудра* ‘кудрявая женщина’, болг. *къдър* ‘кудрявый’, сербохорв. *кудар*, *кудра* – то же, чеш. *kudrna* ‘локон, завиток волос’, н.-луж. *kužeř* – то же. Отсюда *кудрявый*. Родственно *кудэль*, *кудэля* ‘лен, приготовленный к пряже’, укр. *кудэля*, болг. *къдэля* ‘пучок льна для прядения’, сербохорв. *кúделья* ‘кудель, конопля, лен, прялка’, чеш. *koudel* ‘кудель; пакля’, словц. *kúdel'* ‘кудель, прялка, веретено’, н.-луж. *kužel'* ‘прялка’. Сюда же *кудло* ‘клок, свалывшийся пучок волос, шерсти’ (Фасмер 1967: 399–400).

В русском языке слово *кудрявый* известно с 1289 г. (Насибуллин 1998: 88), а в удмуртских источниках впервые зафиксировано в форме *кудра* ‘кудри’ в 1880 г., в значении ‘кудрявый’ – в словаре З. Кротова в 1785 г. Последующие фиксации: *güdeŕa* Kaz. ‘кудрявый’ (1896) (Munk., 250), *кудыра* св. рус. ‘тж’ (Борисов 1932: 147); *кудыра* сев. ‘1) кудри; 2) кудрявый’ (УРС 1948: 154); *кудыра* ‘кудрявый, курчавый’ (УРС 1983: 225); *кудыр*, *кудыра* диал. ‘1. кудрявый, курчавый 2. локон, завиток’ (УРС 2008: 343).

Форма *бабыл'а* употребляется в шарканском говоре средне-восточного диалекта (78, 79), в д. Стар. Утчан (136, алнашский говор); вариант *бабыл'а* с неогублённым гласным средне-заднего ряда среднего подъёма *ъ* – в д. Сарсак-Омга (148, кыркмасский говор). Вариант *бабыл'а* зафиксирован в отдельных населённых пунктах, представляющих гуринский (14),

зятцинский (57, 72), сюмсинский (83), увинский (88) говоры средне-западного диалекта, омгинский (16, 107) и нылгинский говоры (89), якшур-бодьинский (73, 74) и (77–80) шарканский говоры средне-восточного диалекта, среднеижский (93, 122) диалект. Лексема *бабыля* является производной от основы *бабыль*; *-a* – непродуктивный именной деривационный аффикс, восходящий к финно-угорскому **-p* (Алатырев 1988: 137).

Лексема *бабылес* характерна для срединных говоров, употребляется во многих населённых пунктах собственно южного диалекта, а также в шагиртско-гондырском говоре периферийно-южного диалекта (153, 155). *Бабыл'эс* отмечено в д. Карамас-Пельга (128, кыркмасский говор), а его вариант *бабъл'эс* с неогублённым гласным средне-заднего ряда среднего подъёма *ь* – в кыркмасском (128, 130, 148) и алнашском (135, 137, 149, 150) говорах собственно южного диалекта. Форма *бабъл'эс* зафиксирована в лозинском говоре верхнечепецкого диалекта (54, 55), встречается во многих срединных говорах, в частности, в копкинском средне-западного диалекта (66, 67), в водзимоньинско-омгинском и среднеижском диалектах, охватывает небольшую территорию собственно южного диалекта (125, 126, 129, 135, 136, 147).

Вариант *багыл'эс* употребляется только в кульминском говоре средне-западного диалекта (12, 13). Значение этого слова дано только в словаре Т. Борисова: *багылес* кр. юж., *быгылес* св., ср., юж. ‘шарообразный, круглый’ (Борисов 22). Удмуртскому *быгылес* ‘круглый, шарообразный, овальный, цилиндрический’ соответствует коми *быгыльтны* ‘катить, покатить, скатить, откатить’. Является словом финно-пермского происхождения со значением ‘шар, шарообразный’. Имеются соответствия в марийском, мордовских языках. В. Алатырев в этом ряду приводит коми *быгыльӧс* ‘цилиндрический; каткий; способный катиться’, которое и по созвучию, и по семантике близко удмуртскому *быгылес* (КЭСК 43; Соколов 1997б: 89).

Происхождение: Удм. *бабылес* (баблес) ‘кудрявый, кудряво; кудри’, коми *бобул*, *бобыл* ‘налет плесени на пищевых жидкостях’. Общеп. **bab-* ~ **bob-*; *-il* – деривационный аффикс, восходящий к урал. **-l*; *-эс* – именной деривационный аффикс, восходящий к фин.-уг. **-s* (<**-ks*). По мнению В. И. Алатырева, корень *баб-* (*боб-*), по-видимому, имеет связь с тюркским миром, ср. тат., башк. *бәбәк* ‘бутон, почка цветка; зародыш’; азерб. *бәбә*, турк. *бәбек*, казах. *бөбек*. Значения: ‘кукла; дитя; птенец, гусёнок, утёнок; зрачок; зародыш’. Семантически: тюрк. ‘ребёнок, птенец, зародыш, бутон, почка’ > удм. ‘кудри; кудрявый’, коми (?) ‘плесень’ (Алатырев 1988: 136–137). С. Соколов не согласен с таким семантическим изменением, по значению ближе друг к другу стоят коми и удмуртские слова (Соколов 1997а: 95).

Наличие в письменных источниках: *бабылесъ јирси* ‘кудри’ (1775) (Тепляшина 1966: 149); *бабылесъ јирси* ‘кудрявые волосы, кудри’ (Кротов 1785: 8); *babil'es M J* ‘кудрявый, курчавый; завитой’ (1892, 1894) (Wichm., 14); *бабля* I, II ‘1. о волосах: кудреваты 2. о человеке: кудреватъ’, *бабыль* II ‘кудреватый’ (1892, 1920-е гг.) (ВерещСл., 23); *bagil'äs* ‘кудрявый’ (1896) (Munk., 605), *babil'äs*, *babl'äs*, *babil'i* ‘кудря, курчавый’ (Munk., 610); *баблес* с ‘кудри’ (Яковлев 1919: 7); *бабылес* юж., *баблес*, *бабыли* кр. юж., *бабыля* ср., *багылес* кр. юж. ‘кудрявый, кудри’ (1932) (Борисов 1991: 22); *бабылес* ‘кудрявый’, *бабля*, *бабыля* ‘1) кудри; 2) курчавый’ (УРС 1948: 21-22); *баблес*, *бабылес*, *бабылѐ*, *бабыль-бабыль* ‘кудрявый, курчавый’, *бабыль*, *бабля*, *бабыля* ‘кудри // курчавый, курчавый’ (УРС 1983: 36); *баблес*, *бабылес*, *бабылѐ*, *бабыли*, *бабыль*, *бабыль-бабыль*, *бабыля* ‘кудри // курчавый, курчавый’ (УРС 2008: 53-54).

Употребление лексемы *бутьрка* и его многочисленных фонетических вариантов характерно для говоров периферийно-южного диалекта. Варианты *бўтыркä*, *бўты́ркä*, *битырка*, *биты́рка*, *бытырка*, *бъты́рка* встречаются в буйско-таныпском говоре, *бўты́рка* – в бавлинском говоре, близкие к языку-оригиналу варианты *бйты́ркä*, *бўты́рка* зафиксированы в дд. Стар. Уча (145) и Пойкино (146), представляющих кукморский говор, в татышлинском (154, 160, 161, 169) и ташкичинском говорах (167, 172) т.е. в тех говорах, которые являются наиболее татаризированными. В шошминском говоре (138–140) употребляется форма *бидырка*, её модификация *биты́рка* характерна для кукморского говора (142–144). Вариант *бўты́рка* отмечен в бавлинском говоре южного наречия. Лексема *бутьрка* заимствована из татарского языка (Алатырев 1988: 217; Тараканов 1993: 49).

Наличие в письменных источниках: *bidirjo*, *bid(i)rijo* M U ‘кудрявый, курчавый; завитой’ (1892, 1894) (Wichm., 20); *bütërka* Kaz. ‘кудрявый’ (1896) (Munk., 629), *бидырги* к ‘кудри’ (Яковлев 1919: 7); *бутьрка* диал. ‘кудрявый // кудри’ (УРС 1983: 59); *бутьрка* диал. ‘тж’ (УРС 2008: 86).

Лексема *бўдрäй* и его вариант *бўдра* зафиксированы в красноуфимском говоре периферийно-южного диалекта (175). Наличествует лишь в одном источнике: *будрай* диал. ‘кудри // курчавый’ (УРС 2008: 79). Также является словом татарского происхождения, ср. тат. *бөдрä* ‘кудрявый’ (РТС 1991: 239).

Яковлевым отмечены и такие варианты: *пуж-јыр* г, *купырьяскем јырси* ‘кудри’ (Яковлев 1919: 58). *Пуж* – основа глагола *пужалскыны* ‘свернуться, скататься’ + *јыр* ‘голова’; *купырьяскем* ‘согнутые, наклонённые’ + *јырси* ‘волосы’. *Пужыыр* в значении ‘кудрявый’ присутствует в последнем изданном удмуртско-русском словаре (УРС 2008: 553).

В близкородственном коми языке наряду с русским заимствованием кудря употребляются слова собственного происхождения *читкыль*, *чыкыль* (РКС 379). Коми *чыкыль* 'завиток (волос)', *чыкыльтчыны* 'вить-ся, завиться', *чыклясьны* 'извиваться, завиваться', *чыклес* иж., *чыкляс* уд. 'сгиб, изгиб', *чыкыртны* вс. 'поджать, подогнуть', *чыкрасьны* л., скр., сс. 'морщиться'. В этот комплекс Утила включает кп. *чыкись* 'коса'. Доперм. *č'ökke > общеп. *č'ik – или *č'ik 'изгиб, загиб, завиток' (КЭСК 305). В поволжских языках для обозначения кудрей употребляются слова, заимствованные из русского языка: мордЭ. *кудряв* (РЭС 165), мордМ. *кудрявай* (РМокшС 235), чув. *кăтра* 'кудри; кудрявый' (РЧС 1971: 309).

Литература и источники

Алатырев В.И. Этимологический словарь удмуртского языка: Буквы А, Б. Ижевск, 1988.

Борисов Т.К. Удмурт кыллюкам. Толковый удмуртско-русский словарь: Ок. 15000 слов. Ижевск, 1991.

ВерецСл. – Верецагин Г.Е. Собрание сочинений: В 6 т. / Г.Е. Верецагин; Под ред. В.М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 2: Вотско-русский словарь (= Удмуртско-русский словарь) / Отв. за выпуск и авт. предисл., комментарий Л.М. Ившин. Ижевск, 2006.

Кротов З. Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ. 1785 года. 285 с. (В кн.: Кротов З. Удмуртско-русский словарь. Ижевск, 1995).

КЭСК – Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970; переизд. с доп.: Сыктывкар, 1999.

Насибуллин Р.Ш. Приложения к дисс. ... докт. филол. наук на тему: Русские заимствования в удмуртском языке: Дооктябрьский период. Ижевск, 1998.

РКС – Безносикова Л.М. Русско-коми словарь: 52 000 слов / Л.М. Безносикова, Н.К. Забоева, Р.И. Коснырева; Под ред. Л.М. Безносиковой. Сыктывкар, 2003.

РМокиС – Русско-мокшанский словарь: Ок. 40000 слов / С.Г. Потапкин, А.К. Имяреков; Отв. ред. Г.Я. Меркушкин. М., 1951.

РМС – Русско-марийский словарь: Ок. 35000 слов / Сост. И.Ф. Андреев, Л.П. Васикова, Ф.И. Гордеев и др.; Гл. ред. И.С. Галкин. М., 1966.

РТС 1991 – Русско-татарский словарь: Ок. 47000 слов / Э.М. Ахунзянов, Р.С. Газизов, Ф.А. Ганиев и др.; Под ред. Ф.А. Ганиева. 3-е изд., испр. М., 1991.

РЧС 1971 – Русско-чувашский словарь: Ок. 40000 слов / Под. Ред. Н.А. Андреева и Н.П. Петрова. М., 1971.

РЭС – Русско-эрзянский словарь: Ок. 25000 слов / Под. общ. ред. М.И. Коляденкова и Н.Ф. Цыганова. М., 1948.

Соколов С.В. Этимологической пичи кылбугор // Вордскем кыл. 1997. № 4: 95 б.; № 6. 89–91 б.

Тараканов И.В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи. Ижевск, 1993.

Тепляшина Т.И. Памятники удмуртской письменности XVIII века. М., 1966. Вып. I.

УРС 1948 – Удмуртско-русский словарь: Ок. 15 000 слов. М., 1948.

УРС 1983 – Удмуртско-русский словарь: Ок. 35 000 слов. М., 1983.

УРС 2008 – Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов. Ижевск, 2008.

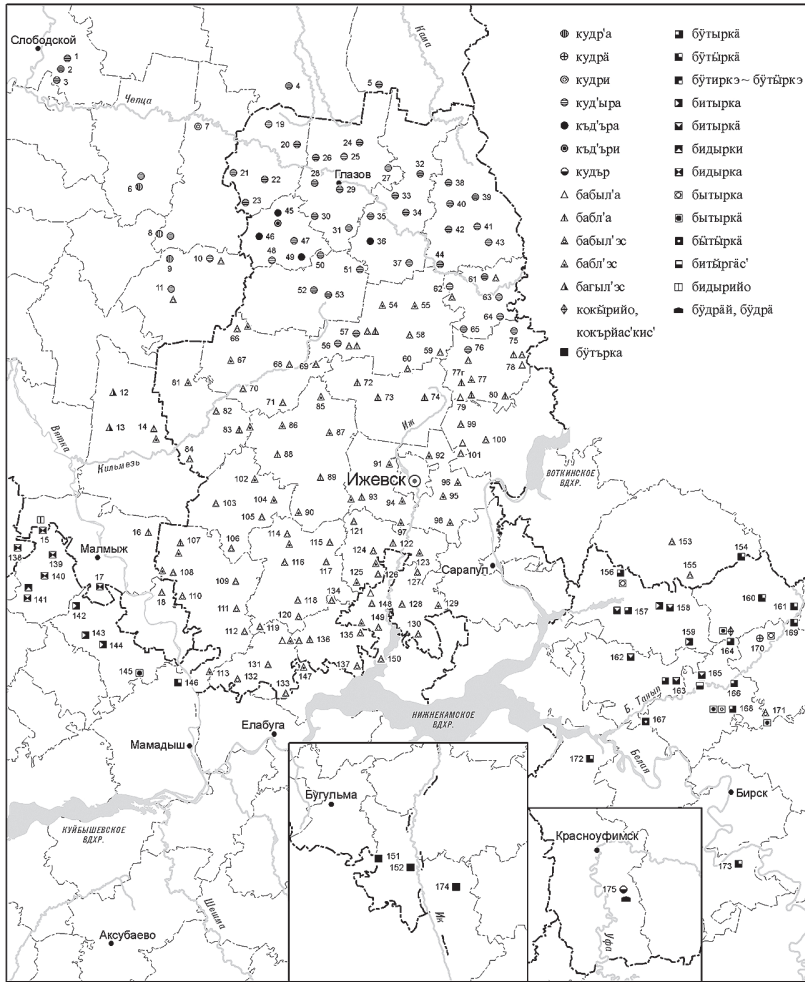
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Перевод с немецк. и доп. О.Н. Трубачева; Под ред. Б.А. Ларина. Т. II: Е–Муж. М., 1967.

Яковлев И.В. Удмуртъёслэсь ог-огзылэсь мукет сямен вераськон кыльёссэс валэктӥсь книга / И.В. Яковлев. Казань, 1919.

Munk. – Munkacsi B. A votjak nyelv szotara / B. Munkacsi. Budapest, 1896. 2-e изд.: Pecs, 1990.

Wichm. – Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. LSFU XXI. Helsinki, 1987.

КУДРЯВЫЙ

М 1:2 000 000
(в 1 см 20 км)

ПЕЙОРАТИВНАЯ ЛЕКСИКА В КОМИ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЯХ*

Е.А. Цыпанов (Сыктывкар)

Самое общее определение термину пейоративный дает О.С. Ахманова: «Пейоративный (уничужительный, depreciативный, детериоративный, неодобрительный,) *англ.* 1. Обладающий отрицательной экспрессивно-эмоционально-оценочной коннотацией. Пейоративное слово. Пейоративное значение. 2. Сообщающий (придающий) слову отрицательную коннотацию. Пейоративный суффикс (Ахманова 1966: 315). Ранее в русистике употреблялся и теперь употребляется термин *бранная лексика*. Необходимо отметить, что особые грамматические пейоративные суффиксы есть в коми языке. Это коми-пермяцкий суффикс *-жуз* с уничижительным значением, например, *иганжуз* «плохой запор», и коми-зырянский суффикс *-шой*, например, *пасьшой* «плохая, никуда не годная шуба». Оба суффикса исторически возникли от знаменательных существительных *жуз* «труха, отбросы» и *шой* «труп». Однако количественно пейоративная лексика в выражении отрицательной экспрессивно-эмоционально-оценочной семантики занимает центральное место.

Некоторые авторы видят большую разницу между собственно-пейоратами и ругательствами, матерными нецензурными выражениями, последние именуются бранной лексикой. Однако в современности их различать очень сложно, так как в условиях резкой демократизации языка стираются стилистические различия, а так называемый высокий стиль выходит из употребления. Например, во многих сферах употребления русского языка теперь «мат льется рекой»: не только лишь традиционно в тюрьмах, армии и бомжацких ночлежках, но и в интернете, на театральных подмостках, в кинофильмах, художественной литературе и даже на заседаниях в правительственных структурах (в качестве примера можно привести реплику министра образования РФ Д.В. Ливанова своему коллеге в открытом эфире с использованием мата). В нашем понимании пейоратов грубые бранные выражения также включаются в рассмотрение. Однако в отношении коми языка эта проблема вообще не актуальна в силу того, что матерные выражения практически на сто процентов являются в коми языке русскими заимствованиями, а исконных грубых матерных слов совсем немного.

Собственно наш объект исследования – пейоративная лексика – сопровождает ругань как специфическую форму человеческого общения, ко-

---

* Исследование выполнено по проекту № 12-П-6-1008 «Лингвогеографические исследования по коми языкам» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН №33 «Традиции и инновации в истории и культуре».

торая (часто в критических ситуациях) служит в функции предохранительного клапана, выпускающего гнев, злость, недовольство субъекта речи. Наиболее частотными коми пейоратами являются *ббб, йдй, мбмбт, порсь, бшлбпан, сбтана пызь, шева, юр вундысь* и др.

Леон Арбатский, автор-составитель известного словаря под названием «Ругайтесь правильно», выделяет четыре важнейшие функции ругани как формы человеческого общения:

1. функция выражения отрицательного отношения к объекту поношения,
2. функция универсального носителя информации;
3. мобилизующая и стимулирующая функция на слушателя;
4. физиологическая функция, заключающаяся в эмоциональной разрядке и снятии стрессовых напряжений говорящего (Арбатский 2007: 8-10).

Если первые две и четвертая функции важны для субъекта речи, бранящегося, то третья непосредственно связана со слушателем, который подвергается воздействию и воспринимает побуждение к определенным действиям или стремлениям. Первая и четвертая функции взаимно обусловлены и тесно связаны, полностью оправдывая слова Маршала Ламздена: «никогда свобода слова не была так драгоценна, как при случайном попадании молотком по пальцу» (Арбатский 2007: 9). Кстати, научно установлена закономерность: меньше живут и больше болеют сердечно-сосудистыми заболеваниями как раз сдержанные и воспитанные люди, а вот у несдержанных здоровье намного лучше.

Пейоративы (слова и словосочетания) противоположны мелиоративам, словам и словосочетаниям с положительно-оценочным значением типа *бобб, дона, дрбчка, зарни ти, муса* и т.д. Как правило, во всех языках мелиоративов гораздо меньше пейоративов, что обусловлено природой человеческой психики, тем, что положительные качества человек обычно воспринимает как само собой разумеющиеся, обычные и обязательные, а отрицательные черты оценивает как угрозу себе, семье, окружающим и всему обществу.

Тема пейоративной лексики в коми языкознании абсолютно не исследована, хотя сам материал хорошо зафиксирован в нормативных и диалектных словарях, сборниках фразеологизмов, фольклорных текстах и богатейшей художественной литературе.

Пейоративы имеют различные классификации, созданные на основе различных критериев, однако это не входит в сферу нашего рассмотрения. Исторически состав пейоративной лексики любого языка включает исконную и заимствованную части. К числу последних относятся многие, фонетически часто адаптированные лексемы, употребительные практически

во всех коми диалектах и литературном языке, такие как *баквал, бӧлбан, вӧр, гад/гадина, дурак, дебил, кулиган, лешак, лодыр, морда, пъянник, рожса, скӧт/скотина, сӧтана, сука, урӧд, чӧрт, чурка, шпана* и др. Самый предварительный анализ собранного материала показывает, что пейоративная лексика в диалектах гораздо более разнообразна и очень специфична, она в корне отличается даже в наречиях коми языка и близкородственном удмуртском языке. Так, в удмуртском языке лишь несколько слов-пейоратов находят прямые соответствия, это в основном пейоративные значения названий животных и птиц: к. *пон* – удм. *пуны* «собака», к. *кӧин* – удм. *кион* «волк», к. *катша* – удм. *кухо* «сорока» в значении «болтушка». К примеру, отличительными коми-пермяцкими лексемами-пейоратами являются следующие: *арттӧм* «бестолковый», *бадзор* «проходимец», *бӧбӧв* «дурак», *дышкуль* «лентяй», *каб юр* «тупица», *кодиль* «пьяница», *лязгай* «хлипкий человек», *лякӧсь бӧж* «рыльце в пуху», *понжуг* «собака», *строиной* «босаяк, неряха», *чука* «морда», *кузь чуж* «злюка», *шайтан* «неряха». Как видно, в целом коми-пермяцкие пейоративы образуют собственную систему и далее в этой работе они не рассматриваются.

Необходимо отметить также, что состав пейоратов в силу своей эмоционально-оценочной коннотации исторически довольно сильно изменив, он постоянно пополняется за счет заимствований, одновременно теряя употребительность ряда слов. По нашим наблюдениям, в речи современных коми-зырян уже не употребительны следующие слова-пейораты: *антикрис(т)*, *антус* «черт», *бусурман* «пришлый, чужак», *калера* «холера», *кулак* «жадюга», *момо* «тупица», *некрись* «поганный, некрещеный», *роч шпана* «русская шпана» и др. К числу относительно новых пейоратов можно отнести слова *алкаш, дебил, зык, идиот, паиш(т), чмо, эгоис* и т.д.

Общенациональный состав пейоративной лексики, встречающийся в большинстве диалектов, лучше всего отражен в диалектных словарях. Далее в таблице даны формы пяти лексем, извлеченных из четырех словарей, изданных в разные века.

Таблица 1.

Отражение наиболее частотных пейоративов в диалектных словарях.

Слово	Савvaitов 1850	Утила 1942	Фокош-Фукс 1959	ССКЗД 1961
<i>адгорш</i> «жадина»	ад горш	–	ad-gorš	адгорш
<i>бӧб</i> «дурак»	–	böb	böb	бӧб
<i>йӧй</i> «дурак»	jöj	jö3	jö3	йӧй
<i>мути</i> «черт, бес»	–	–	mut'i	мути
<i>шыш</i> «вор»	–	šyš < Russ.	šyš < Russ šyš-göt2r	шыш

Надо отметить, что зачастую в указанных словарях даны лишь прямые номинативные значения, а не пейоративные. Например, П.И. Савваитов дает первичное значение словосочетания *ад горш* как «геенна, тартарь, преисподняя» (Савваитов 1850 : 49). Д.Р. Фокош-Фукс слово *мути* объясняет как «лесное существо очень высокого роста» (Fokos-Fuchs 1959 : 640), что объясняется описанием лишь наличных текстовых реализаций. Эта особенность присуща также и нормативным словарям литературного языка. К примеру, в последнем наиболее объемном коми-русском словаре у слова *катша* выделено лишь номинативное значение «сорока || сорочий» (КРК 263), хотя в той же словарной статье дается словосочетание *бӧжтӧм катша* в значении «вертихвостка».

Собственно диалектный состав коми пейоративной лексики отличается большим числом и разнообразием. В коми-зырянских диалектах они также отличаются как составом, так и звуковым обликом. Одни диалектизмы характерны для смежных и несмежных диалектов, другие употребительны в одном диалекте. Немало также пейоратов, представляющих фонетические варианты, например, вариант *акпаш* употребляется в среднесыольском и присыктывкарском диалектах, а вариант *ыкпаш* в говоре с. Керчемья (ССКЗД 10). Диалектные пейоративы лучше всего зафиксированы были до недавнего времени в наиболее полном диалектном словаре 1961 г. (ССКЗД), в других же они представлены в малом количестве. Это демонстрирует табл. 2.

Таблица 2.

Отражение регионально функционирующих пейоративов в диалектных словарях.

Слово	Савваитов 1850	Утила 1942	Фокош-Фукс 1959	ССКЗД 1961
<i>гиги</i>	-	-	<i>gigi-ts'uman</i>	гиги скр. «пустосмешка»
<i>жыла</i>	-	-	-	жыла нв. «скряга»
<i>лодма</i>	-	-	-	лодма уд. «неуклюжий»
<i>тунгуз</i>	-	-	-	тунгуз лл. «нелюдимый»
<i>эньдол</i>	-	-	-	эньдол лет. «старая дева»

Данный факт можно объяснить лишь тем, что «Сравнительный словарь...» явился плодом многолетних исследований коллектива авторов, профессиональных диалектологов, знающих коми язык как родной. Ранее изданные же упомянутые словари некоми авторов по объему словника намного уступают.

Анализ материалов упомянутого словаря указывает на то, что диалектно-ограниченная пейоративная лексика включает сотни слов и словосочетаний, значительная часть которой нынешним носителям языка

уже не знакома, а это говорит об активном процессе выветривания традиционной диалектной лексики. Состав такой лексики можно продемонстрировать выявленными в словаре лексемами из присыктывкарского и верхневычегодского диалектов по буквам от **А** до **Й**.

Присыктывкарский диалект: *бусурман* «бусурман», *гегё* «лентяй», *гиги* «пустосмешка», *гёрдеч* «непослушное дитя», *джекан* «пузан, толстячок», *дудё* «надутый», *дудысь* «упрямец, норовистый», *дундук* «корогыш, толстяк», *зымзалё* «топтыга, неуклюжий», *йёгар* «пьяница».

Верхневычегодский диалект: *абай* «лукавец», *буба* «бука», *бызэ* «болтун», *вызбулат* «гордец, хвастун», *джедже* «корогыш (о детях)», *дзирня* «нюла, вертун (о детях)», *дулена* «слюнявый, слюнтяй».

Очевидно, что дополнительная часть пейоративной лексики содержится и в диалектных словарях, представленных в опубликованных монографиях по отдельным диалектам, которая вошла в опубликованный в 2013 году сводный диалектный словарь «Коми сёрнисикас кывчукёр», том I.

Все вышесказанное говорит о необходимости специального исследования пейоративной лексики коми языка в различных аспектах анализа.

Литература и источники

Арбатский Л. Ругайтесь правильно! Современный словарь русской брани. М., 2007.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

КРК – Безносикова Л.М., Айбабина Е.А., Коснырева Р.И. Коми-роч кывчукёр. Сыктывкар, 2000.

Савваитов П.И. Зырянско-русский и русско-зырянский словарь. СПб., 1850.

ССКЗД – Жилина Т.И., Сахарова М. А., Сорвачева В. А. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Под ред. В. А. Сорвачевой. Сыктывкар, 1961.

Fokos-Fuchs D.R. Syrjänisches Wörterbuch. Budapest, 1959. T. I, II.

Uotila T.E. Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre. Helsinki, 1942.

ПОЛЕВЫЕ И АРХИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

КОМИ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ В СОБРАНИЯХ ЛИНГВИСТОВ*

Н.С. Коровина (Сыктывкар)

Сказка (мойд) занимает одно из ведущих мест в поэтическом творчестве коми народа. Собранный фольклорный материал убедительно свидетельствует о богатой и разнообразной устно-поэтической традиции, об одаренных исполнителях.

Важным этапом в развитии коми сказковедения явилось создание в 1944 г. сектора языка, письменности и истории Коми базы АН СССР (ныне ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН). На первых порах происходило накопление текстов, и включились в эту работу в первую очередь лингвисты (Т.И. Жилина, Н.А. Колегова, В.А. Сорвачева, М.А. Сахарова). В ходе экспедиций (с 1939 по 1975 гг.) было записано около 150 сказок всех жанровых разновидностей, открыты имена талантливых исполнителей. Среди них можно отметить вымских сказочников: Д.Ф. Щанова (с. Онежье), А.Г. Козлова (с. Шошка), Д.Е. Сокерину (с. Кони), П.В. Митюнину из д. Картасикт Сысольского р-на и др.

Тексты, записанные лингвистами, дают представление о сюжетном составе и географии распространения коми сказок. Среди наиболее популярных сюжеты волшебных сказок – «Медведь и три сестры» (СУС 311), «Красавица-жена» (СУС 465 А), «Мачеха и падчерица» (СУС 480); бытовых – сказки о ловком воре (СУС 1525 А), о Николае Дупленском (СУС 1380), «Огонь в обмен на небылицы» (СУС 1920 Н*); сказок о животных – о лисе-плачье (СУС 37), о лисе, получающей за скалочку гусочку (СУС 170) и т.д.

Записаны сюжеты не только широко распространенные в коми сказочном репертуаре, но и довольно редкие. Так, сказки типа «Шомвуква», встречающиеся только у западных коми, представляют собой реликтовое явление. Их немного (зафиксировано всего два варианта), и восходят они, по мнению ученых, к вымской эпической традиции (Микушев 1973: 17; Рочев 1992: 19).

Впервые сказка «Шомвуква» была записана Т.И. Фроловой (Жилиной) в вымском селе Онежье в 1948 г. от коми сказочника Д.Ф. Щанова. Текст опубликован десятки лет спустя: в 1991 г. в сборнике Ю.Г. Рочева (Коми мойдъяс 1991: 17-22), в 1998 г. в приложении к монографии Т.И. Жилиной

---

* Статья подготовлена в рамках Программы инициативных проектов фундаментальных исследований, выполняемых в Учреждениях Российской академии наук Уральского отделения РАН в 2012-2014 гг., № 12-У – 6 – 1005.

«Вымский диалект коми языка» (Жилина 1998: 423-424). Повторную запись сказки от этого же сказочника осуществил Ф.В. Плесовский в 1952 г. и опубликовал в своем фольклорном сборнике (Коми мойдъяс 1956: 145-149).

Ю.Г. Рочев считает подобные сюжеты «доволшебным типом богатырской сказки, который впоследствии был вытеснен формой более развитой волшебной-фантастической сказки» (Рочев 1995: 306). По мнению исследователя, «коми, в связи с довольно-таки быстрым процессом христианизации, с включением, не успев еще приобрести собственной государственности, в состав централизованного древнерусского государства, испытали на себе мощный пресс русской культуры, в частности, влияние русского фольклора. Жанр богатырской сказки оказался как бы законсервированным, а волшебная сказка, пришедшая на смену героической и во многом обязанная своим развитием русской сказке, оказалась уже качественно новой, более высокой ступенью в развитии сказки вообще. Зачатки коми волшебной сказки, которые оформились как богатырская, очень быстро развились до стандарта русской волшебной сказки. То же, что не соответствовало этим тенденциям, хотя и сохранилось иногда вплоть до наших дней, но дошло до нас в очень малом количестве сюжетов, не стало популярным в народе» (Рочев 1992: 25-26).

Коми языковедами записано довольно много оригинальных сказок, сюжеты которых тесно связаны с русской книжной традицией, в основном лубочной литературой, что свидетельствует о воздействии печатных изданий на формирование репертуара местных сказочников.

Показательной в этом отношении является сказка «*Сар Бурмислав*» (Царь Бурмислав), записанная Т.И. Жилиной в 1945 г. в с. Шошке Усть-Вымского р-на от А.Г. Козлова (Сказки 2009: № 33). Особенностью этого варианта является то, что в тексте, который является пересказом широко известного сюжета «Царевна-лягушка», имеются сюжетные ситуации, нетрадиционные для сказок данного типа. Так, мифологический в своей основе образ жены-лягушки заменен в нем «реалистическим» – жены-старухи, поэтому Ивану-царевичу уже не приходится сжигать шкуру лягушки, вместо этого он бросает в море кольцо жены, и она исчезает.

Сказочные варианты с этим сюжетом довольно часто встречаются и в русских фольклорных сборниках. Между тем, объяснить появление нетипичных сюжетных ситуаций в традиционной сказке исследователям долгое время не удавалось. К примеру, Д.К. Зеленин в комментариях к тексту «Иван-царевич и царевна-старушка» замечает: «Эта сказка о царевне-лягушке, которую наш сказочник для чего-то (в целях реализма?) превратил в старушку» (Великорусские сказки: 533). Только анализ лубочных редакций русских сказок на сюжет «Царевна-лягушка», проведен-

ный К.Е. Кореповой, позволил установить, что основой для большинства сказочных сюжетов, как русских, так и коми, послужило литературное произведение – краткая редакция «Сказки об Иване-царевиче и прекрасной супруге его Светлане», литературная обработка которой была сделана Ф.М. Исаевым в 1870 г. (Корепова 1980: 5).

Особый колорит придают сказкам и эпизоды, связанные с быличками. В сказке «Гозья» (Супружеская чета) (НА КНЦ. Ф.1. Оп.11. Д.120. Л.32-34) на сюжет «Диво дивное» (СУС 571), записанной Т.И. Фроловой (Жилиной) в 1948-49 гг. в Железнодорожном (Княжпогостском) р-не от В.С. Жилина, один приезжий старик превращает главного героя в барана следующим способом: «*Дядь ягавёнъ разис, Иванлы вачкис, межйё Иван пёри*» (НА КНЦ. Ф.1. Оп.11. Д.120. Л.32) – «Мужик подвязки развязал, Ивана ударил ими, в барана Иван превратился» (ср. в быличке: <...> у одного охотника лопнул стягивающий штаны вязаный шнурок (гач вёнъ) и охотник <...> вдруг превратился в медведя (Доронина 1924: 92). Представления о сакральной значимости пояса известны у многих народов. Типичной для этой версии сюжета является пример из русской сказки: «Потом она захотела спортить мужа-то. Сходила она к колдуну. Ён дал ей пояс. Она пришла домой и хвоснула своего мужа поясом. Из его зделалась собака <...>» (Сказки 1915: 113).

Многие образцы коми фольклора стали известны исследователям традиционной культуры именно благодаря изданиям лингвистов. Например, в сборник «Образцы коми-зырянской речи», составленный Т.И. Жилиной и В.А. Сорвачевой было включено 32 коми народные сказки, наиболее характерные с точки зрения диалектных особенностей (Образцы). Тексты паспортизированы, образцы речи сопровождаются переводами на русский язык. Коми сказки публикуются и в приложениях к монографиям. Так, в работе В.А. Сорвачевой «Нижневычегодский диалект коми языка» опубликовано 2 сказки, записанные автором монографии в 1967 г. в д. Нижний Шежам от А.С. Балиной (Сорвачева 1997: 203-204, 204-206). Эти издания вносят важный вклад в общее представление о сюжетном репертуаре коми сказки, а также в становлении ее научной текстологии и практики двуязычных изданий.

Материал, собранный языковедами, активно использовался и фольклористами. В различные фольклорные издания включено 30 сказок из собраний коми языковедов. Так, четыре сказки, записанные Т.И. Жилиной, были опубликованы в сборнике Ф.В. Плесовского «Коми мойдъяс, сыланкывъяс да пословицаяс» (Коми сказки, песни и пословицы), изданной в Сыктывкаре в 1956 г. (Коми мойдъяс 1956), четыре (2 сказки, зафиксированные Т.И. Жилиной и 2 – Н.А. Колеговой) – в сборнике Ю.Г. Рочева «Коми

мойдъяс» (Коми сказки, 1991 г.) (Коми мойдъяс 1956). В рамках программы широких исследований традиционной народной культуры Республики Коми в 2009 г. был издан сборник коми волшебных сказок (Сказки 2009). В него вошли избранные тексты всесторонне и полно представляющие сказочную традицию Удоры и Выми, в том числе 22 текста, записанные лингвистами Т.И. Жилиной (8 текстов), Н.А. Колеговой (5 текстов), М.А. Сахаровой (1 текст), В.А. Сорвачевой (8 текстов).

Сегодня есть все основания прогнозировать возрастание роли сказочного и всего фольклорного наследия в современной культуре коми народа. Несомненно, что коми сказочная традиция заслуживает пристального внимания и дальнейшего глубокого изучения. За годы собирательской работы коми лингвистов в Научном архиве Коми НЦ УрО РАН сосредоточился богатый фольклорный материал, представляющий большую художественную ценность. Настала насущная потребность дальнейшего издания этих материалов в сводных фольклорных томах.

Сокращения:

СУС – сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Барач, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л., 1979.

Литература и источники

Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д.К. Зеленина // Зап. РГО. Петроград, 1914. Т. XLI.

Доронин П.Г. Пережитки старины в быте крестьян Прокопьевской волости Усть-Вымского уезда // Коми му. Усть-Сысольск, 1924. № 1-2. С. 91-93.

Жилина Т.И. Вымский диалект коми языка. Сыктывкар, 1998.

Коми мойдъяс (Коми сказки) / Сост. Ю.Г. Рочев. Сыктывкар, 1991.

Коми мойдъяс, сьыланкывъяс да пословицаяс (Коми сказки, песни и пословицы) / Сост. Ф.В. Плесовский. Сыктывкар, 1956.

Корепова К.Е. Сюжет «Царевна-лягушка» в восточнославянской сказочной традиции // Вопросы сюжета и композиции. Горький, 1980. С. 97-112.

Микушев А.К. Эпические формы коми фольклора. Л., 1973.

Образцы коми-зырянской речи / Сост. Т.И. Жилина, В.А. Сорвачева. Сыктывкар, 1971.

Рочев Ю.Г. Финно-угорские элементы в сюжете коми сказки «Шомвуква» // Жанр сказки в фольклоре народа коми. Сыктывкар, 1992. С. 15-27. (Тр. ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Вып. 53).

Рочев Ю.Г. Фольклор народа коми // Энциклопедический словарь школьника: Коми литература. Сыктывкар, 1995. С. 301-309.

Сказки и песни Белозерского края / Зап. Б. и Ю. Соколовы. М., 1915.

Сказки народа коми. Коми мойдъяс / Сост. Н.С. Коровина. Сыктывкар, 2009.

Сорвачева В.А. Нижневьегодский диалект коми языка. М., 1977.

«ПЛАЧ ПО ЖУРАВСКОМУ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

М.М. Кочедыкова (Сыктывкар)

Устное народное творчество является неистощимым историческим источником сведений по истории жизни и быта населения, отдельных личностей. В фольклорных сказаниях повествуется о реальных событиях, не так далеко отстоящих от современности. Такие данные позволяют выяснить, какие сведения сохранились в народной памяти о творчестве исследователя Европейского Севера России начала XX в. А.В. Журавского. Благодаря подсказке к.и.н. ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН Т.И. Дроновой, удалось ознакомиться с редчайшим и оригинальным фольклорным источником. За его указание выражаем искреннюю признательность Т.И. Дроновой.

Речь идет о «Плаче по Журавскому», записанному в 1942 г. собирателем русского фольклора в Коми АССР В.Г. Базановым. Известно, что во время Великой Отечественной войны в Сыктывкар был эвакуирован Карело-Финский университет. В его составе приехал декан историко-филологического факультета, заведующий кафедрой литературы, литературовед и фольклорист, будущий член-корреспондент АН СССР, а тогда кандидат филологических наук, доцент Василий Григорьевич Базанов (1911-1981). Летом 1942 г. Базанов организовал фольклорную практику в Усть-Цилемский район.

Во время поездки В.Г. Базанов обратил внимание на возрождение старинных песнопений (причитаний, плачей, воплей), вызванных проходами на фронт или получением похоронных извещений. Среди собранных был и «Плач по Журавскому». В.Г. Базанов опубликовал плач в 1943 г. в Сыктывкаре (Базанов 1943) и в 1962 г. в Ленинграде (Базанов 1962: 110-111).

Наряду с публикацией плача составитель рассказал о профессиональной вопленице А.К. Носовой, которая спела плач о Журавском. Творческий опыт Авдотьи Кондратьевны Носовой из д. Карпушовка в окрестностях с. Усть-Цильма, по словам Базанова, оказался настолько разнообразен, что она была готова каждый значительный факт своей жизни ввести в сюжет причитания. От А.К. Носовой в течение трех дней записали более 20 плачей.

Когда В.Г. Базанов записывал ее плачи, А.К. Носовой исполнилось 73 года. Дед ее был коновалом, т.е. лечил скот, и прожил 102 года. Мать стала мастерицей-вопленицей. Еще с детства Авдотья прислушивалась к плачам и запоминала их, в молодости любила петь песни и плясать под гармонь. Но девушка осталась сиротой в 15 лет и «пошла в чужие люди». Авдотья имела двух сыновей и дочь. Рассказывая о своей жизни,

она заметила: «У меня горюшка-то много, как листочка во лесу. Дай мне, господи, здоровья, может все перенесу». Старший ее сын умер еще до войны, оставив троих внучат. А.К. Носова любила внуков, но воспитывала их строго, и внуки беспрекословно слушались бабушку.

По-настоящему А.К. Носова начала оплакивать с 14 лет. Первыми ее причитаниями были плачи по отцу и дедушке. В молодости она водила «зарученья», т.е. учила плакать невест, потом стала оплакивать умерших. Авдотья плакала и по своему, и по чужому горю. Плакала она обо всем, что придет на ум. Когда «заболит сердце», садилась у окна и причитывала: «Поплачу, то как будто легче». В годы Великой Отечественной войны А.К. Носова с односельчанами проводила на фронт двух своих племянников, двух «братанов» и внука. «Так ревела, – говорила она, – что с ног пала, не могла устоять».

В.Г. Базанов вспоминал, что достаточно было напомнить сказительнице об естествоиспытателе А.В. Журавском, с которым вопленица 40 лет назад ездила ловить рыбу и белье для него стирала, как обычный разговор постепенно перерос в причитание (Базанов 1943: 28).

Андрей Владимирович Журавский основал в с. Усть-Цильма Архангельской губернии (ныне Республика Коми) первое научное учреждение на территории Коми края – Печорскую естественно-историческую станцию при Академии наук. К этому времени Журавский являлся студентом геологом Петербургского университета. Благодаря сотрудничеству с Обществом естествоиспытателей университета А.В. Журавского в 1903 г. командировали на Печору. Молодой человек влюбился в русский север и ради науки пожертвовал учебой в университете. Благодаря своей образованности в селе Журавский завоевал уважение местных жителей, вскоре женился на дочери полицейского исправника и тем самым вошел в среду чиновного круга села.

После смерти Журавского в 1914 г. многочисленные источники оказались за пределами Усть-Цильмы. Долгие годы несколько поколений исследователей и краеведов выявляли документы, копировали их и собирали для Усть-Цилемского мемориального музея. Однако многие стороны жизни и деятельности Журавского остаются не выясненными. Некоторые загадки пытался разрешить писатель Лев Николаевич Смоленцев в романе «Печорские дали». Но роман отражает художественное восприятие и оценку реальности и допускает авторский вымысел.

Между тем, многие статьи А.В. Журавского, особенно газетные, потеряны. Отсутствует полный список его публикаций, не известны его многочисленные псевдонимы и их точное количество. Следовательно, первой проблемой является проблема состояния источниковой базы. Журавского

многие называют ученым, но как складывались и развивались его взаимоотношения с Академией наук во многом еще предстоит уточнять. На сегодняшний день очевидно, что, не имея опыта управления исследовательским коллективом и работы с академией наук, молодой человек нуждался в консультационной помощи, которую ему оказывали именитые ученые. Одним из них был филолог, академик-секретарь историко-филологического отделения Академии наук академик С.Ф. Ольденбург. Ольденбург вел переписку с А.В. Журавским по научно-организационным вопросам. Консультационная помощь Сергея Фёдоровича касалась устава станции, работы А.В. Журавского с музеями.

В научно-популярной литературе Журавского обоснованно считают активистом Общества изучения русского Севера, действовавшего в Архангельской губернии в начале XX века. В журнале «Известия Общества изучения русского Севера», выходившего с 1909 г., А.В. Журавский опубликовал более 22 работ. Статьи затрагивали проблемы ботаники, зоологии, геологии, географии, демографии, этнографии и др. Тематику публикаций можно разделить на несколько групп: проблема сельскохозяйственного освоения Печорского края; колонизация Севера: развитие транспорта на европейском Севере, выставочная деятельность общества и др.

Еще одна сфера деятельности Журавского – пропаганда. Он был талантливым лектором, любил и умел выступать в разных аудиториях. Лекции производили на слушателей сильное впечатление. Вот как характеризовала одну из них газета «Архангельск»: «Лектор забрасывал слушателей фактами. От его выводов кружилась голова. Казалось, что вы слышите упоительную сказку. Вы пришли в зал бедняком, а, уходя, узнали, что вы обладаете богатством, которому нет цены» (Архангельск 1909). Современники считали, что его лекции были «сильным откровением о Севере и его богатейших возможностях», интересны, содержательны. Оратор иллюстрировал свой рассказ при помощи волшебного фонаря, показывая по данным Печорской естественно-исторической станции результаты урожая на севере.

Таким образом, неоспорим вклад Журавского в изучение и освоение Европейского северо-востока России: он занимался внедрением в приарктической зоне сельскохозяйственных растений. Но он был и талантливым журналистом. Журавский поднимал разные проблемы экономического, административного развития севера: транспортного сообщения, характеризовал географические особенности региона и условия жизни коренного населения.

Тем важнее рассмотреть содержание «Плача по Журавскому» и выяснить, какие сведения сохранились о нем в народной памяти.

Плач имеет 140 строк (НА Коми НЦ УрО РАН 1943-1944). Вначале дается характеристика Журавского («*Ты умен ли наш да как читать, писать, план вести да умом разумом*»). Затем сказительница укоряет героя, что он «глупо сделал», покинув в большом городе законную жену («*Ты прибрал себе да другу жену, Не венцельную, не обруцельную, Ты оставил там жену да венцельную, Венцельную жену законную*»).

Вторая часть посвящена хозяйственной деятельности Журавского, который добился выделения земли, нанял лесорубов, очистил землю для посевов, срубил специальное здание для станции («*Ты возил много бревен сосновых На работах да на казенных. Ты сдымался, мой, да на круту гору, (К Журавскому вон какая гора-то высокая), На круту гору да на высокую, Ты возил много бревен сосновых, Ты зарабливал да золоту казну, Ты получил много да золотой казны, ты не пропивал свою да золоту казну*»).

Третья часть плача посвящена описанию основной деятельности Журавского, который ходил «*по лугам да по зеленым, По озерам да по глупоким, Ловили мы да свежу рыбу*», «*Мы стреляли птицу да всяку разную, Серых утицей да гусей лебедей*». Так сказительница оценивает знакомство Журавского с окрестностями и природой края.

Часть четвертая плача посвящена описанию неприятного случая во время рыбной ловли, когда один из рыбаков бросил товарищей и уехал на лодке на другой берег Печоры. Но нашлись добрые люди, перевозчики, и доставили рыбаков на родной берег.

Пятая часть рассказывает о том, что предшествовало гибели Журавского. Герой плача после рыбалки, обогнав всех, быстро поднялся к станции и первым взошел на крыльцо.

Кульминацией является шестая часть плача, посвященная убийству Журавского и поведению окружающих. По-видимому, вопленица была личной свидетельницей жуткой сцены, так как упоминает подробности, которые произвели на нее страшное впечатление. Заревели все присутствующие от ужаса, убийца заперся в комнате и вскоре осознал, что он наделал. Один из очевидцев, вскочив на коня, помчался за милицией. Прибывшие «надзиратели» требовали, чтобы виновный вышел из комнаты, а тот отказывался. Затем его все-таки увезли в тюрьму. После смерти Журавского «*остались да дети малые. Один остался да ясен сокол, две да белы лебеди, Первой жены венчалной*».

Такое народное сказание отражает многие стороны жизни молодого человека на севере.

Из плача очевидно, что Журавский – человек пришлый: «*Уж ты пришел, приехал со чужой дальней, Со чужой дальней да еще стороны*».

Новосел отличался от окружающих: *«Твоя мозгова была да буйна голова, Гора ума да друга разума, Уж чо у добрых людей было задумано, У тебя было да то и сделано»; «Ты умен ли наш да как читать, писать, Уж ты план вести да умом разумом».*

Пришелец отличался предприимчивостью, занялся освоением новой территории: *«Уж ты нагонил силу да молодецкую, Уж ты удалых до добрых молодец, Уж вы повырубили да все темны леса, Повыворачивали да вси кореньица, Все кореньица да злы зельица, Все повыпахали да все сповыбрали».* Затем Журавский стал облагораживать землю (*«Матушку да сыру землю. Привел ты в хорошу пахоту»*).

Отголоском деятельности Журавского является упоминание, что он получил землю для строительства станции. Еще одну заслугу Журавского сказительница видит в том, что он построил новое, невиданное для села, казенное здание станции (*«Ты наставил теремов высоких, Расселил целу деревнюшку»*). Его и похоронили в той земле, где получил земельный надел (*«Где отведена была да мать сыра-земля, Отведенная да неделенная (тридцать десятин дано было ему»*).

В тексте плача ощущается сильное влияние современной эпохи, но и путаница во времени. Убийцу *«судили его суды, большие органы»*. Когда после трагедии один из присутствовавших бросился в Усть-Цильму, сказительница делает такое пояснение: *«Тогда ведь надзиратели были»*, но дальше из текста видно, что расследование вела милиция.

Анализ текста показывает некоторые языковые особенности.

Наблюдаются исчезающие взрывные согласные (*бенна* вместо *бедная*); чередование *чо* и *цо*: (*Уж чо у добрых людей; Не венцельную, не бруцельную; Серых утицей; церт его знает; кореньица да злы зельица; на круцке=крючке сидит*). Применяются усеченные (краткие) формы прилагательных (*мозгова буйна голова; из больша города; молоду жену; быстру реку; круту гору; свежу рыбу*). В то же время используются старинные формы слов (*по дугам по зеленым; с женой со названной*). Сказительница использует устаревшие глаголы (*нагонил силу молодецкую; в комнате было два косяцаты – часть оконной, дверной рамы, брус которой стесывается наискось*). Имеются в тексте и традиционные понятия, например, что стекло обязательно немецкое (*«сквозь стеклышко да сквозь немецкое»*).

Плач насыщен типичными для устного народного творчества словосочетаниями (*удалой наш был доброй молодец; добрых людей; сторона чужая дальняя; жена законная; река быстрая; сила да молодецкая; на круту гору, да на высокую; уж во темны леса да во дремучие*).

По мнению В.Г. Базанова, в печорских плачах изменены старые поэтические образы. Вопленицы часто отступали от композиции похоронной

причети или старинного плача. Чувство личной утраты определяло все художественные компоненты причети, семейно-бытовой по своему содержанию. Базанов подчеркивал, что стиль плача необычен: он явно тяготеет к устойчивым и сложным композициям, к замедленному повествованию, многословным словам. Течение стиха трудное замедленное, даже громоздкое (Базанов 1962: 9. 12-13). По словам В.Г. Базанова, плачи А.К. Носовой имели семейно-бытовой характер; они состояли из традиционных формул и общих мест.

Таким образом, на стыке исторического и фольклорного подхода к источнику удалось выявить, как в народной памяти отложилось восприятие столь неоднозначной и оригинальной для региона исторической личности, каким был А.В. Журавский. Плач есть отражение народной памяти о Журавском как ярком и известном деятеле начала XX в.

Литература и источники

Архангельск. 1909. № 20.

Базанов В. Поэзия Печоры. Сыктывкар, 1943.

Базанов В.Г. Причитания русского Севера в записях 1942-1945 годов // Русская народно-бытовая лирика. Причитания Севера. М.; Л., 1962.

Научный архив Коми научного центра УрО РАН (НА Коми НЦ УрО РАН). Ф.1. Оп.11. Д.68. 1ё943. Л.110-112. Базанов В. Фольклор с. Усть-Цильма. 1943; там же. Д.69. 1944. Л.63-66. Причитания Печорского края. Записи В. Базанова и А. Разумовой под ред. В. Базанова.

СТРАТЕГИИ ВЕДОВСТВА В ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ А. И. БУТЫРЕВОЙ, ЗНАХАРКИ ИЗ с. ВАЖГОРТ

П. Ф. Лимеров (Сыктывкар)

«Колдовство у нас на Удоре, говорят, что оно от тӧдысей (знающих) и тшыкӧдчысей (портящих). Тшыкӧдчысы могут только зло делать, а тӧдысы отличаются от остальных людей знаниями. В нашем селе Важгорт была Бутырева, которая умела (знала), её даже называли квалифицированным врачом, к ней приходили по всякому поводу, она всё умела делать. Она умела править вывихнутые плечи, даже ребенку могла поставить на место позвоночник. Попадёт в глаз соринка, она языком её вытащит. Я даже сама дважды у неё бывала. Глаза не открывались – она сразу вылечила, не стало нужно идти к врачу. Внук писался, она его дважды парила в бане. Знала она заговоры. Правда читала их тайком. Могла даже вылечить тех, кто давно мучился икотой. Поила какой-то водой, тоже были у неё свои заговоры». Это текст из интервью со старообрядческой (мирской) наставницей из с. Важгорт Л.К. Бутыревой. Прежде всего, он свидетельствует о том, что в данной общественной среде колдовство имеет вполне законный социокультурный статус, эффективность колдовства не подвергается никакому сомнению, сама же характеристика Анны Ивановны Бутыревой выражает мнение традиции об этом человеке и его месте как в сельской, так и в колдовской иерархии.

Анна Ивановна Бутырева или Демьян Ванька Анкей родилась в 1925 г. в с. Важгорт. Род Демьяна, к которому она принадлежала, слыл колдовским, но в нем не было портящих. Известно, что знающим был сам Демьян, его сестра Лидия, проживавшая в с. Вильгорт, знающим был и Иван, отец Анны Ивановны, сын Демьяна. В 1991 г. в Удорской экспедиции нам с В.Э. Шарাপовым посчастливилось встретиться с этим человеком и записать с ним интервью. Мы встретились с ней возле колодца, она набирала воду, и сама остановила нас, видимо, увидев незнакомых людей. Оказалось, что это и есть та самая А.И. Бутырева, которая, как нас уведомили, занимается ведовством. По неопытности был задан слишком прямолинейный вопрос: колдунья ли она? И она ответила на него не менее прямолинейно: «Да, я колдунья, у меня есть даже документы, которые это подтверждают». Колодец оказался рядом с её домом, она пригласила нас войти и принесла нам вырезки из разных газет, где о ней писали как о народной целительнице – это и были её «документы». Никогда – ни до, ни после этой экспедиции – мне не доводилось слышать, чтобы информант признавался в том, что он колдун.

По словам Анны Ивановны, её отец был тӧдысем (знающим) – косто-правом, и она с детства видела, как он лечит (правит) людей, она даже

помогала ему, когда отец болел сам. Однажды, когда Анне Ивановне было семь лет, отец поставил рядом её и её подругу Митя Глашу, долго смотрел им в глаза, а потом сказал ей: «Ты, Анкей, будешь чем-то обладать, Митя Глаша 7 раз глазами хлопнула, а ты ни разу». Если отец не мог успокоить больного ребенка, он нередко звал Анну, и в её руках ребенок сразу переставал плакать. Отец умер в 1945 г., вернувшись с войны. Знахарская карьера Анны началась поздно, в возрасте 45 лет. Как и многие женщины послевоенного времени, она работала на лесоповале. Однажды, отработав своё, она стала собираться домой, но мастер велел ей остаться вместо другой работницы, которая вывихнула руку. Анна Ивановна велела женщине показать руку и, качнув её, поставила сустав на место. С тех пор она и стала править вывихи рук и ног.

На вопрос, знает ли она травы, Анна Ивановна ответила, что лечит исключительно заговорами. У неё есть тетради, в которые она записывает заговоры, но, показав нам эти записи, в руки нам их она не дала. По её словам, у кого-то в Важгорте есть книга с заговорами, которую еще до революции принёс в село какой-то странник. Все заговоры, которыми пользуются местные колдуны – из этой книги. Вместе с тем Анна Ивановна довольно охотно продиктовала несколько заговоров, утверждая при этом, что мы всё равно не сможем их использовать. Чтобы заговор подействовал, нужен ещё и колдовской дар. Этот дар она называла «бия поле», как она выразилась: «Менам бия полеыс ыждыд – букв. У меня сильное огненное поле». Она не знала, что такое «био» и переводила его как «бия» – огненное. Заговор читается на масло, сахар, воду или на выпечку, которые затем дают больному. Каждый день к Анне Ивановне приходили по три-четыре человека. Как она говорила: «Лбньода вир, синмысь жуг босьта, мыльк петёма – мыльк лосьода, мукёдлөн кыис ставыс зёр – ставсё бырбда. Сукёй мозоль, энурез. Татчё локтёны черепака моз, а мунёны пышйён – Останавливаю кровь, вынимаю соринки из глаз, лечу чирей на глазу, вывожу бородавки – всё лечу. Сухую мозоль, энурез. Сюда приползают как черепахи, а выходят бегом!»

Вот пример заговора от испуга – *тоскосни*. По словам Анны Ивановны, испуг можно вылечить в том случае, если он от вомидза, сглаза, а не передается по роду.

Отца и сына и святого духа, аминь!

Испуг ты испуг, я пришёл пожить тебя,

Прочь от життя, иди ты на сухую дну,

На простое место, где люди добрые пристойно не ребыще.

Выйди из раба божья Анналён

Из ретивого сердца, из головного мозга,

Всякого нервов, жилов, костей,

*Там ждет вас громные стрелы,
Молнии сожжёт.*

Чтобы впереди не было во веки веков, аминь!

Это заговор трижды читается над сахаром, который затем дают больному, чтобы тот успокоился. Курс лечения повторяется несколько раз, в течение которого над пищей читаются различные заговоры и молитвы: *Воскренет Бог, Ангел мой, Живей помощь, Тоскосня* и т.п. И испуг проходит, она как бы его «забирает», только, как она сказала, «нужно доверие», т.е. вера в то, что заговор поможет.

«Вот, приходят с армии, будто с ума сошли. Ко мне приходят, так и так, тётя Анкей, я испугался от того-то и того-то. Давай, забирай из больницы домой, и я забираю и вылечиваю. Один был из Благоева, Ванеев Виктор. В армии испугался, не слышал ничего, телевизор смотрит и ничего не слышит. Привели ко мне, я его вымыла, напоила, и стал слышать парень. Я его трижды мыла, вылечился, женился после этого. Парень испугался во время учений, когда он сидел в траншее и через него прошел танк. После армии долго лежал в больнице, но болезнь не проходила, пил.

Ребенок Фокиных уже 7 дней плачет. Наша Римма говорит им, идите, мол, к тетке Анне ходите. Фокины говорят, мы мол, кино будем показывать (киномеханики), а ты сама отнеси ребенка к ней. Римма ребенка принесла, я его вымыла, и он уснул. Фокин пришёл сразу после фильма и забрал ребёнка. Я Маше Фокиной говорю: «Он сегодня не проснётся, покорми ночью». Она его ночью покормила, а на следующий вечер Фокин ко мне стучится: «Что ты сделала?» «А Маша что тебе сказала, поила я лекарством или нет?» «Нет». «Так сколько он не спал?» «Семь дней». «Вот семь дней поспит и проснётся».

Детский энурез, причиной которого тоже считается испуг, Анна Ивановна лечила с помощью бани. Она парила ребенка веником, затем обливая его тёплой водой, читала заговор:

Ангел мой, архангельск мой, пойдём спать со мной

По правое плечо, на ретивое сердце, сон грядущий

Тело на покой, душа на спасение Марьялён.

Но, как говорила она сама, баня не обязательна, в большинстве случаев, она просто поливала голову человека теплой водой и читала заговор.

В с. Важгорт находится интернат, в котором живут учащиеся Важгортской школы, дети из деревень по р. Вашке. Воспитатели интерната не раз обращались к Анне Ивановне, чтобы она помогла вылечить страдающих энурезом детей.

Голову она правила, обвязывая её полотенцем. Говорила, что традиционно правила голову с помощью сита. Надевали сито на голову больного

и ударяли по ситу сбоку. Заговаривает кровь. По её словам, в некоторых случаях кровь идёт так сильно, что никаким пластырем не остановить, она читает заговор, и кровь останавливается. Так же снимает жар. С врачами у неё установился паритет: они ни разу не сказали ей, что не надо ей заниматься лечением, не её это дело.

Кроме лечения людей Анна Ивановна умела заговаривать скот. Был такой случай: через Вашку переправляли гурт. Коровы дошли до середины реки и стали возвращаются назад. Бьют их, но бесполезно. Анна Ивановна предложила, мол, ставьте бутылку спирта, переправлю. Взяла след последней коровы, дала Кёстя Ваню и сказала: «Кёні юрьд сэн и бёжыд – *Где голова, там и хвост*. Положи это в карман, скот за тобой пойдёт». Он на пароме переехал на другой берег, только и бросил песок, коровы сразу все пошли. А спирт председатель так и не дал. При обряде ввода коровы в новый хлев (к новому хозяину) обязательно приглашали Анну Ивановну. Обряд она проводила таким образом: «Нужно взять пояс новой хозяйки и перепоясаться, сказать: «Кызд гөрөдыс гөрдзысьома да оз мын менамысь, сідзи жё мёскыс мед кёзяйка дорысь оз мун – *Как узел завязан и не развязывается, также и корова пусть не уходит от хозяйки*». Надо взять молоко и след самой коровы, занести в хлев и положить в ясли. После этого нужно поклониться, перекрестившись, на четыре угла хлева домовому: «Домовой, любит, кудз ассыд любитан дитятё менсьым Серейес любит – Домовой, люби, как любишь своего ребёнка, мою Пёструю люби». Пояс кругом кладётся возле порога, чтобы корова, входя, наступила в круг». На следующий день, чтобы у этой коровы был «товарыщ», варится еда и ставится возле хлева. Приводят корову другой хозяйки и дают есть обеим коровам. Вместе едят, вместе и будут потом ходить. То же самое проделывается, если вдруг чья-либо корова перестала входить в свой хлев.

Самое главное, нужно животное дать (представить) домовому. Что родится в доме, хоть теленок, хоть коза, овца – надо дать имя и дать его домовому – поить и кормить. Поклониться на четыре угла и сказать: «Домовой, как своих детей любишь, так же люби мою Машу и Васю». После этого домовый будет беречь скотину. Если, к примеру, ноги овец запутываются в сене, то это значит, что овец не отдали домовому, овца чужая ему, и он вяжет сено ей на ноги. После рождения ребенка нарекают имя при крещении и после этого также совершают обряд представления его домовому: «Новый человек у нас появился, также люби его и береги».

Относительно некрещеных детей Анна Ивановна отмечала, что их нельзя оставлять одних, особенно в бане – нужно опасаться подмены. Подменённого ребёнка обстукивают под корытом, но с ним уже ничего по-

делать нельзя – он должен умереть. В её практике такой случай был, после обстукивания подменённый ребёнок умер через неделю.

Кроме лечения с помощью заговоров Анна Ивановна обладала даром видения скрытого. Для этого она использовала сито (пож) и называла этот способ «аддзыны пож пыр – увидеть через сито». Для этого в сито клали камень, образок, хлеб, раскрывали ножницы так, чтобы концы ножей цеплялись за края сита и подвешивали сито за кольца ножниц на палец. На том месте, где должен находиться пропавший предмет сито поворачивалось. «Однажды утонул ребенок, Крюков Саша, 2 лет. Искали долго и не нашли. Читали молитвы и староверские бабы, и мирские, потом ко мне обратились. Я посмотрела через сито и говорю: он недалеко ушел, дорогу не переходил, ищите в яме, он до интерната не дошёл. Точно, на следующий день и нашли его в яме, весной дело было – вода накопилась в яме, он и утонул в ней. Старуха из Разыба пропала, найти не смогли, ко мне пришли, и я через сито вижу, что она где-то ниже по течению. Говорю, завтра её кто-нибудь и приведёт. На следующий день отмечали 500-летие Важгорга, вот они в машине едут, а та старуха косит траву. Мы 12 часов читали молитвы, и её шуквей бросил в середину реки, она на другой берег переправилась, там и спала. Видимо, с головой что-то случилось, траву стала косить. Её спрашивают, что делаешь, а она отвечает траву овцам кошу, а никаких овец у неё нет. Поймали и привезли в Важгорт».

В ведовской практике Анны Ивановны причудливо переплетаются христианские мотивы и языческие: христианские молитвы читаются как заговоры или же заговоры закрепляются христианскими молитвами. То же самое касается обрядовых действий: кланяются на четыре угла домовому, при этом крестятся; ребёнка крестят, затем представляют домовому. Заговоры читаются за редким случаем на русском языке, причём это кыдъя роч, искаженный русский, и есть основания полагать, что язык искажался специально, поскольку молитвы на русском языке читаются почти без искажений. Основанием для практики является вера. Относительно веры Анна Ивановна говорила так: «Сын у меня спрашивал: мама, как же ты можешь заговаривать, если в Бога не веришь? Я ему отвечала всегда: может быть, Бога и нет, но всё равно есть какое-то существо». Все практики Анны Ивановны строятся на определенных контактах с этим «существом», канал связи с которым открывается с помощью заговора и её личного «бия поля» – ведовского дара. Это «Существо» если и не Бог, всё-таки нечто, оцениваемое положительно. В личном мироощущении Анны Ивановны ему противопоставлен Чукля (Чёрт), от которого исходят болезни и различные бесовские силы, как, к примеру, шувкей. Оберегаться от них Анна Ивановна учила также с помощью христианских молитв, наиболее дей-

ственными из которых считала «Да воскреснет Бог» и «Живей помощь». Своё место в сельской иерархии она полагала между «молитчысь бабьес» (молящимися старухами) и врачами, всячески ограждая себя от «тшыкдчысь» портящих, на вопросы о них она не отвечала, не назвала ни одного из их имен, переводя разговор на бывших до неё знахарей.

Удивительным было её отношение к плате за лечение: «Мне никаких ваших денег не нужно, но если встретимся на улице, просто скажите – Здравствуйте!»

**ОБЗОР ФОЛЬКЛОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ,
ЗАПИСАННЫХ ОТ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ пос. НЮЧПАС
И КАЖЫМ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭКСПЕДИЦИЙ 2013 г.
В КОЙГОРОДСКИЙ Р-Н РЕСПУБЛИКИ КОМИ)**

С.Г. Низовцева, П.А. Шахматская (Сыктывкар)

Полевая собирательская работа в июне 2013 г. осуществлялась сотрудниками сектора фольклора ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН на территории Республики Коми в поселках Кажым и Нючпас Койгородского района.

Кажым и Нючпас – два заводских поселка с преимущественно русским населением. Появление их связано с освоением в середине XVIII века устюжскими купцами месторождений железной руды и строительством чугунолитейных заводов. В 1755 г. заводчик Иван Курочкин получил разрешение построить на реке Кажым завод для выковки железа. Во время строительства выяснилось, что местная рудная база была недостаточна. Для того, чтобы снабжать Кажымский завод чугуном решено было построить рядом (в 33 верстах) еще один завод – Нючпасский. Оба завода начали действовать в 1759 г., примерно в это же время был построен третий Нювчимский завод. Для работы на них были привезены обученные заводскому делу крепостные работники, преимущественно из Вятской, Вологодской, Архангельской, Костромской и других губерний России, которые стали жить в поселках, построенных вблизи заводов (Жеребцов 1994: 85, 167).

Фольклорная традиция поселков Кажым и Нючпас является достаточно поздней, точкой отсчета ее формирования можно считать середину XVIII века, время основания заводов и соответственно поселков (Власов 2007: 13; Крашенинникова 2013: 5). Тип поселений (заводские поселки), особенности заселения (русские переселенцы из северных и центральных губерний России), местоположение (русские поселки в иноэтническом, коми, окружении), наличие «градообразующего» предприятия обусловили структуру фольклорной традиции и объясняют специфику местной культуры (Крашенинникова 2013). Обращаясь к описанию некоторых локальных/региональных русских традиций на территории Республики Коми, А.Н. Власов замечает: «Осознание своего «переселенческого статуса», по сути своей отчужденности от окружающего местного (даже иноэтнического) населения, способствует закреплению в исторической памяти переселенцев традиционных форм фольклорной культуры как способа укрепления своей «инакости» среди аборигенов, вместе с тем способствует «рождению» своего мира, т.е. родины, для последующих поколений» (Власов 2007: 13).

Объектом целенаправленного фольклорного обследования поселки Кажым и Нючпас стали только в начале XXI века. Первые фольклорные изыскания были предприняты в 60-е гг. XX века и связаны с именем П.И. Чисталева, который был нацелен преимущественно на фиксацию образцов песенной культуры и записал довольно большой корпус песенных текстов разных жанров (песенно-игрового фольклора, обрядовой и необрядовой лирики)*. Анализ и обработка этих полевых записей была выполнена Ю.А. Крашенинниковой, по дневниковым записям ею был составлен список песенного репертуара (который мы использовали при опросах в экспедиции), данные материалы частично опубликованы (Крашенинникова 2010).

Установки на запись других фольклорных жанров, как и другой информации, связанной с духовной культурой, не было, в этом отношении в изучении фольклорной традиции пос. Кажым и Нючпас существовал пробел, который фольклористы начали восполнять только в начале XXI в.: в 2010 г. было предпринято фольклорное обследование пос. Кажым, в 2011 – пос. Нючпас. Фольклорно-этнографическая экспедиция 2013 г. явилась продолжением начатых ранее обследований.

Работа осуществлялась по разработанной комплексной программе, был записан материал по многим актуальным темам и исследовательским направлениям, касающимся современного состояния фольклорных жанров и местных фольклорных традиций в целом: календарно-обрядовому, семейно-обрядовому, религиозному, детскому фольклору, народной демонологии, заговорно-заклинательной поэзии, сказочной и несказочной прозе, паремиологическим жанрам и др.

Представим лишь отдельные, наиболее интересные, с нашей точки зрения, характеризующие фольклорную традицию Кажыма и Нючпаса явления и жанры.

Касаясь календарно-обрядовых сведений, отметим, что большее количество материалов записано о праздновании Рождества и Троицы.

Реконструированный по сообщениям информантов рождественский ритуал представлен следующими основными обрядовыми действиями: а) обходом дворов взрослыми и детьми с целью славения Рождества, сопровождающийся ритуальным диалогом («Славите ли Христа?» – «Славьте») и чтением молитв, пением колядных песен; б) обходом дворов ряжеными, получившими в данной местности наименование *‘снаряжухи’*; в) гаданиями (наиболее часто упоминаются гадания со стаканом и кольцом, с сочнем, жженой бумагой, колыями в изгороди и др.). Из тек-

---

*Материалы П.И. Чисталева (дневниковые рукописные записи) хранятся в Национальном Музее Республики Коми.

стов записаны рождественская молитва «Христос рождается, славите...», детские рождественские приговоры, отличающиеся текстологическими вариантами в Кажыме и Нючпасе. К примеру, в Нючпасе имеет распространение текст: *«Юньчик, юньчик / Сел на стульчик / Стульчик на бочок / Дай пятачок»* (Зап. от Володичевой М.Н., 1948 г.р., пос. Нючпас. Соб. Низовцева С.Г., Шахматская П.А.), в Кажыме: *«Маленький Юньчик сел на стульчик / В дудочку играет / Христа поздравляет / Всем по орешку / Деткам по пряничку»* (Зап. от И.Н. Кузьминой, 1927 г.р., пос. Кажым. Соб. Крашенинникова Ю.А.).

Одним из обязательных условий завершения рождественских гуляний было умывание ряженных в освященной проруби (в местной терминологии – майне) на Крещенье: (Была прорубь?) *«Да, прорубь была. Ходили, умывались. Снаряжухами бегали, надо было умыться этой водой-то, маску-то смыть. В масках бегали, потом смывали...»* (Зап. от Н.В. Гурьевой, 1938 г.р., пос. Кажым. Соб. С.Г. Низовцева, П.А. Шахматская).

Из календарных обрядов весенне-летнего цикла отметим празднование Троицы, наиболее ярко представленное в Кажыме. В разных вариантах зафиксированы устные рассказы о так называемом обряде «похорон березки», проходившем в несколько этапов. Накануне Троицы приносили из леса молодую березку, украшали ее разноцветными ленточками. По разным вариантам в день Троицы или на следующий после Троицы Духов день ходили с украшенной березой по поселку, водили хороводы, исполняли песни, танцевали; хранили обрядовое дерево в доме у одного из участников ритуала целую неделю. В воскресенье происходили «похороны березки» (как отмечают сами информанты *«березу хоронЯт»*): обходили с березой поселок и бросали ее в воду. Вот одно из свидетельств: (Какие праздники у вас гуляли?) *«Троицу хорошо гуляли. О, как Троицу у нас здесь отмечали! В Троицу все собирались. У нас там старушка одна жила... И все возле ее дома собирались. В самый конец все шли туда. Наряжали березу... С этой березкой все идут туда, все пляшут, поют, танцуют. А потом уже через неделю эту березу (идут) «хоронять». У нас тут был поленной мост... С этого поленного моста бросали эту березку, она плыла по речечке. (Это называлось) березку хоронять... Были две женщины, все время они, неделю береза у них стояла наряженная. Потом они с этой березой шли, песни старинные пели, такие веселые, про Троицу, и с моста бросали...»* (Зап. от Г.А. Караваевой, 1939 г.р., пос. Кажым. С.Г. Низовцева, П.А. Шахматская).

Зафиксированы упоминания о некоторых образцах песенной лирики, сопровождавших этот обряд («Ой не во трубоньку трубила, я бы с милым все бы говорила...», «Вышел Ваня за ворота...» и др.), записан текст частушки, исполнение которой приурочено к Троице: *«Сегодня девки Троица*

/ Земля цветом покроется / Сегодня миленький приедет / Сердце успокоится » (Зап. от Е.А. Герасимовой, 1941 г.р., пос. Кажым. Соб. С.Г. Низовцева, П.А. Шахматская).

Устная проза довольно разнопланова и включает: заводскую прозу, суеверную, сведения легендарного, топонимического характера и др. Характеризуя суеверную прозу, отметим, что было зафиксировано несколько сюжетов о домовом ('суседке', 'суседе'): домовый ходит невидимым по дому; домовый показывается людям в образе мохнатого небольшого человечка; домовый давит (душит) человека ночью; домовый предсказывает будущее; домовый вредит скотине и др.

Сюжеты о лешем встречаются достаточно редко. Так, по одному из них, леший ('лесной') показывается перед мужиком на мосту в образе простого человека и просит у него прикурить: *«Вышел, говорит, такой дядька здоровый. Ладошам-хлопушам этими, своим хлопанцам... У него не руки, а эти надеты шуганцы. И говорит, вышел на мост и говорит на меня: «Давай покурим»* (Зап. от Л.Н. Кушховой, 1931 г.р., О.Н. Обрезановой, 1937 г.р., П.Н. Козловой, 1942 г.р., пос. Нючпас. Соб. С.Г. Низовцева, П.А. Шахматская). В другом тексте леший похищает женщину-повитуху, чтобы та приняла у его жены роды. За это он дарит зеленый шелк и просит об этом никому не говорить. Женщина нарушает запрет и рассказывает о случившемся мужу, и подаренный шелк превращается в зеленую траву. В одном варианте зафиксирован сюжет о том, как за женщиной гнался мужчина с петушиными ногами: *«Вот у одной бабы упал клубок на пол. А она стала клубок эт подымать. А там, говорит, ноги петушиные. Они все перепугались, перемигнулись, говорит. И это, давай расходиться. И вот этот мужик за бабой-то и бежал. Эти же ноги. И хотел и утащить. Ладно, говорит, я тебя не догнал. Догнал, я б тебя утащил, говорит»* (Зап. от Л.Н. Кушховой, 1931 г.р., О.Н. Обрезановой, 1937 г.р., П.Н. Козловой, 1942 г.р., пос. Нючпас. Соб. С.Г. Низовцева, П.А. Шахматская)

Значительное место в корпусе текстов занимают сюжеты о колдунах, большая часть из которых записана от жителей Кажыма. Много устных свидетельств связано с конкретными лицами, жившими в поселке, причем каждый из них получил личное прозвище (Жопиха, Кишка, Зэтя Лёш и др.). Наиболее распространены следующие мотивы: колдун принимает образ птицы, животного; колдун портит людей: насыляет болезнь на человека; колдун портит животных: насыляет болезнь на домашнюю скотину; колдун присушивает людей или ссорит возлюбленных, разрушает семьи; колдун передает свое умение перед смертью; трудная смерть колдуна.

Выделяется большой пласт материалов, связанных с работой Кажымского и Нючпасского заводов. В интервью довольно много вос-

поминаний о возникновении завода, функционировании, ассортименте выпускаемой продукции, исторических деятелях, связанных с работой предприятий. Так, встречается много свидетельств о том, что крыша Зимнего Дворца в Санкт-Петербурге была покрыта листовым железом, изготовленном на одном из упомянутых заводов*. Зафиксированы рассказы о работе Кажымского завода в годы Великой Отечественной войны, на котором изготовлялись детали для снарядов и другая продукция для нужд фронта.

Помимо этого были записаны устные рассказы о культурно-исторических событиях: о жизни в годы войны, взаимоотношениях с коми населением, переселенцах, местных династиях, связанных с одним конкретным промыслом и т.д.

Встречаются и легенды об образовании поселков. Так, по одной из них, Екатерина Вторая проиграла людей в карты, эти проигранные впоследствии были присланы в Кажым. По другой версии охотники (рыболовы) ехали по реке и увидели красивое место, которое им очень понравилось. На этом месте была построена церковь и в дальнейшем образован поселок.

Любопытны устные рассказы, связанные с местными топонимами – названиями местечек и угодий, происхождение которых объясняется именами или фамилиями людей, ранее ими владевшими. К примеру, в Нючпасе зафиксированы следующие топонимы: Эрмина баня, Мизинково болото, Пропановское болото, Лазарев угор, Тихоновский ручей и т.п.: *«У каждого было свое охотничье хозяйство, никто на чужое место не ходил. Озера рыболовные тоже делили (озер больших не было, есть старые курьи), по наследству передаются. Угодья раньше назывались по фамилиям, родам (людей этих уже нет, а старые названия остались)»* (Зап. от Н.А. Косарева, 1954 г.р., пос. Нючпас. Соб. Ю.А. Крашенинникова, С.Г. Низовцева). Некоторые из топонимов явились откликом на какое-то конкретное событие, имевшее место на исследуемой территории. Например, номинация местечка Убийство в Нючпасе напрямую связана с произошедшим на этом месте убийством женщины, устные рассказы об этом событии также зафиксированы.

Нючпас и Кажым условно поделены на территориальные части, которым жители поселков дали наименования. Особый интерес вызывают названия четырех частей Кажыма: Змеевка, Шохра, Татаур, Замеховая. В не-

---

* Хотелось бы обратить внимание, что материалы по заводской прозе Кажыма в тематическом и сюжетном плане перекликаются с записанными в пос. Нювчим материалами, которые обработаны и частично опубликованы (см. Бандура С.В., Крашенинникова Ю.А «Культурное наследие Нювчима: из опыта презентации музейной коллекции через фольклорный текст») (Бандура, Крашенинникова 2011).

скольких вариантах записана топонимическая дразнилка, обыгрывающая эти названия, которая, исходя из содержания, была придумана жителями м. Шохра: «Змеевка – воровка, Замеховая – самая толстая, Татаур – дур, Шохра – хороша» (зап. от Е.А. Чистопрудовой, 1936 г.р., пос. Кажым. Соб. Ю.А. Крашенинникова).

Из малых фольклорных форм также записаны пословицы, поговорки, приметы, прозвища, толкования сновидений, запреты и другие маргинальные жанры.

Зафиксирована любопытная информация о ремесленных занятиях кажымцев и закрепленностью некоторых видов деятельности за определенным фамильным родом. Например, Чеглецовы – мастеровые, выполняли столярные работы, Поповы – делали ружья, Кувардины – кузнецы, Комышевы – делали санки, оглобли, деревянную утварь, Мелехины – кровельщики, делали металлические изделия и др. (Зап. от В.Д. Двоеглазовой, 1934 г.р., пос. Кажым. Соб. С.Г. Низовцева, П.А. Шахматская).

Записан весьма большой пласт диалектной лексики, которая может стать дополнительным источником, указывающим на миграционные процессы и историческую родину переселенцев. Например, *млит* ‘кажется’ // помлить – вят. ‘почудиться, привидеться’ (Даль 1995: Т.3, 274); *дЕкуется* ‘делает или замышляет что-то плохое, издевается’ // дековаться (над кем-то) – новг., вологод., перм., малорос. ‘смеяться, шутить, насмеяться, издеваться над кем, дурачить кого-либо’ (Даль 1995: Т.1, 426); *трупнуть* ‘задеть’ (в игре) // трупать (кого) – вологод. ‘бить, колотить’, ‘трупать мячом, чикать или салить’ (Даль 1995: Т.4, 437); *котУх* ‘хлев’ // южн. ‘хлев для мелкой скотины’; тамб. ‘плетневый хлевок’; влад., яросл. ‘свиной хлев’ (Даль 1995: Т.2, 179) и мн. др. Очевидно, что данные слова были введены в местное словоупотребление вместе с переселенцами из Вятской, Вологодской, Пермской, Архангельской губерний.

В заключение отметим, что записанные материалы представляют несомненный интерес и важны для дальнейшего исследования локальных русских традиций с относительно хорошо сохранившейся фольклорной культурой.

Литература и источники

Бандура С.В., Крашенинникова Ю.А. Культурное наследия Нювчима: из опыта презентации музейной коллекции через фольклорный текст // Славянская традиционная культура и современный мир. Комплексные исследования традиционной культуры в постсоветский период: сб. научн. статей. М., 2011. Вып. 14. С. 121-130.

Власов А.Н. Пространственно-временные границы локальных//региональных традиций (опыт описания) // Славянская традиционная культура и современный мир: Сб. научн. статей по мат. конф. Вып. 10. М., 2007. С. 7-22.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х томах. М., 1995.

Жеребцов И.Л. Где ты живешь: населенные пункты РК. Историко-демографический справочник. Сыктывкар, 1994. С. 85, 167.

Крашенинникова Ю.А. Вступительная статья к научному отчету // Крашенинникова Ю.А., Рассыхаев А.Н., Шахматская П.А. Отчет о полевых исследованиях фольклорно-этнографической экспедиции в Прилузском и Койгородском районах Республики Коми в 2010 году / Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф.5. Оп. 2. Д. 789. С. 4-9. Сданы в архив 2013 г.

Крашенинникова Ю.А. Полевые дневники П.И. Чисталева как источник для изучения песенной фольклорной традиции п. Ньючим // Музей и краеведение. Труды Национального музея РК. Вып. 7. Сыктывкар, 2010. С. 188-196.

КАЛЕНДАРНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ КОМИ В ЗЕРКАЛЕ НАРОДНОЙ ЭТИМОЛОГИИ*

А.В. Панюков (Сыктывкар)

Календарные термины, как в целом и вся народная терминология представляет собой не только специфический пласт лексики, но и совершенно особую форму языкового сознания и самосознания. Именно в сфере терминологии наиболее ярко проявляется интерес носителей фольклорно-языковой культуры к внутренней форме слова, к его структуре и семантике. Одно из наиболее ярких проявлений этого интереса связано с т.н. народной этимологией, под которой обычно подразумевают «переделку и переосмысление заимствованного (реже родного) слова по образцу близкого по звучанию слова родного языка, установление между ними семантических связей на основе чисто внешнего, случайного звукового совпадения, без учета реальных фактов их происхождения» (Розенталь 1976). Несмотря на устойчивый статус ненаучности, народная этимология как проявление метаязыкового сознания носителей оказывается источником глубоких смысловых сдвигов в понимании слов, и может выступать как один из наиболее продуктивных приемов организации фольклорных, мифологических и ритуально-магических представлений (т.н. «этимологическая магия»). Применительно к календарным знаниям, народная этимология играет ключевую роль в формировании представлений о христианском календаре и о святых, закрепляя их в верованиях, легендах, приметах и т.п. и порождая свою «народную агиографию». Достаточно хорошо тема адаптации и интерпретации христианских календарных названий изучена на русском и шире – восточнославянском материале («Варвара варит», «Герман гремит», «Кузьма куёт» и т.п.). Что касается исследований коми и ряда других финно-угорских традиций, освоивших календарь вместе с крестьянской православной культурой – то заимствованная в своей основе терминология не представляет особого интереса для лингвистов, а в этнографических и фольклористических работах встречается исключительно в связи с поиском дохристианских, – т.е. этнически исконных, «языческих» рудиментов. И здесь границы «народной» и «научной» интерпретаций зачастую оказываются размыты самими исследователями. Показательный пример неосторожного обращения с фольклорно-языковым материалом – история коми масленичных терминов «гёгыль» и «валяй». Слово «гёгыль» в масленичной песне сысольских коми в комментариях А.К. Микушева было связано с коми гёгыль «круг» – а далее с ар-

---

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 12-14-11002 а (р), республиканская часть.

хаичной мифологемой солнца – солнечным кругом (благо в масленичной обрядности достаточно много «круглого»). При этом исследователь игнорирует явную связь с мелодикой и текстами масленичных песен русских; здесь достаточно привести псковский вариант с рефреном «гоголёк» из сборника Н.В. Шейна: «*Мы Масленицу состречали,/ Люли, люли состречали,/ Гоголек, гоголечек!*» (Шейн 1898: 1170); здесь же коми диалектное гӱгъль «гоголь». А слово «валяй» из другой масленичной песни введено в научный оборот Н.Д. Конаковым как возможный аналог имени персонажа обско-угорской мифологии Мир-суснэ-хума (посредством нехитрого сближения образов валяй – *вӧл ай/ вӧл айка* – «отец, господин лошадей»), хотя еще в вариантах записей 1960-х гг. встречаются парные глаголы «валяй да катай». К сожалению, сегодня уже редкая школьная программа по коми культуре обходится без упоминания этих «квазиязыческих» образов-символов, более того, они получают дальнейшую интерпретацию, благо есть опора на авторитетное мнение ученых.

Вероятно, чтобы не совершать подобных ошибок, любой исследователь фольклорно-языкового сознания должен отталкиваться от принципа системности, присущей традиционной культуре, т.е. рассматривать каждый факт этимологического переосмысления как результат сложного взаимодействия многих уровней традиционной культуры. В данном докладе мы предлагаем остановиться на некоторых терминах святочно-рождественского цикла, позволяющих увидеть не только случайность, но и системность народноэтимологических интерпретаций.

Если обратиться к святочной терминологии, то все локальные традиции коми можно условно разделить на две зоны: 1) южные коми (Прилузье, средняя и верхняя Сысола), где в качестве основного обозначения святок использовался термин *светьтӧ* (в летской традиции – *святте, сяттӧ*) «святки» (от севернорусского «светьё» – «цветение», «святки»); 2) во всех других традициях и ныне пользуются коми словом *вежа* (*вежа дыр, вежа пӧра*).

Далее в этих зонах можно выделить своего рода «эпицентры» – это верхняя Вычегда (Корткеросский р-н) и Прилузье. В Прилузском районе зафиксированы оба значения севернорусского слова «светьё»: по народным представлениям, в Рождество под снегом цветет озимая рожь (*сюыс четитӧ*), а летом в июле – *гожся светьте* (летнее светьё) (с. Читаево). Аналогичным образом на верхней Вычегде время от Введения до Крещения называлось *нянь вежа* «хлебные святки», которое подразделялось на два периода: до Рождества – *дзоля вежа* «малые святки», от Рождества до Крещенья – *ыджыд вежа* «большие святки», *прамӧй вежа* «настоящие святки» (Панюков, Савельева 2007: 261).

Далее эти же две зоны можно соотносить с ключевыми для представлений о святках названиями канунов Рождества и Крещения, обозначающих границы этого периода. В севернорусских традициях они имели два разных названия, восходящих к общему обрядовому истоку: *сочельник* и *кутейник* (или *кутья*): *кутейник* < *кутья* (ритуальное блюдо) и *сочельник*, который в свою очередь, может восходить к словам *сочиво* и *сочень*, также связанным с ритуальными блюдами. В локальных традициях коми-зырян бытовали оба этих термина, при этом *сочельник* – опять же только в Прилузье. Что касается второго, то едва ли не все русские календарные термины, связанные с *кутьей*, бытовали и у коми; с рождественским *кутейником* связан и наиболее распространенный демоним *куття войса* букв. «появляющийся в ночь на *кутейник*, *кутью*». Именно в эту ночь святочные духи появляются на земле, и в эту ночь они наиболее опасны для людей. Кроме того, во многих локальных традициях с понятием *куття вой* связан и уход святочных духов: в Рождественский *кутейник* они выходят из воды, а в Крещенский – *Крешиеньньӧ кутья*, *Крешеньне кутейник* уходят обратно в воду. Демоним *куття войса*, по всей вероятности, и послужил отправной точкой для появления многих узколокальных наименований святочных духов. Здесь мы имеем широкий ряд микролокальных наименований, большинство из которых не имеет ясной этимологии и каждое из которых актуализирует разные стороны общих представлений о святочных духах. Так, от рассмотренного выше демонима *куття войса* «в ночь на *кутейник* (появляющиеся)» нельзя отделить варианты *кутюр*, *кутир-котиц*, *куть-куть*, *кути-коти*, *кутю-кок куть-куть*, *кути-мути*, *куль-кути-мути*. Все они так или иначе, связаны с общими механизмами персонификации этого образа, которые требуют дальнейшего осмысления.

Внутри прилузской «зоны с *сочельником*» (*сӧчельник*) четко выделяется летская традиция, где бытует термин *сӧчӧн лун* букв. «день сочной» (вариант *сӧчӧн рыт* «вечер сочной», более близкий к понятию *вечерня*), восходящий к слову *сочельник*. В современной традиции название *сӧчӧн лун* никак не соотносится со словом *сочельник*, во всяком случае, в наших материалах *сӧчӧн лун* связывается исключительно с выпеканием сочной; при этом *сӧчӧн* не воспринимается как особая, обрядовая выпечка, хотя может иметь мотивировки, так или иначе отсылающие к традиции. Что примечательно, именно с термином *сӧчӧн лун* – как наиболее удаленном от исходной точки расхождения с «*куття*» связан единственный обрядовый контекст с термином *кутья* – ключевым для понимания представлений о святочной демонологии коми. Так, в с. Прокопьевка нам удалось зафиксировать два варианта приговорки, сопровождавшей выпекание праздничных сочной: *Талун пӧ: «Куття кока, РӧжствО юра, сӧчЕн борда!»* Вариант

перевода: «Сегодня, мол, «С кутейными ногами, с Рождественской головой, с сочными крыльями!» Эта приговорка вписывается в общий кулинарный контекст рождественских праздников и вызывает множество ассоциаций. На уровне календарной терминологии – опять же наиболее удаленная во времени и пространстве аналогия с верхневычегодским (Корткеросский р-н) названием кануна Васильева дня *порсь юр-кок виледан лун* «день обглаживания свиных костей» (где *юр-кок* букв. «голова-ноги») соотносим с формулой «*куття кока, рѣжтво юра*»). Кроме того, персонифицированный образ приближающегося праздника «С кутейными ногами, с Рождественской головой, с сочными крыльями» дает ключ к одному из возможных путей развития демонологических образов *куття войса*. А в самой летской традиции оба термина – и «сочельник», и «куття» – четко соотносены с кулинарным кодом, т.е. как бы уже доведены до определенной логической точки, и название святочных духов *шораяс* связано с другим источником.

Демоним *шора*. Как и в других локальных традициях, обозначает и святочного духа, и святочного ряженого, не включен ни в один словарь коми языка, и не привлекал внимание этимологии. Наши материалы позволяют утверждать, что происхождение этого слова достаточно прозрачно, хотя и осложнено многочисленными смысловыми наслоениями. С одной стороны, исходя из историко-культурной специфики местной культуры можно связать этот святочный термин с русским *шоры* (ед.ч. *шора*) «боковые щитки на уздечке возле глаз, не дающие лошади возможность смотреть по сторонам; наглазники». Вероятно, в первичном значении заимствованное летскими коми слово *шора* было связано с образом святочного ряженья (*шора* < «с зашоренным, закрытым лицом»); возможно также, что *шора* в значении «маска, личина (ряженого)» бытовало ранее и в соседних русских селениях и оттуда уже было заимствовано как святочный термин.

С другой стороны, «зашоренность» изначально могла ассоциироваться с невидимостью святочных духов (*шораяс* < зашоренные, скрытые). Так, по пояснению одного из информантов (с. Прокопьевка), этот демоним каким-то образом связан с понятием «невидимые»: *Шорѳыс сійѳ обозначаитѳ тыдавтѳмъяс* (Календарь коми 2002:34) (*Шорѳ* – это значит «невидимые»). Допустимо видеть здесь ассоциацию с современными русскими словами *зашоренный*, *зашориться*, однако более вероятно типологическая связь демонологического начала с признаком невидимости (ср.: *невидимъяс* «нечистая сила»).

В русле общих представлений о святочных духах не менее любопытно и то, что этот демоним может быть соотносен с зоонимом *шора* «индейка», который В.И. Даль связывает с тем же словом *шоры* «конские наглазники

для пугливых лошадей» (перенос по сходству: мясистые наросты у индеек на щеках и шее, напоминающие конские шоры) (Даль 2011: 642). В коми традициях никогда не разводили этих домашних птиц, но обращает на себя внимание тот факт, что это название зафиксировано только во вятском говоре русского языка, пограничном с рассматриваемой летской традицией коми, и в удмуртском языке. В контексте орнитологических представлений мы имеем вполне подходящий по многим характеристикам образ святочных демонов: необычный вид и размеры, стадность, подвижность, пестрота, «шарообразность» и «мохнатость» (устойчивое выражение «надулся как индюк»), а также приписываемая этой птице агрессивность. Собственно, большинство этих характеристик применимо и к образу святочных ряженных, символизирующих демонические силы.

Исходя из этнодиалектной специфики летских коми необходимо обратить внимание еще на одну звукосемантическую «нишу», которая могла сыграть роль в закреплении этого узколокального термина. Археологические данные говорят о тесном взаимодействии коми и древних марийцев и возможном участии марийцев в этногенезе данной коми локальной группы. Поэтому в качестве еще одной фоносемантической опоры для шораяс можно отметить марийское *шорыкйол* «новый год, святки». Этот календарный термин вряд ли связан с этимологией коми слова *шораяс*, но мог сыграть роль «фонотипической» закрепы при его заимствовании.

Шораяс «ряженные». Несмотря на то, что термин *шораяс* обозначает и святочных ряженных, и святочных демонов, эти два плана в современной традиции не взаимосвязаны, и большинство информантов вспоминает только о ряженных. Судя по имеющимся материалам, образ ряженного был однотипным: вывернутая наизнанку шуба, лицо закрыто марлей или замазано сажей. Здесь не зафиксировано никаких театрализованных действий с особыми святочными персонажами, особо не выделяются и святочные бесчинства, которые достаточно разнообразно представлены в других локальных традициях коми. Само хождение *шораяс* устойчиво связано с поздравительными рождественскими Славлениями; в современной культуре отождествляемой с колядованием: («Теперь называют «коляда», теперь это, смотри, детсадовские да что, так вот ходят, куда-либо к знакомым зайдут, колядовать идут, коляда. Теперь колядой называют, а тогда *шора* называли»).

Шораяс «святочные духи». Круг мотивов, связанных с представлениями о святочных духах, достаточно традиционен, однако, в отличие от других локальных традиций коми, здесь абсолютно отсутствуют какие-либо описания облика шора, в лучшем случае он отождествляется с бесом или чертом. Зачастую демонологическая коннотация возникает только в кон-

тексте детских запусов или в ответ на ключевую для традиции формулу *шораяс стукайтём* «изгнание шора» в Крещенье: Из более редких мотивов можно отметить представления о железном веретене *шора*, которое духи подбрасывали нарушившим запрет на прядении или за шумное поведение. И опять же сюжет о железном веретене святочных духов выводит нас к вишерской традиции, где он разработан весьма подробно. Несколько размыта и связь представлений о святочных духах и гаданиях: здесь нет характерных для большинства коми традиций словесных формул-обращений к нечистой силе, хотя сами гадания могут называться *шораясё кылзысьны* «слушать, что говорят *шора*»; здесь же можно вспомнить эвфемическое наименование святочных духов *сильгысьяс* букв. «звонящие», связанное с основным мотивом гаданий на замужество – звоном свадебных колокольчиков (Лимеров 1998: 102).

Как показывают наши материалы, при всей «чужеродности» демоном *шора* включен в активную языковую игру, связанную с попытками его народноэтимологического осмысления. Прежде всего отметим паронимическую близость демонима *шора* с коми *шор* «ручей» (*шорсаяс* «ручейные, живущие в ручье», здесь же коми-пермяцкий вариант *шорёвй* «ручьево́й, из ручья», актуализирующую связь святочных духов с водной стихией: (А мыйла сия «шораяс», кывйыс кытысь?) *Ме ог тёд, мыйла сия «шора». Может, шорысь петёмьяс пё. Ме тай чайта да, может, шорысь петёмьясыс пё ветлёлдыны. ... Юкмёсыс пё ная петёны, юкмёсас пё кыскасны. Тадзи ползедлысны мяняс. (А мый, юкмёсё шорё вёчбны?) Юкмёсьясыс шорын. Миян ыджыд юыс тан абу да, шорьяс мяян только. Тані шор, татэн тоже шор. Может сійён и сия кывйыс петіс – «шора» (А почему они «шора», откуда это слово?) Я не знаю, почему «шора». Может, из «ручья вышедшие». Я думаю, может потому что, мол, из ручья – шор'а вышедшие ходят. ...Из проруби, мол, они выходят, в прорубь, мол, и уташат. Так нас пугали. (А что, прорубь на ручье делали?) Проруби на ручьях. У нас большой реки здесь нет, у нас только ручьи. Здесь ручей, и здесь тоже ручей. Может быть, отсюда и появилось это слово – шора) (ФФ ИЯЛИ В1571-3).*

Еще две фонетические мотивации, которые нам удалось зафиксировать, связаны уже с образами святочных ряженных. Так, например, слово *шораяс* устойчиво ассоциируется с узкодиалектным глаголом *шоркъялны-ветлыны* «шаркать, ходить волоча ноги, производя шорох» (Жилина 1985: 258), которым характеризуется поведение святочных ряженных: (А мыйла «шоран» шуёны?) *Мыйла шоркъялэ оти керкаысь мёдё. (Мый сия «шоркъялбыс»?) Но, шоркъялэ-ветлэ кокъяснаныс. Шоркъялэ-ветлёлдэ, вот и «шора». Оти керкаё пырё, мёдё петё, вот и сия шора. (А почему их «шора» называют?) Потому что *шоркъялёны* – шаркают-ходят из избы*

в избу. (А что значит *шоркъялёны*?) Ну, шоркает – ходит ногами. Шоркает-ходит – вот и шора. В одну избу заходит, в другую выходит, вот это и *шора*) (ФФ ИЯЛИ В1566-3, 5).

Другой вариант звуко-символического осмысления связывает слово *шора* с окказиональным *шорётчины* (< *шарётчины* «шаркать, шуршать, шелестеть» (ССКЗД 1961: 425). Это аттракция также связана с представлениями о ряженных и термином *шораасьны/ шорёавны* «ходить ряженным шора»: например, в приведенном выше репортаже *шораасьёны-ветлёны* и *шоркъялё-ветлё* создают общий образ ряженья.

Для всех приведенных мотивировок можно выделить общий вектор звукоосмысления, в результате которого возник вариант *шорё* (*шорёяс*), встречающийся в речи современных носителей традиции. Слово *шорё* уже обладает вполне исконным морфологическим обликом, и, соответственно, приобретает этимологическую прозрачность.

Таким образом, несмотря на заимствованный характер этих календарных терминов, они активно задействованы фольклорно-языковым сознанием, и процесс их освоения и трансляции при всей спонтанности и случайности интерпретаций неотделим от механизмов традиции в целом.

Литература и источники

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М., 2011. Т.4.

Жилина Т.И. Лузско-летский диалект коми языка. М., 1985.

Календарь коми 2002 – Традиционный народный календарь коми: Материалы / Сост В.В. Филиппова, Т.С. Канева; под ред. А.Н. Власова. Сыктывкар, 2002.

Лимеров П.Ф. Мифология загробного мира. Сыктывкар, 1998.

Панюков А.В., Савельева Г.С. Традиционный календарь в Коми крае – *Paleoslavica*. Cambridge, Massachusetts. 2007. V.XV, No2. P.261-294.

Розенталь Д. Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. 2-е изд. М., 1976.

ССКЗД 1961 – Жилина Т.И., Сахарова М.А., Сорвачева В.А. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Под ред. В.А. Сорвачевой. Сыктывкар, 1961.

Шейн 1898 – Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п.: Материалы, собранные и приведенные в порядок Н.В. Шейном. СПб., 1898-1900. Т.1., вып. 1 и 2.

ФФ ИЯЛИ В1571-3 – Фольклорный фонд ИЯЛИ В1571-3. Записано в д. Березовка Прилузского р-на Республики Коми от М.Р. Черных, 1927 г.р. Собиратели: А.В. Панюков, Г.С. Савельева, август 2011 г.

ФФ ИЯЛИ В1566-3, 5 – Фольклорный фонд ИЯЛИ В1566-3, 5. Записано в д. Березовка Прилузского р-на Республики Коми от Т.Е. Черных, 1938 г.р., М.Ф. Черных, 1938 г.р. Собиратели: А.В. Панюков, Г.С. Савельева, август 2011 г.

ДЕТСКИЕ ИГРОВЫЕ ПЕСНИ В МАТЕРИАЛАХ КОМИ ДИАЛЕКТОЛОГОВ

А.Н. Рассыхаев (Сыктывкар)

Исследователи коми языка в XX веке, особенно в 1960-1970-х гг., собирая диалектологический материал, записали также бесценные по своим характеристикам фольклорно-этнографические сведения, хранящиеся ныне в Научном архиве Коми НЦ. Фольклористы в настоящее время практически не пользуются этими источниками, между тем, они могут существенно облегчить работу по многим исследовательским темам, прежде всего, по малым фольклорным жанрам. В записях коми диалектологов разнообразно представлены и произведения детского фольклора, народные игры. Так, удалось подсчитать, что в них содержится более 80 текстов считалок (Рассыхаев 2001: 41-43), сотни описаний игр, разнообразная игровая терминология, между прочим, не полностью представленная в словарях к монографиям по диалектам коми языка.

Записи коми диалектологов помогают и в освещении проблемы бытования детских игровых песен в коми народной традиции. Дело в том, что за неимением достаточного корпуса текстов, исследователь детского фольклора коми Ю.Г. Рочев в 1970-х гг. при написании диссертационного сочинения не анализировал эти произведения и даже не пользовался термином «детские игровые песни», хотя они относятся к более крупным поэтическим формам по сравнению с игровыми припевками (Рочев 1972).

Очень жаль, что фольклорные произведения часто фиксируются лингвистами без комментариев, что создают сложности при определении условий бытования текста и простор для догадок.

Количество игровых песен, находящихся в нашем корпусе текстов, также не велико. Все они записаны не ранее 1960-х гг., что позволяет предположить их «искусственное» проникновение в детский игровой фольклор коми через систему дошкольного образования и массовую литературу. Отчасти в пользу данного предположения свидетельствуют и изданные в 1920-х гг. книги на коми языке для детского чтения, содержащие авторские переводы двух известных русских народных песен. На наш взгляд, анализируемые устные образцы занимают незначительное место также и в фольклорной традиции. Это объясняется тем, что для их исполнения требуется специальное заучивание и участие группы организованных детей. На степень популярности игровых песен в детской культуре влияет и отсутствие поощрения или наказания в играх. Дети редко играют в такие игры по своей инициативе, она чаще исходит от взрослых. Подобную тенденцию в бытовании детских игровых песен также улавливает М.Н. Мельников, отмечающий, что дети охотно расппевают песни

под руководством воспитателей, но, как правило, «не выносят за стены детского учреждения (сада, школы)» (Мельников 1987: 113).

В играх такого типа, рассчитанных на детей младшего возраста, элемент соперничества отодвинут на второй план, затушеван и едва просматривается, а иногда и вовсе отсутствует. Так, например, в игре «*Ичотик пышкой*» («Маленький воробушек») выбранный на роль «воробушка» участник встает в середину круга и там воспроизводит то, о чем поют остальные игроки (игра записана в с. Айкино Усть-Вымского р-на):

Ичотик пышкайлөн кынёмыс висьё.

Кён ветлін, кён ветлін, ичотик пышкой?

Ичотик пышкайлөн кокыс чеги.

Кён ветлін, кён ветлін, ичотик пышкой? и т.д. (Гуляев 1966: 63)

У маленького воробушка живот болит.

Где ходил, где ходил, маленький воробушек?

У маленького воробушка ноги сломались.

Где ходил, где ходил, маленький воробушек?

Когда держащиеся за руки игроки начинают петь о том, что у «воробушка» болит живот, то выбранный участник держится за живот; получил травму ноги – прыгает на одной ноге. Точно так же игроком имитируется боль руки, головы, глаз, ушей, зубов.

Близким к «*Ичотик пышкой*» является игра, известная в русской традиции как «Зайка», а в коми – «*Кёч*» («Зайка»). Исполняемая в устной фольклорной традиции коми игровая песня представляет собой свободное переложение текста по мотивам русского произведения (Новикова, Райкова 2002: № 424, 425; Покровский 1994: 189). В одной из детских игр коми в круг помещают выбранного участника, который ведет диалог с группой. В соответствии с содержанием песни игрок показывает движениями и отвечает словами остальным, как он работал в огороде, грыз капусту, как дети колотили его (Катерина – метлой, Марпушка – кулаком, Дуняша – дергала за усы), как он плакал и лапой утирал слезы (Записано в д. М. Галово Ижемского района):

Кён тэ, кочей, вёлін?

Где ты, зайка, бывал?

Кён тэ, рудэй, вёлін?

Где ты, серый, бывал?

Град йёрын, челядьяс,

В огороде, дети, (я был),

Град йёрын, донаяс.

В огороде, дорогие, (я был).

Мый тэ, кочей, уджалін,

Что ты, зайка, работал,

Мый тэ, кочей, уджалін?

Что ты, зайка, работал?

Ме капуста йири,

Я капусту грыз,

Кочансэ ме чеглалі и т.д.

Кочаны я пообломал и т.д.

(Панюков, Савельева 1999: № 72)

В связи с этой версией отметим опубликованное в середине 1920-х гг. под авторством Н. Каракчиевой произведение «Көчилей-чойилей» (Зайнька-сестричка), построенное по фольклорным канонам и совпадающее с ней в сюжетном и композиционном (в форме диалога) планах:

Видза олан, көчилей,	Здравствуй, зайнька,
Видза олан, чойилей!	Здравствуй, сестричка!
Видза олад, аканьяс,	Здравствуйте, куколки,
Видза олад, мусаяс!	Здравствуйте, дорогие!
Кытчө ветлін, көчилей,	Куда ходила, зайнька,
Кытчө ветлін, чойилей?	Куда ходила, сестричка?
Йөрө волі, аканьяс,	В огород приходила, куколки,
Йөрө ветлі, мусаяс! и т.д.	В огород ходила, дорогие! и т.д.

(Молодцов 1926: 87-88)

В другой игровой песне, в которой основным персонажем также является это любимое детское животное, «зайку» просят прогуляться, топнуть ножкой, шевельнуть ушками, сделать лапками «хлоп», поморгать глазками, покачать головушкой (Записано в с. Керчомья Усть-Куломского района):

Көч пиёй, гуляйтышт да,	Зайнька, погуляй.
Көч пиёй, гуляйтышт.	Зайнька, погуляй,
Сідзи-гадзи гуляйтышт,	Так и этак погуляй,
Этадзикөн гуляйтышт.	Да и этак погуляй.
Көч пиёй, тапнид кокнад,	Зайнька, топни ножкой,
Көч пиёй, тапнит кокнад.	Зайнька, топни ножкой.
Сідзи-гадзи тапнит кокнад,	Так и эдак топни ножкой,
Вот этадзик тапнит кокнад... и т.д.	Вот и эдак топни ножкой... и т.д.

(Панюков, Савельева 1999: № 73)

По нашим сведениям, игровые песни «Ичөтик пышкой» и «Көч» активно используются в учреждениях дошкольного образования уже несколько десятилетий, однако фактов их исполнения в устной народной культуре мало. В то же время есть сведения из д. Вьльгорт Усть-Куломского района, свидетельствующее о бытовании иной игровой песни в фольклорной традиции: дети собираются у бабушки с дедушкой и играют в «Семён дядь» (Дядя Семен). Перед игрой в центр круга встает мужчина и телодвижениями «озвучивает» детское пение:

Семен дядьлөн вёлы,	У дяди Семена было,
Вёлы сизим челядь.	Было семь детей.
Сизимнанныс сіе:	Все семь были:
Этатшем юраэсь,	С такой головой,
Этатшем тошкаэсь,	С такой бородой,

Этатшем синмаэсь,
 Этатшем пеляэсь,
 Этатшем ныраэсь,
 Этатшем вомаэсь.
 Нае эз уджавны, эз уджавны,
 Эся-й вöчисны вот тадз...
 (ФФ 1: А 1224-4.)

С такими глазами,
 С такими ушами,
 С такими носами,
 С таким ртом.
 Они не работали, не работали,
 Потом и сделали вот так...

Ведущий вместе с остальными игроками показывает руками объем головы, длину бороды, глаза, уши, нос и рот «детей дяди Семена». Потом ведущий выбирает того, кто хуже всех показывает эти движения; его и помещали в круг. Близкая по содержанию детская песня была зафиксирована в коми традиции также и на русском языке, она бытовала на Удоре под названием «У Трифона». Тексты с аналогичным содержанием известны в русской и удмуртской традициях (Покровский 1994: 216-217; Новицкая, Райкова 2002; № 454; Долганова, Морозов 2002: 94).

Игра «Каравай» также бытует как в устной традиции, так и в стенах дошкольных педагогических учреждений. При этом зафиксированы отличающиеся в текстологическом отношении варианты. Так, в д.Каргорт Сыктывдинского района записан следующий текст (сожалению, без комментария):

Кöтаси каравай,
 Шоммис каравай.
 Джуджданогыс этатшöм,
 Пасьтаногыс этатшöм,
 Векняногыс эташöм.
 Каравай, каравай,
 Коді колö – сійöс вай.
 (НА 1: 155)

Заметён каравай,
 Закис каравай.
 Высота вот такая,
 Ширина вот такая,
 Ужина вот такая.
 Каравай, каравай,
 Кто нужен – его выбирай.

Комментарий к другой аналогичной игре «Тупесь нянь» («Каравай») свидетельствует, что песня была усвоена в детском садике (Панюков, Савельева 1999: № 78. Записано в с.Аныб Усть-Куломского района). В ней участники игры ходят по кругу, взявшись за руки, а «именинник» в центре круга воспроизводит содержание песни движениями:

Людалэн нимлун вьлэ
 Пöжалім ми тупесь нянь,
 Тупесь нянь, тупесь нянь,
 Пöжалім ми тупесь нянь:
 Вот эта судта,
 Вот эта ляпка,

Как на Людины именины
 Испекли мы каравай,
 Каравай, каравай,
 Испекли мы каравай:
 Вот такой вышины,
 Вот такой низины,

Вот эта пасьята,
Вот эта векня.
Бөрйи, кодэс көсьян.

Вот такой ширины,
Вот такой ужины.
Выбирай, кого хочешь.

Спев песню, «именинник» выбирает из игроков одного, который становится на его место в середине круга. В марте 2013 г., автор данной работы стал случайным наблюдателем исполнения игровой песни на этот сюжет в д. Выльыб Корткеросского района. Дети собрались на день рождения своего родственника, мать которого выставила на табуретку купленный в магазине торт и попросила перед тем, как съесть, исполнить песню «Каравай». Женщина собрала детей и взрослых вокруг табуретки с тортом, велела взять друг друга за руки. После этого она стала исполнять игровую песня сначала на коми языке, потом – на русском, а дети подпевали в меру знания текста.

В детском игровом фольклоре коми зафиксированы также варианты текстов на известный сюжет русской песни «Серенький козлик». По мнению исследователя В. Серова, песня представляет собой вольный перевод с польского оригинала, сохранившегося в рукописном сборнике польских песен, составленном около 1713 г. Впервые в русской литературе песня появилась в комедии И.С. Тургенева «Месяц в деревне» (1855). Позднее текст песни о трагической истории козлика попал во многие российские песенники и приобрел популярность в устной традиции (Серов). В с. Вольдино Усть-Куломского района записан следующий вариант игровой песни (к сожалению, без комментариев):

Пөчелэн вöлэма руд гöна кöза,	У бабушки был серенький козлик,
Вот кыдзи, вот кыдзи, руд гöна кöза.	Вот как, вот как, серенький козлик.
Пөчелі кöзаис зэв вöлі муса,	Бабушке козлик был очень дорогим,
Вот кыдзи, вот кыдзи, зэв вöлі муса.	Вот как, вот как, очень был дорогим.

(НА 2: 381)

Второй вариант этой песни, зафиксированный от пожилых информантов также в Усть-Куломском районе, в сюжетном плане мало отличается от предыдущего: непослушного козлика, отправившегося в лес погулять, съедают волки, оставляя бабушке только рожки на ножки (ФА 2: 1295-6). Как и в случае с игровой песней «Кöч», в 1920-х гг. был издан авторский перевод текста русской песни, в котором козлик заменен другим персонажем – барашком, однако сохранен и сюжет, и ритмико-композиционные особенности. Автором «Ичöтик мегö» («Маленький барашек») выступил известный финно-угровед, лингвист, поэт В.И. Лыткин, составивший на коми языке первую книгу для детского чтения «Асья кыа» («Утренняя заря»):

Пöчöлөн вöлöма ичöтик мегö.	У бабушки был маленький барашек,
Ичöтик, ичöтик, ичöтик мегö.	Маленький, маленький, маленький барашек.
Пöчöлы мегöыс вöлі зэв муса.	Бабушке барашек был очень дорогим,
Зэв вöлі, зэв вöлі, зэв вöлі муса.	Был очень, был очень, был очень дорогим

(Лыткин 1924: 6)

Весьма интересным способом происходит акциональное воспроизведение содержания в игре «*Петыр ворсö*» («Петр играет»):

Петыр ворсö öти мöлötөн,	Петр играет одним молотом,
Петыр ворсö кык мöлötөн,	Петр играет двумя молотами,
Петыр ворсö куим мöлötөн,	Петр играет тремя молотами,
Петыр ворсö нель мöлötөн,	Петр играет четырьмя молотами,
Петыр ворсö вит мöлötөн.	Петр играет пятью молотами.

(ФА 1: РФ 15-ХIII-11)

Во время трехкратного повторения первой строчки все игроки стучат одной рукой, имитируя работу топором, во время исполнении второй строчки стучат двумя руками, во время третьей – руками и одной ногой, во время четвертой – руками и ногами, во время пятой – руками, ногами и головой.

Игра обладает уникальным свойством притягивать поэтические произведения различной жанровой принадлежности, в особенности те, содержание которых можно воспроизвести движениями. Так, в детской игровой традиции продолжила свое существование популярная коми потешка «*Рöдтö, воедö*» («Скачет, догоняет»), в текст которой информантом из с. Турья Княжпогостского района осознанно были внесены авторские изменения и добавления. Дети танцевали под исполнение этой «потешки», а этот процесс у них назывался игрой:

Рöдтö, воедö,	Бежит рысью, бежит,
Скачитö, пляситö,	Скачет, пляшет,
Мамыс ордö да ыджыд айыс ордö,	К матери и дедушке,
Быгья сурсö юны,	Пенистое пиво пить,
Чöскыд шаньгасö сёйны,	Вкусные шаньги есть,
Нöкья роксö панявны да	Кашу со сметаной хлебать и
Мича мойдсö кывзыны ... и т.д.	Складную сказку слушать ...

(ФФ 2: В 0603-28.)

Понятно, что рассматриваемая песня, созданная одним человеком на основе народного произведения, как и другие подобные «сочиненные» тексты, функционально ограничена в фольклорном процессе.

Таким образом, детские игровые песни фиксируются в таких играх как «*Ичöтик пышкой*» («Маленький воробушек»), «*Кöч*» («Зайка»), «*Руд*

гöна кöза («Серенький козлик»), «*Семöн дядь*» («Дядя Семен»), «*Петыр ворсö*» («Петр играет»), «*Тупесь нянь*» («Каравай»), и «*Рöдтö, воедö*» («Скачет, догоняет»). Композиционно игровые песни строятся на многократном повторении одинаковых строк, обращений к водящему. В детских играх песни «описывают» действия участников.

При сопоставлении детских игровых песен коми с аналогичными русскими текстами обнаруживается много общего в композиционном и содержательном плане. Генетически некоторые из текстов восходят к фольклору взрослых, поэтому в них проявляются еще некоторые элементы брачно-эротической семантики, свойственной игровым текстам. К примеру, фольклорная экспедиция 2013 г. в с. Нившера Корткеросского района подтвердила, что «*Заинька, погуляй*» и «*Кöч пийöй, гуляйтли*» исполнялись (попеременно, то на коми, то на русском языке) в качестве припевочной песни («*сьылöдам*») во время святочных игрищ «*Чивильтöм*». Простота исполнения и синтаксиса, легкость запоминания, сюжетность, повторяемость, близость образов (зайка, воробей), несомненно, явились причиной того, что игровые песни были использованы в воспитательной работе с детьми.

Проведя сравнительный анализ с русским фольклором, можно отметить, что в коми традиции нет новых сюжетов – все они являются народными переложениями произведений русского детского фольклора или результатом вторичной фольклоризации. Относительно поздние полевые записи дают возможность предположить искусственное проникновение в коми игровую традицию детских песен через систему образовательных учреждений. Диалектологи в 1960-70-х гг. успели зафиксировать этот пласт, поэтому сегодня фольклористы имеют возможность судить об одном из типов детских игр.

Литература и источники

- Гуляев Е.С.* Сьылан-ворсан // Войвыв кодзув. 1966. 8 №.
Новикова, Райкова 2002 – Детский фольклор / Сост., вступ. ст., подгот. текстов, коммент. М.Ю. Новицкой, И.Н. Райковой. М., 2002.
Долганова Л.Н., Морозов И.А. Игры и развлечения удмуртов. 2-е изд., доп. / Науч. ред. и отв. за вып. Т. Г. Владыкина. Ижевск, 2002.
Мельников М.Н. Русский детский фольклор: учеб. пособие. М., 1987.
Молодцов В.А. – Школаын лыддысянтор. Мöд нига / Под редакцией В.А. Молодцова. Сыктывдiнкар, 1926.
Лыткин В.И. Асья кыа. Первая книга для чтения после букваря. М., 1924.
Покровский Е.А. Детские, преимущественно русские. СПб., 1994.
Рассыхаев А.Н. Коми считалки в записях диалектологов (по материалам Научного архива Коми научного центра) // Архивы Уральского отделения Российской академии наук: Тез. докл. Второй науч. конф. Сыктывкар, 2001. С. 41-43.

Рочев Ю.Г. Детский фольклор коми: Дисс. на соиск. ... канд. филол. н. Сыктывкар, 1972 // НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 129. 181 л.

Серов В. – Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений (доступ к ресурсу) <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/14/99.htm> (дата обращения: 22 мая 2013 г.).

Панюков А. В., Савельева Г. С. 1999 – Традиционная культура коми: Этнография детства. Материалы фольклорно-этнографических экспедиций 1995-1998 гг. / Сост. А.В. Панюков, Г.С. Савельева. Сыктывкар, 1999.

НА 1 – Научный архив Коми НЦ Уро РАН: Ф. 1. Оп. 11. Д. 299. Л. 155. – Зап. Н. И. Лоскутова в 1967 г. в д.Каргорт Сыктывдинского района от Марии Аврамовны Костаревой (сведения о годе рождения отсутствуют).

НА 2 – Научный архив Коми НЦ Уро РАН: Ф. 1. Оп. 11. Д. 220. Л. 381. – Зап. М. А. Сахарова и Д. И. Чуркина в 1962 г. в с. Вольдино Усть-Куломского района от Анисьи Афанасьевны Уляшевой и Александры Васильевны Уляшевой (сведения о годе рождения отсутствуют).

ФФ 1 – Фольклорный фонд ИЯЛИ Коми НЦ Уро РАН: А 1224-4. – Зап. в 2001 г. в д. Вильгорт Усть-Куломского района от Марьи Александровны Шебыревой, 1924 г.р.

ФФ 2 – Фольклорный фонд ИЯЛИ Коми НЦ Уро РАН: В 0603-28. – Зап. в 2000 г. в с.Турья Княжпогостского района от Ольги Степановны Шлоповой, 1921 г.р.

ФА 1 – Фольклорный архив СыктГУ: РФ 15-ХП-11 – Зап. в 2000 г. в с.Вомын Корткеросского района от Афанасьи Александровны Каракчиевой, 1913 г.р.

ФА 2 – Фольклорный архив СыктГУ: ФА 1295-6. – Зап. В.В. Филиппова и Г.А. Мишарина 10 июля 2002 г. в с.Керчомъя Усть-Куломского района от Анны Андреевны Поповой, 1926 г.р., и Агнии Андреевны Кузнецовой.

КУРАТОВЕДЧЕСКИЕ РАБОТЫ Е.С. ГУЛЯЕВА В ФОНДАХ АРХИВА КОМИ НЦ УРО РАН

Л.Е. Сурнина (Сыктывкар)

Исследование творчества И.А. Куратова формировалось в несколько этапов, каждый из которых имеет свои особенности и свои подходы к изучению жизни и творчества первого коми поэта. Первые попытки дать оценку трудам поэта были предприняты еще в XIX столетии (упоминания о И. Куратове можно найти в сочинениях *К. Попова, Ф. Видемана, А. Красова*). Изучение идейной стороны и проблемно-тематического пласта лирики И. Куратова начинается в 1920-е гг. (*А.С. Сидоров, В.И. Лыткин, А.А. Попов, П.Г. Доронин*). В 1950 – 1960 гг. проводятся исследовательские работы по изучению архивных и литературных первоисточников. Рассматриваются особенности формирования мировоззренческих и эстетических взглядов коми поэта. Его творчество освещается с точки зрения жанрово-тематических особенностей, выявляется характерный для поэта образный ряд. Изучаются разнообразные связи лирики И. Куратова с литературным творчеством разных авторов, разных стран, разных эпох. Исследователями освещаются собственно стиховедческие аспекты его творчества (*А.А. Вежнев, А.Н. Федорова, А.К. Микушев, А.Е. Ванеев, позже В.И. Мартынов, В.Н. Демин, В.А. Латышева, Н.В. Вулих*). В начале 1990-х гг. в изучение поэтики обогатилось исследованием отдельных сторон: фольклоризма лирики И. Куратова (*В.А. Латышева*), иронико-юмористического аспекта произведений коми поэта (*Т.Л. Кузнецова*), продолжается изучение литературного (*Г.И. Тираспольский*) и биографического (*А.Г. Малыхина*) контекста творчества И. Куратова. В отдельных работах предложен опыт переоценки части куратовского творчества (*П.Ф. Лимеров*). Куратоведение тесно связано и с развитием науки о языке. Наряду с литературоведами активный интерес к творчеству И.А. Куратова проявляют лингвисты. Интересными являются статьи о лингвистических трудах И.А. Куратова о том, как формировались его лингвистические взгляды, на каком фундаменте и как строил он литературный язык коми.

В развитии куратоведения особое место принадлежит Евгению Семеновичу Гуляеву. Его научная деятельность многогранна; он известен исследователям финно-угорских языков как этимолог, диалектолог, лексиколог, грамматист, исследователь истории коми литературного языка. Несомненны заслуги ученого в изучении, расшифровке и творческом осмыслении поэтического наследия основоположника коми литературы И.А. Куратова. Е.С. Гуляев – автор большого количества статей о лингвистических исследованиях поэта, участник «Куратовских чтений». Им впервые подготовлено к изданию полное собрание художественных

произведений поэта, вышедшее после смерти ученого в 1979 г. под названием «Менам муза» (Моя муза). В небольшом послесловии к этой книге отмечается, что «среди исследователей Куратова последних лет Евгений Гуляев был одним из наиболее крупных исследователей» (Иван Куратов 1979).

Вклад Е.С. Гуляева в куратоведение начинается с описания рукописей и архива коми поэта, с публикации книги «И.А. Куратов. Описание документальных материалов личного фонда Куратова» (1968). Это, можно сказать, первое документальное описание рукописей самого И.А. Куратова, а также литературы о его жизни и творчестве.

В личном фонде Е.С. Гуляева, который находится в архиве Коми научного центра УрО РАН, отложились следующие документы по куратоведению: статьи, черновики и наброски к статьям о лингвистических исследованиях И. Куратова, варианты научных статей, научные доклады и выступления о подготовке издания сочинений поэта, подготовительные материалы (рабочие тетради, выписки из произведений), подборка материалов других исследователей куратовского творчества, отредактированный им текст полного собрания сочинений Куратова; переписка Е.С. Гуляева с профессором В.И. Лыткиным об издании сочинений И. Куратова.

Художественное творчество И.А. Куратова исследовано ученым с точки зрения языкознания. Все труды, посвященные изучению рукописей коми поэта, можно разделить на 4 группы:

1. исследование лексики художественных и лингвистических трудов И.А. Куратова;
2. освещение вопросов морфологии, словообразования, синтаксиса в произведениях поэта;
3. текстологическая работа, датировка рукописей Куратова;
4. характеристика рукописей Куратова с точки зрения их содержания и назначения.

Исследователь проявил интерес к лексической стороне произведений коми поэта. В поле зрения Е.С. Гуляева оказались следующие аспекты языка И. Куратова: заимствованные слова и их акцентологическая характеристика, территориально ограниченная (диалектная) лексика, исконно коми и интернациональная лексика, термины античной мифологии, диалектные, редкие и непонятные слова и выражения, неологизмы и фразеологизмы, окказиональные варианты слов в произведениях Куратова, индивидуальный стиль Куратова и теоретические основы литературной коми речи.

Исследователь попытался описать, объяснить, прокомментировать отдельно взятые слова. Например, по теме «Интернационализмы в художественных произведениях» Е.С. Гуляев пишет, что поэт включал интер-

национальную лексику через посредничество русского языка, ориентируясь на тот вид, который приобрело слово в русском литературном языке. В конце делает вывод: «У И. А. Куратова международная лексика, фигурирующая в поэзии, имеет тот же облик, что и в русском, выглядит вполне нормированно, «литературно». Иными словами, писатель фиксировал в художественных текстах научно обоснованный, этимологически правильный облик слова, тем самым обеспечивал его жизненность» (НА 1: 15).

По мнению ученого, значительное количество интернациональных слов в поэзии И. Куратова относится к терминологии философской и социально-экономической наук и связано с общественной жизнью, политическими, экономическими и моральными устоями общества, например: *байронизм, гуманизм, пессимизм, романтизм* («Йёгралы»), *идеализм, папизм, эклектизм* («Бур морт»), *мораль* («Батъё эн шу»), *монета* («Помодз дзугьль менё сёяс»). В поэзии И. Куратова достаточно широко также представлена военная, духовная и юридическая терминология западного происхождения. Приведем примеры: *майор* («Пасъяс синтёмлён»), *мундир* «мундир», *офитсэр* «офицер» («Морт олём»), *эполетъяс* («Генерал»), *ангел* «ангел» (Кодыр библия ме лыдди...»), *теолог* «теолог, богослов» («Йёгралы»).

Е.С. Гуляев подчеркивал, что поэт, включая в свои стихотворения славянизмы, интернационализмы, неологизмы, диалектологизмы, стремился раздвинуть границы словаря родного языка, включить в него такие понятия, которые были в обиходе старописьменных языков, в отличие от коми.

В стихотворениях, включающих мотивы античной мифологии, исследователь отмечает три функции лексики, связанной с указанной тематикой:

– *участвует в строительстве сравнительной конструкции:*

Кор войписны-керисны Лессинг, да Шиллер,
да Гёте,

Афина-Палладаён кёсийс Германия лоны.

В то время, когда учили-писали Лессинг, и Шиллер,
и Гёте,

Желала Германия Афиной-Палладаю быть.

Здесь поэт подчеркивает, что Германия имела в свое время все предпосылки стать в Европе во главе наук и искусств (богиней наук и искусств подобно Афине-Палладе), однако милитаризм превратил эту страну в солдатку.

– *оформляет риторическое обращение* типа «Зевс, тэ ас вылө коль менё!» (Зевс, оставь меня с самим собой). Чаще всего такого рода обращения встречаются в раздумьях лирического героя, хотя не исключено их использование и в описаниях сцен из народной жизни, например, в стихот-

ворении «Закар ордын» (У Захара):

Бахус! Лолыд радлӧ оз?
Коді юӧ найӧ моз?

Бахус! Сердце радо:
Пить умеют здесь, как надо!

Здесь античная терминология фигурирует опять-таки в лирическом отступлении повествователя, который как бы сбоку наблюдает за воскресным столом собравшихся степенных, полных достоинства крестьян.

– выполняет номинативную функцию, например, в переводных произведениях, где героями выступают персонажи из античной мифологии, Куратов сохраняет образную систему оригинала. Так, в переводе шиллеровского «Раздела земли» («Югд юкӧм»), излагающем деяния Зевса, имя этого «всесильного бога» встречается три раза, как и в исходном поэтическом материале. В стихотворении описывается картина, взятая из мифа. Только поэты смотрят на миф глазами современного человека: встречаются такие понятия, как *банкир*, *архиерей*, *алтарь*, *трон*, *царь*, *скипетр*. Эти понятия не были известны древним грекам, они подходят к новой истории, и, таким образом, раскрывают жизнь людей нового времени.

Е.С. Гуляев останавливается также на отрасли лексики, обозначающей названия народов и этнических групп. Этнонимы встречаются, главным образом, в публицистических стихотворениях, типа «Йӧгралы» («К Остяку») и произведениях, излагающих историю народов, например, в поэме «Ягморт» («Лесной человек»). Таковы, в частности, *аллеман* «немец», *бритт* «британец» («Европалы»), *манса* «манси», *маджар* «венгр, мадьяр», *мари-шамыч* «марийский народ», *уйморт* «удмурт» («Ягморт»), *шваб* «шваб, немец» («Vörwärts»).

Рукописи Куратова Е.С. Гуляевым были рассмотрены и с точки зрения морфологии. Исследователем затронуты такие вопросы, как местоимение, время глагола и его роль, значение и функции падежей в произведениях коми поэта. Все это помогает И.А. Куратову выражать свою позицию, позицию лирического героя к описываемым явлениям. Морфологические диалектизмы поэта, по мнению Е.С. Гуляева, служили для обогащения выразительных средств создаваемого им литературного коми языка.

Особенно интересны те работы, которые посвящены текстологическому анализу и датировке рукописей И.А. Куратова, неизданных вариантов стихотворений: «Текстология одного перевода из Бернса», «И.А. Куратов да текстологъяслӧн могъяс» («И.А. Куратов и цели текстологов»), «Наброски к статьям о сохранности творческого наследия, текстологическом анализе, датировке рукописей И.А. Куратова», «К истории стихов в «Вологодских губернских ведомостях». По мнению Гуляева, в текстологии главным является изучение истории текста, ясное представление о значении каждого из источников, анализ всех вариантов, редакций текста при учете истори-

ческой обстановки, фактов биографии писателя. В статье «И.А. Куратов да текстологьяслён могъяс» («И.А. Куратов и цели текстологов») Е.С. Гуляев указывает на то, что в издании сочинений И.А. Куратова 1939 г. допущены ряд таких отступлений от подлинников поэта, как лексико-семантические, морфологические, орфографические, пунктуационные, которые надо исправить в последующих изданиях. С целью выявления таких отступлений им рассмотрено сорок два произведения поэта (Гуляев 1973: 103-118).

На основании замечаний, оставленных И. Куратовым на полях своих рукописей и между строками стихотворений, Е.С. Гуляевым сделана попытка осветить некоторые стороны жизни поэта. Например, черновик статьи ученого «Характеристика рукописей с точки зрения их содержания и назначения» содержит замечания о том, сколько и кому был должен И.А. Куратов, как он рассчитывал свой маленький доход и у кого думал одолжить денег до жалованья (НА 2: 8).

Таким образом, наследие Е.С. Гуляева включает, широкий круг тем и проблем, связанных с биографией и творчеством Куратова, но в центре внимания ученого – языковое «лицо» произведений поэта. Освещение личной жизни органично входит в комплекс исследований.

В то же время исследования Е.С. Гуляева представляют интерес и для литературоведа. Изучение слов, речи, этимологической, морфологической, синтаксической форм, знаков препинания, пауз – все это помогает раскрыть образ, идею произведения, описать стиль поэта.

Литература и источники

Гуляев Е.С. И.А. Куратов да текстологьяслён могъяс // Куратовские чтения. Сыктывкар, 1973. Т. 1. С. 103-118.

Иван Куратов. Менам муза. Сыктывкар, 1979.

НА 1 – Гуляев Е.С. Интернациональная лексика в произведениях И.А. Куратова // Научный архив Коми научного центра Уральского отделения РАН. Ф. 42. Оп. 1. Д. 45. Л. 15.

НА 2 – Гуляев Е.С. Характеристика рукописей И.А. Куратова с точки зрения их содержания и назначения // Научный архив Коми научного центра Уральского отделения РАН. Ф. 42. Оп. 1. Д. 33. Л. 8.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии.....	4
---------------------	---

О юбилярах

<i>Г.В. Федюнева</i> У истоков коми диалектологии	6
<i>В.М. Кудряшева</i> Полевые исследования лингвиста Т.И. Жилиной	14
<i>Малкова Т.А</i> М.А. Сахарова и Н.А. Колегова: начало пути в науку	20

Вопросы диалектологии и лексикологии

<i>Айбабина Е.А., Безносилова Л.М.</i> Коромысло, Весы, Посох, Пуп Неба: о некоторых наименованиях космических объектов в коми и других финно-угорских языках.....	25
<i>Бакланова И.И.</i> Качественная расшифровка диалектных записей как условие выявления коми-пермяцкого влияния на русскую речь Пермского края	31
<i>Бусыгина Л.В.</i> Происхождение и ареалы распространения наименований платка (головного) в удмуртских диалектах.....	36
<i>Гуляева Н. И.</i> Вопросительные предложения в диалектах коми языка (на материале верхневычегодского диалекта).....	43
<i>Доценко Т., Нечаева В.</i> Соматизмы «голова и ее части» в представлении коми-пермяков и русских	48
<i>Едыгарова С.В.</i> О социальном статусе современных пермских диалектов	53
<i>Ившин Л. М.</i> Написание сложных слов в памятниках удмуртской письменности XVIII – первой половины XIX века	59
<i>Кириллова Л. Е.</i> Народная лексика подсечно-огневого земледелия в удмуртской топонимии	64
<i>Лобанова А.С.</i> Наименования одежды в языке коми-пермяков. Ареальный и функциональный аспект	72
<i>Лобанова А.С., Чугайнова Н.А.</i> О вариативности образования превосходной степени имени прилагательного в сепольском говоре кочевого диалекта коми-пермяцкого языка.....	81
<i>Лудыкова В.М.</i> Модальность коми диалектной речи.....	84
<i>Максимов С.А.</i> Понятия «мать» и «обращение к матери» в удмуртском языке (ареальный и историко-этимологический аспект)	92
<i>Мусанов А.Г.</i> Диалектологический атлас коми языка: попытки составления.....	105

<i>Некрасова Г.А., Сергеева Е.Н.</i> Неканоническое маркирование актантов двухместных предикатов в коми-пермяцком языке	109
<i>Некрасова О.И.</i> Деепричастия в диалектных текстах Т.Э. Утилы.....	117
<i>Понарядов В.В.</i> История коми-язьвинских гласных	126
<i>Попова Р.П.</i> Исследователь коми-пермяцкого языка Федот Алексеевич Волегов	131
<i>Попова Э.Н.</i> Общее и особенное в функционировании союзов в коми-зырянском языке и севернорусских говорах.....	134
<i>Пунегова Г.В.</i> Фонетические особенности говора с. Мыёлдино.....	140
<i>Ракин А.Н.</i> Лексика рыболовства в диалектах коми языка	146
<i>Сажина С.А.</i> Коми диалектология: современное состояние и перспективы	158
<i>Семёнов В.Г.</i> Наименования понятия «кудри» в диалектах удмуртского языка.....	167
<i>Цыпанов Е.А.</i> Пейоративная лексика в коми диалектных словарях	174

Полевые и архивные исследования

<i>Коровина Н.С.</i> Коми народные сказки в собраниях лингвистов	179
<i>Кочедыкова М.М.</i> «Плач по Журавскому» как исторический источник	183
<i>Лимеров П.Ф.</i> Стратегии ведовства в интерпретациях А. И. Бутыревой, знахарки из с. Важгорт	189
<i>Низовцева С.Г., Шахматская П.А.</i> Обзор фольклорных материалов, записанных от русского населения пос. Нючпас и Кажым (по результатам экспедиций 2013 г. в Койгородский района Республики Коми).	195
<i>Панюков А.В.</i> Календарная терминология коми в зеркале народной этимологии	202
<i>Рассыхаев А.Н.</i> Детские игровые песни в материалах коми диалектологов	209
<i>Сурнина Л.Е.</i> Куратоведческие работы Е.С. Гуляева в фондах архива Коми НЦ УрО РАН.....	217

Научное издание

**ВОПРОСЫ ПЕРМСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ
И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ:
ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Сборник научных статей международной научной конференции

Рекомендовано к изданию ученым советом
Института языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО РАН

Оригинал-макет – О.Н. Низовцев

Компьютерный набор. Формат 60х90 1/16.
Уч.-изд. л. 14,5. Усл. печ. л. 14,0. Тираж 100. Заказ № 27

Редакционно-издательский отдел Института языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.

Отпечатано с оригинал-макета в ООО «Типография «Полиграф-сервис»
167610, г. Сыктывкар, Ленина, 4, тел. 21-48-36.